

*Памяти моей матери,
Плоткиной Зои Матвеевны,
посвящается.*

Бессознательное развило Вселенную в надежде достичь ясного самоосознания.

Гегель

Бога не было до тех пор, пока он не создал собственную иллюзию — Вселенную, и через нее не осознал себя как Бога.

Даниил

РАСТУТ ЛИ ПРОБЛЕМЫ НА ДЕРЕВЬЯХ?

Как известно (правда, не всем), проблемы на деревьях не растут, и увидеть их так просто, как яблоко или грушу, невозможно. Если такое вот яблоко, груша или какой-нибудь иной фрукт свалился вам на голову и больно вас ударил — это еще не проблема. Только в случае, когда вы осознаете, что вам просто не жить, если вы не поймете, почему этот плод упал и упал именно на вашу голову, — вот только в этом случае вы можете почувствовать ситуацию как проблемную. Не проблемную вообще, а проблемную лично для себя. Но и здесь еще нет проблемы — ее еще надо особым образом зафиксировать и сформулировать. Самое главное, что я для себя понял, — моя проблема лежит не вовне, а во мне самом. Я понял, что должен сделать все возможное, чтобы не утонуть в сытой скуке эмигрантской жизни, т. е. сделать свою жизнь интересной и насыщенной. Для меня это значит — создать или построить пространство своей жизни таким образом, чтобы оно не мешало, а наоборот, позволяло максимально высвободить мою творческую энергию. Другими словами, я осознал, что моя проблема в том, чтобы заново обрести самого себя. Именно это со мной и случилось здесь, в эмиграции, когда пришлось крепко призадуматься над смыслом своей собственной жизни.

Я понимаю, что для многих это мое признание звучит, мягко выражаясь, странно. И в самом деле, при чем тут смысл жизни — дело надо делать, а не в высоких материях витать. Надо учить язык, устраиваться на работу, платить непомерно высокий рент, обеспечить семью медицинской страховкой и т. д., и т. п. — огромная куча действительно

жизненных проблем, разрешение которых у подавляющего большинства отбирает все силы без остатка.

Но вот прошли первые пять лет. Программу минимум удалось выполнить: есть работа по специальности, есть страховка; живем, конечно, не шикарно, как говорится, без излишеств, но жаловаться грех. Что очень для меня важно — есть достаточно свободного времени для различного рода хобби и даже для «досужих» размышлений о смысле жизни. Надо сказать, что я человек творческий, т. е. во мне заложена постоянная потребность создавать нечто новое. Меня не устраивает рутинное проживание жизни, когда изо дня в день все подчиняется строго установленному порядку: встал, пошел на работу, пришел с работы, поел, полежа, почитал, посмотрел телевизор, изредка гости (они к нам или мы к ним) — выпили, закусили, поговорили, разошлись, утром опять на работу и т. д. Творческая энергия, требуя выхода, заставляет искать различные пути ее реализации.

На первых порах я по инерции пытался удовлетворить свой творческий голод привычным путем, т. е. вкладывая душу в свои архитектурные проекты. Но иллюзии на этот счет скоро рассеялись, и не только потому, что то, что я делаю по службе (я занимаюсь проектированием реконструкции и реставрации жилых зданий), не дает необходимого простора для свободного полета архитектурной мысли. Вскоре я почувствовал, что даже работа над конкурсными проектами хотя и поглощает меня полностью, но только на какое-то время. В общем, я понял, что мое творчество на поприще архитектуры не может здесь даже сравниться с тем уровнем, к которому я привык в моей прежней доиммигрантской жизни. Попытки компенсировать недостаток творческой активности за счет моих многочисленных хобби (должен признаться, что по своей природе я — страстный коллекционер) хотя и позволяют занять значительную часть времени и требуют серьезных затрат жизненной энергии, тем не менее представляют для меня лишь некоторый суррогат творческой активности и не могут поэтому заменить настоящее творчество.

Вы, конечно, можете представить, как себя чувствует рыба, попавшая из привычной водной среды на сушу. Вот

такое примерно ощущение было у меня, когда я представил свое будущее как серое существование в атмосфере творческого вакуума. Страшно стало, аж дух перехватило. Если мое будущее рисуется мне в цветах серой скуки, то зачем я приехал сюда? Неужели только «за колбасой», как принято говорить в народе? — эти вопросы постоянно держали меня в напряжении. Зачем я живу? Неужели только для того, чтобы, прожив эту жизнь в тепле и сытости, произвести на свет потомство и способствовать тем самым запуску очередного круга бессмысленного существования человечества? Вопросы как бы сами собой всплывали из глубины моего сознания или еще чего-то непонятного, что, собственно, и было моей сущностью, моим Я. Как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. Появлялись все новые вопросы: зачем вообще существует человечество, есть ли смысл и цели существования Вселенной и вообще кому вся эта суета нужна?

Лавина вопросов захватывала меня все больше и больше. Я ощутил настоятельную потребность попытаться ответить на них. Найти ответы не для того, чтобы перед кем-то отчитаться о результатах проведенной работы или кого-то в чем-то убедить, а исключительно для самого себя. И по мере того, как я все более втягивался в эту на самом деле очень нелегкую работу, мой мир стал чудесным образом преображаться. Я все более ощущал, что все мои страхи, связанные с невозможностью реализовать свои творческие потенции, оставляют меня. Наоборот, границы творчества неизмеримо расширились, перспектива скучного серого будущего мгновенно скукожилась и чудесным образом испарилась, мир снова заиграл яркими цветами. Я не могу выразить лучше мои ощущения, чем это уже сделал Тейяр де Шарден: «...в своем действии я соединяюсь с творческой энергией Бога, я совпадаю с ней и делаюсь не только ее орудием, но и живым ее продолжением. И поскольку нет ничего более глубокого в живом существе, чем его воля, то мое сердце в некотором смысле погружается в сердце самого Бога. Этот контакт постоянен, потому что я действую всегда; и в то же время, поскольку моя преданность и рвение могут непрерывно возрастать, контакт этот позволяет мне уподобляться Богу все теснее и теснее — беспредельно» (29, с. 31). Итак, не надо бо-

яться — надо набрать побольше воздуха в легкие и ринуться вперед, что я и сделал. Так я создал для себя проблему, что и побудило меня написать эту книгу. Началом этой работы я считаю мою беседу с сыном Даниилом во время посещения выставки «Гобелены Ренессанса» в Метрополитен-музее 10 мая 2002 года.

МОЛИТВА

О Боже, дай мне жизнь прожить
не серо, не напрасно,
Чтоб красотой была наполнена душа,
Чтоб дух бессмертный мой
звездой чудесной
Прорвался за пределы бытия.

Чтоб, оглянувшись, не упасть
В пустое прошлое, без тени озаренья,
Чтоб каждый день и каждый час
Искрился радостью творенья.

Чтоб время не тянулось без конца,
В унылых буднях медленно плескаясь,
С надеждой чтоб встречать начало дня,
Идеей новой зажигаясь.

Чтоб наполнял меня ты жаждой красоты
И вечной тайной космоса очарованьем,
Чтоб твой огонь всегда светил в ночи
И вел меня в лесу сомнений и исканий.

Чтоб дух твой озарял меня
В тяжелые часы затмения,
Чтоб на рассвете уносил меня
На легких крыльях вдохновения.

Чтоб по дороге жизни скоротечной
Я твердо шел и не терял себя,
Чтоб Ариадны нить я не утратил,
Об этом, Боже, я молю тебя.

ГЛАВА 1 МОЯ ВЕРА

«Вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет. Вера есть сила жизни».

Л. Толстой (Исповедь, с. 185)

КАК Я ДОШЕЛ ДО ЖИЗНИ ТАКОЙ?

Вопросы о том, кто же создал мир и человека и зачем это было нужно, стали занимать меня уже в довольно зрелом возрасте. Как и для большинства моих сверстников, воспитанных на принципах материалистического мировоззрения, все было предельно ясно. Никакого Бога нет, космос возник сам по себе, жизнь возникла в процессе природной эволюции, человек произошел от обезьяны, бытие определяет сознание, человеческая жизнь ограничена рамками земного бытия, материализм — это хорошо, а идеализм — чуждое нам, т. е. советским людям, мировоззрение и т. д.

Внутренний протест против картины мира, которая навязывалась мне с самого раннего детства, возник не потому, что я стал верить в Бога. Наоборот, со временем я стал видеть мир по-другому потому, что заложенные в меня готовые ответы перестали меня удовлетворять. Наверное, мой путь определялся особенностями моего воспитания и личной истории. Я рос и воспитывался в атмосфере тотального атеизма. Но моя нерелигиозная семья одарила меня душевным теплом и любовью на всю мою жизнь, а стремление к познанию и желание во всем разобраться самому, скорее всего, были заложены во мне изначально. С ранних лет я хорошо рисовал и изучал историю искусства, потом стал архитектором, преподавал и читал лекции по истории искусства и архитектуры. На протяжении многих лет я имел счастье принадлежать к Московскому методологическому кружку и участвовать в методологическом движении, лидером которого был Г. Щедровицкий. Все это, безусловно, сыграло важную роль в пробуждении моего сознания и развитии

моего мышления. Не буду долго распространяться о фактах моей биографии, скажу только, что с определенного момента я четко осознал, что Платон таки был прав: сознание определяет бытие. А раз так, то мир устроен значительно более сложно и интересно, чем это раньше мне представлялось.

Не отрицая ценности естественнонаучного знания, я пришел к выводу, что сам научный подход со своим критерием истинности весьма ограничен, когда речь идет о тайнах возникновения Вселенной и структуре Универсума. Здесь необходимо определиться с понятиями. Под **Вселенной** я понимаю то, что Даниил Андреев в своей «Розе мира» называет Энрофом, т. е. астрономическую Вселенную. Добавлю, что физический мир является результатом божественного творения и в этом смысле может быть противопоставлен Богу, как вещь — творцу, ее создавшему. **Универсум** есть система, объемлющая Вселенную и Высший разум. С точки зрения такого представления об Универсуме мы можем помыслить Вселенную как находящуюся в Боге, а Бога как присутствующего на всех уровнях Вселенной или мироздания. Предвидя, что не все согласятся с такой трактовкой, я подчеркиваю, что ни в коем случае не следует ее рассматривать как истинное знание, но только как мое собственное понимание.

Научные картины мироздания во все времена отражали и отражают лишь степень несовершенства наших современных представлений, базирующихся на устаревших, иногда по сути своей средневековых, методологических доктринах. Здесь я бы оговорился, что это относится не только к научным, но и вообще к любым картинам мира (онтологиям), когда-либо созданным человеком, в том числе и к религиозным. Знакомясь с основами христианского мировоззрения, я также испытывал все нарастающее чувство неудовлетворения. Такое впечатление, что от меня все время что-то старательно скрывают, что-то недоговаривают. Да, в вопросах происхождения Вселенной религиозный подход, в частности христианство, безусловно, противостоит научному подходу. Но когда речь заходит о жизни человека, данной только один раз и завершающейся бюрократической сценой высшего суда с последующим направлением на вечные времена на заслуженный отдых в рай или ссылкой опять же на

вечные времена «в места не столь отдаленные», то бишь в ад, у меня возникает вопрос: а зачем и кому это все нужно? Только представьте себе картину абсолютно статичных ада и рая, где с начала времен по сути ничего не меняется. Они ужасно перенаселены неисчислимым и постоянно увеличивающимся количеством все прибывающих и вечно находящихся там душ. Эта картина напоминает мне вокзал, куда поезда свозят огромные толпы людей, но отходят всегда пустые. Именно это ощущение я испытываю, глядя на известный триптих Ганса Мемлинга «Страшный суд». На его левой створке, изображающей врата рая, святой Петр в окружении ангелов встречает выстроившихся в огромную очередь праведников, терпеливо ожидающих доступ в мир вечного блаженства. И я задаюсь вопросом: неужели весь смысл Универсума в том, чтобы одна часть человечества вечно блаженствовала, а

другая мучилась? Не знаю, как у кого, а у меня самое сильное чувство от такой картины — это смертельная скука и ощущение полной бессмысленности такого устройства мира.

Я не собираюсь дальше разворачивать долгое и нудное обоснование этих утверждений — об этом уже и так много сказано и написано. Для меня важно лишь зафиксировать перелом, произошедший в моем собственном понимании, который не только привел к созданию своего видения устройства мира, но и изменил систему моих жизненных ценностей и сделал мою жизнь более насыщенной и интересной. Если бы меня спросили, зачем мне нужна вера, я бы процитировал латинское изречение: «Credo, ut intelligam», что означает: «Верую, чтобы понимать».

ЧТО ЕСТЬ ВЕРА?

Однажды Даниил спросил меня: «Ты видел Бога?»

— Не видел, — честно признался я.

— А я видел!

— Ты уверен в этом, т. е. в том, что это был Бог?

— Уверен.

— Откуда у тебя такая уверенность?

— Я просто это знаю.

И я ему верю. Верю в то, что он действительно видел нечто. Но был ли это Бог или нечто иное? Я думаю, что Бога в его собственном облике вообще увидеть нельзя. Я не знаю, обладает ли он какой-либо степенью материальности или физическим телом в нашем понимании. Изображения Бога в виде могучего старца, восседающего на Олимпе или на небесном престоле, всегда мне казались наивными. Некоторые религии, например иудаизм и ислам, вообще запрещают любое изображение Бога, исходя из того, что он есть чистый Дух и никому не дано видеть его. Недаром ведь было сказано: «Не сотвори себе кумира!». Тем не менее, большинство религий творят кумиры, создавая бесчисленные изображения Создателя и заставляя им поклоняться. При этом утверждается, что вот наш Бог истинный, а все другие — порождение заблуждений. Но так ли это важно — созерцать Бога и определять, какое из многих его изображений есть

истинное? Ведь главное в вере — это не то, какому изображению поклоняются люди, а сама вера. Верить — значит иметь Бога в своей душе, ощущать его присутствие в мире, ощущать себя в нем, ощущать себя пусть малой, но частицей его. Поэтому было ли видение Даниила на самом деле Богом или нет, не столь важно для меня. Куда важнее то, что он искренне верит в божественную природу мироздания.

Я не принадлежу ни к одной из современных религий, хотя считаю себя

человеком верующим. Одним из критериев зрелости религиозных доктрин для меня выступает их космополитизм и отношение к иноверцам. Чем старше и, соответственно, мудрее религия, тем меньше в ней религиозной, национальной и всякой другой ограниченности и нетерпимости и тем больше вес общечеловеческих ценностей. Все религии свою главную миссию определяют как спасение человечества, понимая при этом спасение каждой отдельной души. Но пути, которыми достигается это спасение, могут быть разными. Одни из них предполагают как высшую ценность любовь к ближнему независимо от того, какой веры он придерживается. Другие считают, что любви достойны только свои — правожерные, а убийство иноверца есть наивернейший путь спасения собственной души.

В своей «Исповеди» Л. Толстой, объясняя свое отречение от православия, писал, что каждая из религий считает, что именно она обладает знанием истины, в то время как все остальные находятся во лжи — декларируя на словах «истину в единении любви», на самом деле они творят зло, разобщая людей и благословляя убийство инакомыслящих. Но отречение от православия не означало для него отказ от

веры. Толстой был совершенно прав, утверждая, что у нас есть только одна альтернатива: идти по пути веры или идти по пути неверия, т. е. духовной гибели. Вера, по его словам, есть знание смысла человеческой жизни, благодаря которому человек не уничтожает себя, а живет; вера есть сила жизни, без веры жить нельзя.

У меня свой путь обретения веры. Я не могу принять ту или иную религию только на том основании, что до меня ее исповедовали многие поколения моих предков. Сколько бы я ни вчитывался в религиозные тексты, я не могу впитать веру непосредственно из них, принимая безоговорочно их содержание. Они являются для меня лишь материалом для построения своего собственного видения и своего собственного мира. Да, я верю в божественное сотворение мира. Но вера эта становится для меня осмысленной только тогда, когда я ищу и нахожу свои ответы на вопросы, над которыми церковь не рекомендует задумываться своей пастве: зачем нужно было Богу сотворять Мир, какие цели Он перед собой ставил, как вся эта система работает и какое место во всем этом отводится отдельной личности?

Если передо мной предстанет кто-то и назовет себя Богом, то я не смогу слепо принять веру от него — свою веру я должен обрести сам.

Вера есть не статичное состояние разума, но отправная точка, от которой начинается истинное творчество — поиск своего Бога, который у действительно верующих людей длится всю жизнь.

ЕЩЕ НЕМНОГО О ВЕРЕ

Credo quia absurdum est.
Верую, потому что абсурдно.
Тертуллиан

И все же, что такое вера? Ответ на этот вопрос содержит в себе ядро всех последующих умопостроений. Все имеет свое начало: животный и растительный мир, человек, наша планета, солнечная система. Когда мы рассуждаем о начале или о происхождении любых материальных вещей, полагая при этом, что причина их возникновения была такой же материальной, все кажется простым и понятным, как в известном примере с курицей и яйцом. Совершенно ясно, что курица появилась из яйца, а яйцо было снесено другой курицей. Но когда мы задаемся вопросом, откуда взялось первое яйцо, из которого на свет появилась первая курица, мы вместе со всем научным знанием заходим в тупик. Когда мы заходим в тупик, мы начинаем придумывать свои объяснения, творить мифы. Например, появление жизни и человека на Земле мы пытаемся объяснить заражением нашей планеты жизнью, занесенной из космоса, придумываем инопланетян, представителей цивилизаций, несравненно более высоких, чем наша. Отсылаясь в поисках причины земной жизни к инопланетянам, как к внешнему материальному ее началу, мы, по сути, ничего не решаем. Так же как в примере с курицей и яйцом возникает вполне правомерный вопрос: откуда появились все эти инопланетяне и вообще вся неземная жизнь? В этой точке мы доходим до границы, где заканчиваются научные или проверенные опытом теории и начинается то, что мы называем верой.

Когда задался вопросом о своей вере, я оказался в ситуации выбора между двумя версиями или концепциями возникновения окружающего нас мира:

Версия 1. Мир возник сам по себе, и Высший разум здесь ни при чем. И вообще никакого Высшего разума нет.

Версия 2. Мир создан Высшим разумом.

Можно, конечно, копать и дальше: где, как и в каком виде существовал Высший разум, когда никакого мира, да

и вообще ничего не было? Именно здесь начинается тот предел, который я сегодня перейти не могу. Ответов или даже каких-либо предположений у меня нет. Это значит, что в этой точке я должен или принять нечто на веру или не принять. Я должен сделать сознательный выбор. И я опять погружаюсь в глубины т. н. основного вопроса философии и оказываюсь между платоновским идеализмом и материализмом. Есть только одна небольшая разница — сейчас у меня есть свобода выбора.

Именно здесь находится то начало или та исходная точка, в которой мы должны сделать свой осмысленный выбор — уверовать или в материалистическую картину мира, или в Бога. Если мы будем искать научные обоснования той или другой концепции, то довольно скоро обнаружим, что сегодня их просто нет. Поэтому мы должны признать, что выбирать нам приходится не между наукой и верой, но между верой и верой.

Но кому приходится делать такой выбор? Подавляющее большинство людей в силу тех или иных причин никогда даже не задумывается над подобными вопросами. Одна часть этого большинства впитывает веру в Бога с молоком матери и принимает ее осмысленно как традиции, жизненный уклад и правила поведения, принятые в соответствующей социальной среде. Другая часть, к которой относился и я сам, точно таким же образом усваивает веру в то, что Бога нет. И все же полностью подавить стремление человека понять основы основ бытия невозможно — всегда были и есть ненормальные, с точки зрения обыденного сознания, которые не могут принять на веру никакие существующие догматы. Этакие Фома неверующие.

«Только человек дивится своему собственному существованию, думает о нем. Это его главное отличие от прочих существ, которые еще в раю, в недумании о себе. Но ведь и люди отличаются друг от друга — степенью, мерой этого удивления. За что же отметил меня Бог роковым знаком удивления, думанья, «умствования» так сугубо, зачем все растет и растет оно во мне? Умствуют ли мириады этих ночных, степных цикад, наполняющих вокруг меня как бы всю Вселенную своей любовной песнью? Они в раю, в блажен-

ном сне жизни, а я уже проснулся и бодрствую. Мир в них, и они в нем, а я уже как бы со стороны гляжу на него» (10, с. 353—354). Привожу здесь эти замечательные слова И. Бунина по причине того, что они наиболее полно и точно выражают мое собственное состояние души и понимание своего предназначения. Именно те люди, которых Бог одарил этой высокой «мерой удивления», несут особую миссию — сознательно приходя к своей вере, они как бы прорывают завесу тотального недуманья.

Было бы неправильным полагать, что в образованные ими прорывы должна немедленно ринуться остальная часть человечества. И уж ни в коем случае нельзя кому-то навязывать свои мысли или свой путь к Богу. Не нужно призывать идти в массы, в народ. Но и не надо скрывать свое видение, свое понимание веры. Новое мышление подобно кругам на воде от брошенного в воду камня. Кто-то уже готов проснуться и покинуть рай, а того, кто еще дремлет и не хочет просыпаться, не нужно насильно изгонять из рая.

КТО СИЛЬНЕЕ — ЧЕЛОВЕК-ТВОРЕЦ ИЛИ БОГ?

Большую часть своей сознательной жизни я в Бога не верил. Вот так себе жил, и вдруг стало мне как-то неуютно и неудобно в моей атеистической скорлупе. Я все еще по инерции продолжал верить в самопроизвольное и случайное возникновение Вселенной и жизни в ней, но стал внимательнее всматриваться в окружающий меня мир и даже размышлять над, казалось бы, привычными вещами. Все, на чем останавливался мой взгляд, говорило, нет — скорее кричало: «Посмотри на меня! Разве такой строгий порядок, такая совершенная форма, такая красота могут возникнуть случайно, без осмысленной цели?» И как ни протестовал мой рациональный разум, моя художественная душа отвечала: «Нет, не могут!»

Посмотрите вокруг себя — на точно выверенную красоту морской раковины, светящиеся тайной кристаллы минералов, изысканную грацию хищника и элегантность полета птицы, на фантастические узоры, начертанные на крыльях бабочек, на жемчужные переливы рассвета и яростное по-

дыхание заката, всмотритесь в глубины звездного неба, в волшебство пластики человеческого тела и спросите себя: можете ли вы поверить, что все это беспредельное чудо многообразия красоты, весь этот порядок и целесообразность возникли сами по себе, без какой-либо осознанной цели? Может быть, вы и можете, а я не могу.

А теперь представьте, что образованному человеку XVIII или даже XIX столетия дали возможность заглянуть в его будущее — наше настоящее. Посадили его перед монитором компьютера, познакомили с технологиями и проектами нашего времени: геной инженерией, перспективами клонирования человека, программами освоения космоса, продемонстрировали возможности ядерного оружия и т. д. Думаю, что такая демонстрация была бы для него серьезным потрясением с непредсказуемыми последствиями для психики. А ведь речь идет о ничтожно малом промежутке времени, разделяющем наши эпохи, — каких-нибудь 200—300 лет. Почему же мы, которые сами сегодня с точки зрения прежних поколений уподобились богам, подошли к тайне искусственного воссоздания жизни и можем в мгновение ока уничтожить нашу планету, позволяем себе сомневаться в существовании Высшего разума, сотворившего Вселенную и нас самих? Ведь если Бог существует в вечности, он должен быть неизмеримо сильнее людей, существующих во времени.

КОМУ И ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО БЫЛО НУЖНО?

На вопрос первый я уже ответил: Мир-Вселенная-Универсум существует только потому, что это было нужно Высшему разуму или Богу. Как я уже сказал, это есть исходная точка веры, а значит аксиома, т. е. то, что не требует дополнительных доказательств. Верю, и точка! Но вот дальше начинается для меня самое интересное — осмысление того, во что я верю. Дальше я начинаю творить свое понимание, свой мир, создавать свое видение Бога и свою картину Универсума. И первый вопрос, который я задаю себе: **зачем Бог сотворил Вселенную?** Если человек серьезно пытается осмыслить себя в этом мире, понять свое истинное предна-

значение и найти свой путь в этой жизни, он не может не задуматься над тем, зачем вообще существует человечество, есть ли цель, к которой движется наш мир в целом, эволюционирует ли Вселенная и есть ли цель у этой эволюции. Практически все действительно творческие личности рано или поздно задаются этим вопросом. На мой взгляд, это «лакумовая бумага», позволяющая оценить уровень творческого мышления. Красиво выразил эту мысль Д. Мережковский: «Мы все признаем «эволюцию»; вопрос только в том, действительно ли эволюция — «творческая»; ведет ли она куда-нибудь; катится ли по какому-то пути к какой-то цели это мировое колесо, орфический цикл, подобно... колесам колесницы Иезекииловой: «куда дух хотел, туда шли и они», или слепо, бесцельно и бессмысленно вертится, подобно проклятому колесу Икионову, орудию адской пытки?» (22, с. 264).

Итак, я верю, что в основе Творения было и есть разумное начало, т. е. осознанная исходная цель и воля Творца. Я убежден, что он не мог задумать и осуществить столь грандиозный замысел без серьезных на то оснований. Бог не просто создал мир, как некую вещь, которую можно сделать, полюбоваться и поставить на полку. Мир — это особая вещь. И вообще — вещь ли это в нашем привычном понимании? Давайте возьмем художника и его произведение. Создав картину, художник может повесить ее на стену, может продать или подарить, может забыть о ней вовсе. Другими словами, он может удалить сотворенную им вещь из своей жизни. Может ли Бог вести себя аналогичным образом? Ответ для меня очевиден: нет, не может! Сотворенная им вещь — мир — держит творца в постоянном напряжении, не давая ему возможности отвлечься хоть на мгновение. Бог неразрывно связан со своим творением: он постоянно присутствует в мире, а мир пребывает в Боге. Поэтому Вселенная и Универсум будут существовать так долго, сколько будет существовать их Создатель. Но мы верим, что Бог вечен. Значит, вечен и Мир.

Бог, как творец, занимает внешнюю позицию по отношению к своему творению и в то же время постоянно находится внутри него. Быть одновременно вовне и внутри и есть способ его существования. О чем это говорит? О том, что, творя мир, Бог творит самого себя. Попробуйте представить

себе, что Бог есть, а Мира нет. Кто тогда будет свидетелем его деяний, кто будет ему поклоняться и восхищаться им, кто будет бояться его? Кому он тогда вообще будет нужен? Будет ли смысл в самом его существовании?

Ответ на вопрос, зачем Бог создал Вселенную, с моей точки зрения, может быть только один — у него не было другого выхода. Он не задавался вопросом сотворять или не сотворять мир. По самой своей сути Бог является творцом, т. е. творение, творчество есть собственная и главная его природа. Он творит потому, что Он есть Бог, и он есть Бог, потому что он творит. Но что значит творить? Творит ли горшечник, воспроизводя из дня в день один и тот же горшок, творит ли повар, повторяя один и тот же рецепт супа? Можно ли назвать художника творцом, если он пишет красивые картины, не пытаясь внести хоть малое изменение в сам метод своей работы? Вопрос риторический — конечно же нет! Смысл творчества заключается в постоянном развитии, т. е. создании чего-то принципиально нового. А это значит, что творец отрицает самого себя и в то же время воссоздает себя, но уже более совершенного себя. Он умирает и возрождается в каждом акте творения. Именно это имеет в виду Д. Мережковский, объясняя в своей «Тайне трех» цикл умирания-воскрешения Бога как универсальный код бытия. Такое понимание позволяет приоткрыть завесу тайны бытия и понять, зачем вообще было нужно Богу сотворять Мир. Это было ему нужно как единственный путь своего самоутверждения и саморазвития. Более детально я буду рассматривать этот вопрос далее.

Я, конечно, осознаю, что приведенное выше рассуждение позволяет обвинить меня в наивном антропоморфизме. Меня это не пугает, т. к. я не пишу научный трактат, а пытаюсь раскрыть свое личное внутреннее мироощущение. При этом я не адресую свой текст философам или ученым — я пишу его для себя. В то же время мне хочется поделиться своими идеями с каждым, кому это будет интересно, кого так же, как и меня, волнуют тайны бытия, кто хочет понять, откуда и куда мы идем. Поэтому я стараюсь выражать свои мысли как можно более простым языком, доступным для понимания как можно более широкому кругу людей.

ГЛАВА 2

КАК Я ПОЗНАЮ МОЙ МИР

Самые интересные мысли появляются у меня, как правило, после бурных дискуссий с сыном, которые напоминают поединки или рыцарские турниры, но с одним существенным отличием — в выигрыше остается каждый из нас, во всяком случае, я так считаю. Для нас это не просто упражнения в философствовании или теоретической схоластике, но поиск смысла жизни, я бы сказал — поиск ориентиров или путеводных звезд и утверждение своих жизненных ценностей. Вопросы, в которых мы пытаемся разобраться, стары как мир. Во все времена люди пытались проникнуть в тайну мироздания, понять, сама ли течет река жизни или она кем-то направляется, есть ли какая-то конечная цель развития человечества и кому все это вообще нужно. И другая группа извечных вопросов: зачем я живу, зачем вообще живут люди и как мне жить — просто плыть по течению или как-то пытаться самому на него воздействовать?

Наши с Даниилом представления о мироустройстве во многом совпадают. Мы оба убеждены в том, что Вселенная появилась как результат Божественного творчества, что ее создание и все, что в ней происходит, подчинено Божественной цели и логике, что мир неизмеримо сложнее и интереснее современных представлений о нем. Но для меня важно заострить внимание не на сходстве, а на различиях в наших представлениях и в наших позициях, т. к. именно эти различия предопределяют не только логику мышления, но и стиль жизни каждого из нас.

Чаше всего схоластические схватки с сыном случаются в тех редких случаях, когда, придя с работы, я застаю его дома. Правда, интересный разговор получается не всегда.

Необходим особый настрой, присутствие некоторого таинственного поля, когда мысли сами собой извергаются и обретают словесное выражение. Создается ощущение взаимного намагничивания, как будто какая-то внешняя сила сталкивает нас, то притягивая друг к другу, то отталкивая, но только затем, чтобы опять притянуть, но с еще большей силой. Бывают случаи, когда кажется, что мы добиваемся взаимопонимания. Чаше наши схватки заканчиваются полным изнеможением и взаимным ощущением непроходимой тупости оппонента. Каждому кажется, что другой неспособен или просто не желает понимать простые, очевидные истины. Сильное раздражение и усталость заставляют прекратить дискуссию и разойтись по разным комнатам. Можно, конечно, переключиться на что-нибудь другое — у меня всегда есть чем заняться, но я по инерции продолжаю мысленно оппонировать Даниилу. И вдруг возникает прозрение — внезапно понимаешь, что благодаря нашему спору понял нечто очень важное, как бы прорвался в иное мыслительное пространство. И раздражение вытесняется чувством признательности и благодарности.

Дальше я хочу коротко описать основное содержание двух вечерних дискуссий и моих мыслей, вызванных ими. Одна из них позволила определить исходные основания наших представлений об устройстве Универсума. Содержанием второй дискуссии стал спор о природе и соотношении добра и зла в мире.

Результатом первой дискуссии стало более или менее четкое понимание самого способа, с помощью которого каждый из нас пытается прорваться за границу привычных представлений. Правда, здесь я скорее выдаю желаемое за действительное: Даниил довольно скептически относится к моим попыткам методологического анализа собственного способа мышления. Он считает, что истинное знание или, вернее, понимание дается нам в непосредственном восприятии запредельного. Правда, по его словам, такое видение дается не всем. Но это уже проблемы тех, кто еще не удостоился благодати прямого общения с высшими силами. А тем немногим, кому это дано, обязательно тратить время на

анализ собственного мышления, т. е. на методологическую рефлексию. Так как я отношу себя к тем, кому не дано счастья прямого контакта с Высшим разумом, то для меня рефлексия есть необходимое условие развития мышления. Второй разговор о добре и зле затронул наши этические представления. Я бы сказал, что он позволил высветить глубинные основания моральной стороны личности каждого из нас. Но об этом поговорим позже.

ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР С ДАНИИЛОМ

— Хочешь, я покажу тебе Бога, вернее, помогу тебе его увидеть? — спросил меня Даниил.

— Нет, не хочу.

— Почему? Если это случится с тобой, ты получишь истинное знание, и тебе не нужно будет долго и нудно напрягать мозги, чтобы построить твою картину мира, возможно, весьма далекую от действительного его устройства.

— Я не уверен, что ты в своих видениях видел Бога. Вполне допускаю, что ты общался с кем-то, возможно, из других миров, но вот был ли это Бог?

— Это был Бог.

— Допустим. Но неужели ты считаешь, что в короткие мгновения твоего прозрения можно было передать, как ты говоришь, истинные представления об устройстве Вселенной?

— Конечно, можно было! В наше время передача огромных объемов информации в ничтожно малые промежутки времени — дело вполне обычное, — не колеблясь, отреагировал Даниил.

— Ты прав. Но информацию надо не только передать, но и принять и, самое главное, переработать и усвоить. Можно очень быстро передать содержание огромной библиотеки, но человеческий разум не в силах так же быстро воспринять эту информацию, — нанес я очередной удар.

— А кто сказал, что со мной это происходило очень быстро? — парировал Даниил. — Очень может быть, что моя встреча с Богом произошла в другом измерении или другой

действительности, где время вообще не существует. Тогда твой вопрос в принципе не имеет смысла. В той, другой действительности я мог воспринимать информацию об Универсуме так долго, как это было необходимо для ее усвоения. В нашем же земном мире могли пройти краткие мгновения. Всем известен эффект сжатия и расширения времени при полете в космос со сверхсветовой скоростью. Думаю, что нечто подобное имело место и в моем случае.

Я должен был признать наличие логики в рассуждениях сына. Конечно, категорически отрицать сегодня принципиальную возможность передачи-приема-усвоения колоссальных объемов информации в очень малые промежутки времени уже нельзя. Тем не менее, я не мог полностью принять то, о чем поведал мне Даниил. И дело здесь совсем не в том, верю я или не верю в происходящее с ним. Самое важное то, что я не могу принять для себя такой путь познания абсолютной истины. В общем, было над чем призадуматься.

РЕФЛЕКСИЯ РАЗГОВОРА С СЫНОМ

Я верю сыну и не считаю рассказы о его опыте контактов с иными мирами досужими вымыслами. Но что же тогда мешает мне полностью принять то, что некто передает ему истинные знания об устройстве Вселенной или даже Универсума? Такие знания называют эзотерическими. Это знания особого типа, которые всегда соотносят явления, происходящие во Вселенной и с Вселенной, с их исходной причиной — Высшим разумом. П. Успенский писал: «...чтобы приобрести это знание, равно как и силу, которую оно дает, человек должен пройти через трудную предварительную подготовку и испытания, проделать долгую работу, без чего усвоить знание невозможно — как невозможно и научиться его использовать» (33, с. 33—35). Наверное, одним из препятствий, мешающих мне понимать сына, является то, что, с моей точки зрения, передача такого знания всегда связана с избранностью того, кто удостоивается этого. Успенский называет носителей эзотерического знания вождями и учителями человечества, а Д. Андреев — «духовидцами». Оба они

относят к ним исторические фигуры разного масштаба. Это такие суперличности, как Шакьямуни, Христос, Мухаммад, католические и православные святые. Андреев также считает духовидцами многих выдающихся деятелей литературы и искусства. Понятно, что сюда попадают и такие личности, как Сведенборг и сам Д. Андреев, оставившие нам описания устройства Универсума, по их словам, переданные им свыше. При этом духовидение, или передача им некоторого объема эзотерического знания, всегда увязывается с предопределенностью миссии духовидцев.

Здесь у меня возникает вопрос о том, что первично: получение такого знания или осознание получателем своей миссии или сверхзадачи? А может быть, это происходит одновременно? Точно я этого не знаю. Но логично предположить, что, для того чтобы наилучшим образом обеспечить усвоение передаваемой ему информации, духовидец должен быть особым образом подготовлен к этому. Такая подготовка предполагает осознание им своей миссии или принятия установки, данной Высшим разумом, как цели своей жизни. И уже потом осмысленные и принятые такой личностью цели обеспечиваются необходимыми знаниями как средствами их достижения. Исходя из многолетнего опыта работы в экспериментальной педагогике я могу утверждать, что наиболее эффективным является путь, когда обучаемый знает, для решения какой конкретной задачи ему необходимы те или иные знания. И не просто знает, но в своей личной практике столкнулся с ситуацией, когда необходимость получения именно этого знания осознается им как его личная, жизненно важная проблема.

Думаю, что Даниил здесь со мной не согласится. Он явно считает, что связь между осознанием своей миссии и самим процессом передачи-приема эзотерического знания не обязательна. Об этом свидетельствует его предложение организовать для меня сеанс духовидения в любое удобное для меня время. Я имею в виду не просто демонстрацию существования духов, но передачу в процессе общения с ними эзотерического знания. Это значит, что, с его точки зрения, принципиальная возможность духовидения существует для каждого желающего. С этим мне трудно согласиться. Ведь если бы это было так, то люди только то и делали бы, что запросто беседовали с представителями других миров.

Тем не менее, я не исключаю, что общение с духами — вещь вполне возможная. Такое общение крайне опасно, т. к. непосвященные не могут точно знать, с кем они общаются, и, соответственно, правильно оценивать как самих духов-коммуникантов, так и ситуацию общения с ними в целом. Поэтому нельзя с полной уверенностью утверждать, что информация, получаемая при контактах такого рода, является истинным знанием.

ДВА СПОСОБА ПОЗНАНИЯ МИРА:
«ВНЕШНИЙ ВЗОР» И «ВНУТРЕННИЙ ВЗОР»
(Продолжение рефлексии разговора с сыном)

«Царство Божие внутри нас».

Евангелие от Луки

«Не иди вовне — иди внутрь себя;
внутри человека обитает Истина...»

Тейяр де Шарден

Я не собираюсь вести долгие и нудные методологические рассуждения о достоинствах и недостатках существующих подходов к познанию мира, но выявить основания наших с Даниилом расхождений невозможно, не попытавшись проанализировать хотя бы в общем виде ход мышления каждого из нас. Мы по-разному видим и, соответственно, по-разному творим свои миры. Речь здесь идет не столько о противоречивости наших картин мира, сколько о несхожести подходов к их созданию. Несмотря на близость представлений о том, что находится за пределами материального мира, или об устройстве Универсума, наши дискуссии по накалу страстей очень напоминают «боевые действия». Как правило, в этих случаях уже нет времени на анализ причин противостояния «враждующих» сторон, главное — удержать свои позиции и по возможности подавить противника. И вот тут важно договориться о перемирии, временно отойти на исходные позиции, с тем чтобы спокойно во всем разобраться и еще раз провести ревизию своих логических построений.

Наши подходы к познанию Универсума можно противопоставить как «внешний взор» (подход Даниила) и «внутренний взор» (мой подход). Под «внешним взором» я понимаю, по сути, традиционный подход к получению знания, когда познающий субъект занимает внешнюю позицию по отношению к объекту изучения. В этом случае объект можно измерить, сфотографировать, пощупать, т. е. зафиксировать известными науке способами различные его параметры, с тем чтобы использовать их как материал для анализа и по-

следующего синтеза знания о данном объекте. Но можно ли таким путем получить или хотя бы приблизиться к знанию о том, что не схватывается никакими существующими научными предметами? На этот вопрос я отвечаю отрицательно. Сегодня нет области науки, предметом которой является получение знания об Универсуме. Такое знание, с моей точки зрения, всегда предполагает **отношение любого изучаемого объекта к Создателю**, существование которого материалистическая наука отвергает в принципе. Все объекты научного знания, независимо от их величины, начиная от элементарных частиц и заканчивая Вселенной, не рассматриваются как результат осознанного творения. Естественно, что при таком подходе все, что связано с идеей Бога-Творца, не может быть включено в научную картину мира. Исключением является теология, но она не считается областью научного знания. Любые попытки прорваться за пределы крепостной стены, выстроенной из всевозможных научных предметов, немедленно объявляются мистикой, т. е. чем-то таким, что с точки зрения науки невозможно доказать в принципе.

Возникает вопрос: доступно ли человеку истинное или абсолютное знание? Здесь я полностью согласен с Д. Андреевым, который ясно и доступно выразил эту мысль: «...Абсолютная истина Большой Вселенной (Универсума. — А. Я.) может возникнуть лишь в сознании соизмеримого ей субъекта познания, субъекта всеведущего, способного отождествиться с объектом, способного познавать вещи не только «от себя», но и «в себе». Такого субъекта познания именуют Абсолютом, Богом, Солнцем мира. Бог «в себе», как объект познания, познаваем только собою. Его абсолютная истина, как и абсолютная истина Вселенной, доступна только Ему». Не следует это трактовать так, что если такое знание недоступно человеку, то и не надо даже пытаться к нему приблизиться. Ведь сам Д. Андреев и все мыслители подобного толка стремятся к получению именно такого знания. Отмечая, что любая частная истина для нас доступна, но только в относительном ее варианте, Андреев дальше пишет: «Чем больше объект познания сравнительно с субъектом, тем

больше вызываемых им вариантов. Относительная истина Вселенной и относительная истина Божества порождают столько же личных вариантов, сколько имеется воспринимающих субъектов» (2, с. 42).

Следуя этой логике, не может претендовать на абсолютное знание не только человек, но и вообще никто, независимо от занимаемого положения в божественной иерархии. Поэтому, не отрицая саму возможность общения моего сына с дүхами, я считаю, что передаваемое ими знание в лучшем случае является частичным, т. е. относительным, а в худшем — ложным или намеренно искаженным знанием. По рассказам самого Даниила, духов, с которыми ему довелось общаться, трудно отнести к светлым силам, скорее наоборот. А если так, можем ли мы полагать, что они преисполнены желанием облагодетельствовать кого-либо и поделиться своим знанием?

В наших дискуссиях мы обсуждаем вещи, лежащие за горизонтом научного мировоззрения. Поэтому наши подходы не могут рассматриваться как научные и не должны быть таковыми. Единственным общим моментом, позволяющим соотнести подход Даниила с научным, является внешняя позиция субъекта по отношению к объекту познания. Именно это позволяет применить для характеристики обоих подходов (подхода Даниила и научного подхода) такие термины, как «**взгляд от себя**» или «**внешний взор**». Характерно, что такой подход к познанию Даниил переносит и на свое представление об отношении Творца к его творению — Вселенной. Он считает, что Бог находится вне сотворенного им мира. Из этого логично вытекает следующее утверждение Даниила: «Душа исходит из Бога и возвращается к Богу, но в промежутке она существует вне Бога». Я не могу с этим согласиться. В основе моего понимания лежит иное видение — творя материальный мир или Вселенную, Бог творит самого себя, но Творец шире, чем его творение. Поэтому Бог присутствует и в своем творении, и вне его. Душа порождается Богом, возвращается к Богу и постоянно пребывает в нем, и в силу этого Бог присутствует в каждой отдельной душе.

Пытаясь познать тайны Универсума и хоть немного приблизиться к осознанию миссии человека и его роли в Божественном замысле, я преследую только одну цель — сделать как можно более осмысленным свое существование и через это обрести собственную духовность. Как я уже говорил, я иду совершенно другим путем. Я не настаиваю на уникальности своего подхода и не хочу навязывать его другим. Этот подход является приемлемым лично для меня и предопределен не только моей научной и методологической работой, но и всем моим жизненным опытом. Я называю его «**внутренним взором**».

Что я под этим понимаю? Что означает устремить взор вовнутрь самого себя? Не следует это понимать в прямом физическом или анатомическом смысле. Сколько бы мы ни всматривались в наше тело, снаружи и изнутри, никакого знания об Универсуме мы не извлечем. Но, может быть, его можно найти внутри нашего сознания? Если у кого-то есть такая иллюзия, то он обманывает сам себя. Наше сознание — это кладовая, где хранится только то, что туда положили. Это различные знания, понятия и представления, воспоминания о самых разных аспектах нашего жизненного опыта и т. п., т. е. особым образом переработанная и структурированная информация об окружающем нас мире. И уж, конечно, в этой кладовой мы тщетно будем искать нечто, имеющее хоть какое-то отношение к знанию о том, что выходит за рамки нашего видения мира, даже если мы там обнаружим полный комплект всех известных религиозных текстов. Представьте себе, что вы пришли в библиотеку и обнаружили там книги, описывающие действительную природу Универсума. Заставит ли это изменить картину мира, которая уже есть в вашем сознании? Уверен, что нет. И я задаю себе вопрос: «Если не окружающий меня мир, не его отражение в моем сознании, то что же тогда я могу использовать как источник информации об Универсуме, о структуре, связывающей Творца и его творение, о структуре, объединяющей любое явление, каждое существо и меня самого с Богом?» И я отвечаю себе — мир нашей души и мир нашего духа. Этот мир значительно

шире, чем тот, который мы воспринимаем как объективную реальность. Это мир, в котором присутствуют не только воспоминания о пережитом нами в этой нашей жизни, но и воспоминания всех прежних жизней. Здесь присутствует не только воспоминание о нашем начале, но и воспоминание о начале всех начал — Боге. Это даже не воспоминание, это реальность, но реальность иная. Воспоминанием она становится только тогда, когда, столкнувшись с чем-то во внутреннем мире, мы по возвращении в план физического бытия вспоминаем и осознаем то, что случилось с нами где-то за его пределами. В этом случае сознание работает как инструмент, с помощью которого человек преобразует любую информацию в форму, удобную для ее последующего использования.

Если допустить и принять все это, то получается, что внутренний мир человека неизмеримо шире его внешнего мира. Звучит парадоксально, но это именно так. Наше бытие в земном плане ограничено временем и пространством, физическими возможностями нашего организма. Всего этого нет в нашем внутреннем мире. Здесь нет расстояний и нет смерти — всего того, что связано со временем и конечностью материи. Это пространство вечности. Поэтому никакого парадокса здесь нет — все бесконечное шире (если здесь вообще корректно употребить этот термин), чем все конечное.

Научное мировоззрение отрицает внутренний взор как возможный подход к получению знания в силу того, что оно исключает саму возможность существования того, на что устремлен этот взор, — души и духа. Основанием моего подхода является моя вера в искусственное сотворение Вселенной и человека, моя вера в бессмертие души и духа, моя вера в то, что я есть существо не только телесное, но в первую очередь духовное. Поскольку даже самый плохой, самый ничтожный человек обладает бессмертной душой, то я допускаю, что каждый из нас одарен способностью выходить за пределы физического бытия и проникать в иные миры. Вполне возможно ушедшие культуры и цивилизации не только знали

об этой способности, но и осознанно ее использовали. Эта гипотеза позволяет объяснить то, что в глубокой древности люди обладали знаниями и технологиями, загадку происхождения которых не может объяснить современная наука. Внутренний взор как попытка раскрыть врата собственной духовности является для меня единственной возможностью приобщиться к истинному знанию.

Творя душу, Бог в определенном смысле воспроизводит самого себя. Не следует это понимать буквально, в том смысле, что каждая душа и есть Бог. Но в каждой душе Творец присутствует в скрытой или, если хотите, неразвернутой форме, как информация о целостном организме присутствует в отдельно взятой клетке. Обосновывая бессмертие человека, И. Бунин писал: «...во мне есть, помимо всего моего, еще некое нечто, очевидно основное, неразложимое, — истинно частица Бога» (10, с. 352). Здесь можно провести параллель с клонированием — так же как из отдельной клетки можно воспроизвести целостный организм, можно и воссоздать образ Бога из отдельно взятой души. Считается общепринятым положение о том, что каждая душа в своем пределе имеет возможность слиться или вернуться к Богу. Именно в этом заключается высокий смысл идеи спасения души. Очевидно, что не каждый человек в его настоящем воплощении достоин спасения своей бессмертной души, но каждый имеет шанс на ее спасение. Точно так же не каждый может не только заглянуть в свою душу, но и вообще помыслить, что такое в принципе возможно — многие в наше время совершенно забыли о существовании души. Безусловно, не каждый способен извлечь из своей души истинное знание. Тем не менее, я допускаю это как принципиальную возможность. Такое представление говорит о том, что все мы являемся бесценным кладом истинного знания. Это и является основанием моего подхода, который я называю «внутренним взором» или «взглядом в себя». Как писал блаженный Августин: «Не иди вовне — иди вовнутрь себя; внутри человека обитает Истина; и где ты найдешь себя ограниченным, там (внутри себя) выйди за пределы самого себя» (35, с. 477—478).

Легче объяснить различие между внешним и внутренним взглядом, чем ответить на вопрос о том, как я это делаю или как я проникаю в свой внутренний мир. Тем не менее, я попытаюсь это сделать. Известны разные способы выхода за пределы самого себя. К ним можно отнести употребление наркотических средств, грибов-галлюциногенов, медитацию, гипноз. Я не обладаю таким опытом и никогда не занимался ничем подобным. Поэтому не могу утверждать, что результатом всего этого может быть получение «универсального мистического опыта», как и настаивать на том, что ничего подобного при этом не происходит и что все это есть не более чем причуды нашего сознания. Допускаю, что мы можем проникать в иные миры во время сна, основываясь на том, что мне случается видеть вещие сны. Но может быть, сновидения есть просто отражение наших мыслей о пережитом ранее опыте земной жизни? Вполне возможно; но думаю, что сон есть нечто большее, чем просто игры нашей памяти. Случается, что события, предсказанные в моих снах, сбываются на следующий день. Как правило, в этих снах я получаю сообщение о грозящей мне опасности. Несмотря на то что при этом я вижу не реалистическую, а иносказательную или метафорическую картину предстоящих событий, информация бывает вполне достаточной, чтобы утверждать, что есть определенная связь моих сновидений с последующими событиями. В одном из таких снов я был предупрежден не только о возможности крайне негативной для меня ситуации, не только о количестве персон, которые будут действовать против меня, но и указание на конкретного человека, который оказался впоследствии главным инициатором моих неприятностей. Возможно, в наших снах мы попадаем в особую действительность, где мы сталкиваемся с событиями этой, а возможно, прошлых и даже будущих жизней. Эти события не связаны течением времени и поэтому могут переплетаться непредсказуемым и, как нам кажется после пробуждения, причудливым образом. Вещие сны заставляют думать о том, что человек вовлечен в гораздо более широкий пространственно-временной контекст, чем тот мир,

который мы считаем для себя привычным. Тем не менее, я не владею техникой самоконтроля во сне, описанной К. Кастанедой, и поэтому сон не является для меня действенным средством самопознания и познания мира.

Как я уже говорил, все, что я делаю, не вписывается в рамки научного подхода. Я не исследую окружающий меня мир, не пытаюсь его усовершенствовать или изменить. Я совершенствую свой собственный мир в соответствии с моими предпочтениями и идеалами. Правильнее было бы сказать, что я его проектирую. Но это верно лишь отчасти, поскольку мои проекты не должны отчуждаться от меня как их создателя. Они не кладутся на полку и не пылятся там в ожидании того, кто, может быть, когда-нибудь пожелает их осуществить. Когда я творю свой мир, я творю или перестраиваю самого себя. Поэтому мои проекты или, если хотите, прожекты начинают осуществляться уже на начальной фазе их разработки.

Первым шагом для меня всегда является **самоопределение**. Здесь я внимательно вглядываюсь, вслушиваюсь, а вернее, вчувствываюсь в самого себя. Необходимым условием, предшествующим этому действию, является ощущение внутреннего дискомфорта, а его результатом — осознание причин или ясное понимание того, что, собственно, меня беспокоит. Можно сказать, что я как бы диагностирую состояние своего внутреннего мира и формирую установку на его развитие. Следующим шагом является осознание и постановка целей этого развития. Только после этого начинается то, что я называю проектированием или творением себя. В определенном смысле этот процесс можно сопоставить с процессом получения научного знания. Разница заключается в том, что я исследую самого себя — внимательно всматриваюсь в свой духовный мир и перестраиваю его. Я провожу эксперимент над самим собой. Ощутимым или, если угодно, материальным его результатом является ощущение духовного перерождения. При этом критерием оценки моей деятельности выступает, прежде всего, ее действенность по отношению к самому себе. Если я чувствую душевный

подъем и прилив творческой энергии, это означает, что я продвигаюсь в правильном направлении, если испытываю усталость, подавленность, то знаю, что следует остановиться, отойти на исходные позиции и поискать другой путь. Возможно, есть и другие варианты того подхода к приобщению к истинному знанию, который я называю внутренним взором. Я изложил здесь в общих чертах то, как я это понимаю и как я это делаю. Я не ожидаю чуда, не дожидаясь, пока кто-то раскроет передо мной ворота в новый сияющий мир Высшего разума, я творю этот мир сам, тем самым реализуя себя как образ и подобие Божье.

* * *

Когда я писал эту главу, я пребывал в полной уверенности, что описанный выше путь приобщения к истинному знанию является моим собственным изобретением. Но очень скоро я убедился, что заблуждался на этот счет. Так получилось, что мы отмечали совместный день рождения всех Дев в нашей компании, в том числе и мой. Проходило это мероприятие у моего друга, известного скульптора и замечательного человека Виталия Патрова, так как его жена Ирина также оказалась Девой и еще потому, что у них просторная квартира на Брайтоне. Упоминаю все эти подробности, потому что этот вечер оказался для меня весьма знаменательным. Дело в том, что один весьма примечательный член нашего маленького сообщества, литературовед Гена Ульман сказал, что хочет преподнести мне подарок — книгу по культуре Древнего Египта. Обойдя несколько книжных магазинов, желанную книгу мы так и не обнаружили. Я уже свыкся с мыслью о несостоявшемся подарке, но тут мой друг извлек с полки какую-то книгу. «Это — “Феномен человека” Тейяра де Шардена, совершенно замечательная вещь. Если хочешь, я тебе ее подарю», — сказал Гена. Честно говоря, это имя я встретил впервые, но, как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. Так я получил в подарок совершенно мне неизвестного Пьера Тейяра де Шардена. Каково же было мое удивление, когда через несколько дней я раскрыл эту

книгу и практически сразу обнаружил, что не могу больше претендовать на лавры первооткрывателя «внутреннего взора» как уникального пути открытия тайны Вселенной и Универсума.

Конечно, я не ставлю себя на один уровень с признанным религиозным философом, но сходство самого хода и метода мышления для меня очевидно. Здесь я должен процитировать Шардена: «Почему бы не сделать его (человека. — А.Я.) ключом к Вселенной? Почему не создать Физику, которая бы исходила из Духа? Я попробовал на свой страх и риск так подойти к задаче. И тут же мне показалось, что побежденная и освобожденная от пут Реальность упала к моим ногам». В этой же работе, которая называется «Как я верую», Шарден характеризует свой подход как «внутреннее зрение». Когда его друзья высказывали свое сомнение, он отвечал: «Вы не следуете до конца ни за своим сердцем, ни за своей мыслью. Именно поэтому «космическое чувство» и вера в мир спят в вас... Я вам кажусь странным и исключительным, потому что пытаюсь анализировать мое жизнелюбие и связь его с какой-нибудь структурной особенностью мира».

Прочитав эти строки, я понял, что приоритета на «внутренний взор» как уникальный способ познания у меня больше нет. Тем не менее, это отнюдь не расстроило меня, а наоборот, преисполнило энтузиазмом. Я не один — есть близкое сознание, близкий дух, который выверяет свой путь по тем же звездам. Очень может быть и, скорее всего, так оно и есть, что Шарден тоже был не первым, кто осознал, что путь к истинному познанию мира проходит через нашу душу, через душу отдельной личности. Я не имею здесь в виду представителей различных культов, которые постоянно твердят о бессмертии души, но, как правило, не столько раскрывают путь к истинному знанию, сколько затемняют суть дела. Именно этим можно объяснить неприязнь официальной церкви к убеждениям Шардена. Речь идет о личностях, которые, не боясь противостоять устоявшимся церковным канонам, ищут свой путь к истине. И хотя Шарден умер почти пятьдесят лет назад, я ощущаю его присутствие в моем

мире, ощущаю его как собеседника, тонко чувствующего и понимающего мои устремления. И если я смогу сделать хоть один шаг на пути, им намеченном, этого будет достаточно, чтобы эта нить не прервалась.

Поставив в этом месте точку, я удовлетворенно вздохнул и позвал сына, чтобы ознакомить его с результатом моего труда. Даниил вежливо выслушал, не проявив при этом особых эмоций, и сказал: «А все-таки непонятно, как ты различаешь душу и сознание». Пришлось опять уединиться, напрячь свои мозги и написать следующую главу, за что сыну — моя особая признательность.

ГЛАВА 3 ДУША И СОЗНАНИЕ

Отвечая на вопрос Даниила, как я различаю душу и сознание, я понял, что следует более четко определиться со своими собственными представлениями. На бытовом и интуитивном уровне практически все ясно понимают или, вернее, ощущают разницу между этими сущностями. Интересно, что это относится даже к тем людям, которые не верят в существование души. В самом деле, под такими чувствами, как любовь, милосердие, доброта, отзывчивость, мы всегда подразумеваем душевные качества. О людях, обладающих такими качествами, мы, особенно не задумываясь, говорим: «добрая душа», «светлая душа» или просто «душа-человек». Когда речь идет о злобности, ненависти, зависти, мы также имеем в виду душевные качества, но при этом часто используем как бы обратные термины: «злая душа», «темная душа» или «черная душа». Вроде бы ясно, что в обоих случаях речь идет о вещах, не имеющих отношения к сознанию или процессам мышления или это отношение весьма опосредованное. В то же время, когда мы говорим о способности логически мыслить, решать задачи или ориентироваться в ситуации, мы имеем в виду, прежде всего, характеристики нашего сознания (разума, рассудка, интеллекта). Известно, что человек может обладать железной логикой, т. е. крепким сознанием, и быть существом совершенно бездушным. О таком человеке говорят: «человек-машина», «холодный человек», «камень», «чурбан бездушный» и т. п. И наоборот, личность высоких душевных качеств может иметь неразвитое сознание или проблемы с логическим мышлением. Тем самым мы неосознанно проводим достаточно четкую границу между душой и сознанием.

В обыденной речи часто употребляются такие выражения, как «душевный человек», «задушевная беседа», «душа поет», «душевная боль». Попробуйте спросить ваших близких или просто знакомых, о чем идет речь в этих случаях: о характеристиках сознания или о чем-то еще? Я пробовал — почти все, долго не задумываясь, отвечают, что сознание здесь ни при чем. Человек может быть очень образованным, начитанным, быть просто кладезем информации и иметь хорошо поставленную логику мышления, но при этом быть черствым и неприятным в общении. Мне приходилось сталкиваться с очень неплохими профессионалами, работать с которыми было истинным мучением. Можно сказать, что практически все понимают, что не все в человеке может быть объяснено за счет наличия у него сознания как механизма, обеспечивающего способность к логическому мышлению. Если это так, то это значит, что есть нечто, что в огромной степени определяет наши личностные качества, но до сих пор не описано современной наукой. Тем не менее, даже ученые все больше склоняются к тому, что есть нечто в человеке, что продолжает существовать после его физической смерти. Недавно я прочел вполне научную статью, в которой ясно прослеживалась мысль о том, что не только душу, но и сознание нельзя свести исключительно к функции мозга. Для меня совершенно очевидно, что Человек не просто смертная плоть, которая способна осуществлять достаточно сложные мыслительные операции. Человеческая сущность определяется не только физическими характеристиками и способностями нашего организма, но и такими субстанциональными и пока еще таинственными сущностями, как душа и сознание.

Интересный разговор, затрагивающий волнующее меня соотношение души и сознания человека, произошел у меня с Оксаной, — как принято здесь говорить, girlfriend моего сына. Хотя я не раз обсуждал с ней разные высокоинтеллектуальные темы, наши беседы всегда были краткими и в силу этого поверхностными. Этот разговор также не был исключением. Тем не менее, мысль, высказанная Оксаной, заста-

вила меня упомянуть здесь нашу маленькую дискуссию. Оксана — высокообразованная и, я бы сказал, разносторонне начитанная девушка. Ее IQ (показатель интеллектуального развития), на мой взгляд, явно превышает средний уровень. Поэтому по ее представлению о душе и сознании можно судить о понимании этих сущностей, присущем наиболее продвинутой части современной молодежи. Я уже не помню точно, что послужило началом нашего разговора, но это и не столь важно. Интересно то, как мы завершили нашу маленькую дискуссию:

— Проблема заключается в том, что **мы разделяем душу и сознание, а делать этого не надо**, — без тени сомнения заявила моя собеседница, подводя итог нашему разговору.

— Надо! — сказал я. — **Проблема именно в том, что мы не только не разделяем душу и сознание, но даже не допускаем мысли о том, что здесь есть нечто, над чем следует серьезно поразмышлять.** И то, что ты только что сказала как раз и позволяет сделать такой вывод.

Знаю, что убедить Оксану мне пока не удалось. Да и не надо этого делать — заставлять кого-то серьезно относиться к не существующим для него проблемам. Я позволил себе привести этот краткий диалог, так как в нем отражается конфликт различных типов осознания человеком своего бытия во Вселенной. С одной стороны, сознание, присущее подавляющему большинству современного человечества, не отягощающее себя мыслями о месте и роли человека в объемлющей системе мироздания. С другой стороны — сознание, пытающееся проникнуть в тайну Универсума и ощутить себя как необходимую часть божественного замысла, прочувствовать свою личную связь с Творцом.

Люди заняты своими повседневными заботами. У них нет ни времени, ни желания заниматься высокоумным философствованием вообще и проблемой души и сознания в частности. Это не их проблема, она для них просто не существует. Привлекать же внимание к тому, чего нет, невероятно трудно. Люди озабочены совсем другими вещами, и обвинять

их в этом никак нельзя. Им бы выжить в нашем сложном, стремительно меняющемся мире, сохранить жизнь свою и своих детей, расслабиться и отдохнуть после рабочего дня. Поэтому не буду упрекать Оксану и все остальное человечество в недостаточности внимания к этим вопросам.

ЧЕЛОВЕК = ДУША + СОЗНАНИЕ

Всегда были и будут ненормальные с обыденной точки зрения личности, которые упорно бьются над вопросом, каков смысл существования человека вообще и себя лично, есть ли Бог и, если он все-таки есть, как мы связаны с ним и посредством чего он управляет всем на свете. И только эти немногие задумываются над такими сущностями, как душа и сознание. Только для них проблема их разделенности и взаимосвязи является насущной проблемой их собственного бытия.

Я не являюсь специалистом ни в теологии, для которой душа является одним из важнейших понятий, ни в какой-либо из областей научного знания, фокусирующихся на проблемах мозга, сознания или процессов мышления с точки зрения их физической природы. Поэтому я не рассматриваю свой текст как научный труд, имеющий отношение к одному из известных научных предметов, и считаю себя свободным от жестких правил научной работы. Я не проводил специального поиска литературных источников, не пытался охватить и систематизировать все написанное на эту тему. Тем не менее, круг моего чтения весьма обширен и охватывает самую разнообразную литературу: религиозную и теологическую, художественную, научную, философскую, методологическую и др.

Как правило, душа и сознание рассматриваются независимо друг от друга или в каких-либо других связках (например, бытие и сознание или сознание и мышление). В то же время ряд авторов не различает душу и сознание. Так, например, весьма уважаемый мною Кр. Бейч считает, что термин «душа» используется для обозначения сознания, накапливающего и интегрирующего опыт одной инкарнации (3,

с. 179). Мне почти не встречались тексты, в которых душа и сознание рассматривались бы как две противопоставленные и одновременно взаимоопределяющие сущности человека. Исключением является работа Д. Андреева, который считает, что и душа, и сознание, хотя и не могут существовать в нашем мире без физического тела, тем не менее, не являются его функцией; они порождаются в высших божественных сферах, тем самым определяя место и формируя устойчивые связи человека в структуре Универсума (2, с. 102). Принимая точку зрения Андреева на божественную природу возникновения души и сознания, я попытаюсь заострить внимание на их **взаимосвязи** как основных, принципиально не сводимых друг к другу, но взаимодополняющих субстанциональных сущностях, которые делают человека человеком.

Принято считать, что важной функцией сознания есть познание и что познание не знает границ. Тем не менее такую границу можно помыслить — это Абсолют, или Бог. Познание Высшего разума предполагает полное слияние с ним как конечную точку восхождения человека по пути совершенства. А если это так, то сознание уже не может рассматриваться только как функция мозга, оно не есть принадлежность того или иного отдельно взятого человека или его тела. Сознание бесконечно во времени — оно как река, истоком которой был Бог и завершением которой есть Бог. Следовательно, сознание может быть представлено как вневременная или бесконечная субстанция, связывающая человека с Творцом. Но это особая связь, которая лежит в плоскости или в особой действительности идей и логик, обеспечивающих упорядоченность и законообразность Вселенной и Универсума. Я рассматриваю эту действительность как одну из главных ипостасей Творца. В соответствии с учением Платона мы можем назвать эту ипостась Логосом. В этом случае речь идет о Боге как о творце идей — архетипов всего сущего в Универсуме.

Не только наша душа, но и наше сознание не исчезает бесследно с физической смертью. Будучи неразрывно связанными частями единого целого, после смерти человека

они претерпевают серьезную структурную трансформацию и как бы возвращаются в породивший их бесконечный поток Божественной Души-Сознания с тем, чтобы потом возродиться к новой жизни во Вселенной и продолжить свое восхождение на пути постоянного совершенствования, на пути к Богу. В то же время сознание отвечает за все проявления жизнедеятельности человека. Оно обеспечивает прием и хранение информации, переработку и порождение новых идей, понятий и представлений, контролирует все функции нашего организма. Я бы сказал, что в этом случае речь идет о сознании как об особом техническом устройстве, если хотите — компьютере, необходимом нам для физического выживания и приспособления к изменяющимся условиям окружающего мира. Такое представление исходит из рассмотрения сознания с точки зрения его материальной природы. При этом сознание индивидуализируется, т. е. берется как нечто полностью принадлежащее отдельному человеку и переставшее существовать с его физической смертью.

Предназначение души совершенно иное. Она не обеспокоена порождением новых идей, получением знаний и методологией познания. Она безразлична к логике наших мыслительных построений. Поэтому зачастую наши душевные порывы противоречат элементарной логике, которую подсказывает наше сознание. Хорошим примером может послужить выражение «любовь зла — полюбишь и козла». Ведь с точки зрения логики козел, или уродство, подразумеваемое здесь, вряд ли может быть предметом такого высокого чувства, как любовь. Но для души эта логика не работает — физический облик отнюдь не главное — поэтому настоящая любовь определяется не столько внешними достоинствами, сколько внутренними, или душевными, качествами. Такое понимание любви мы встречаем во многих известных литературных произведениях, например в сказке «Аленький цветочек». Другой аспект той же темы мы находим в «Соборе Парижской Богоматери» В. Гюго и в «Призраке оперы» Г. Леру. Именно душа отвечает за сферу наших чувств, но не за сферу чувств физического восприятия, а за сферу высоких чувств, которую мы не случайно относим к духовному миру.

Без души невозможно то чувство, которое мы называем любовью, бездушной не может быть истинная вера и истинное творчество. Поэтому душа является скорее навигационным устройством, выверяющим курс нашей жизни по звездам божественного предназначения и обеспечивающим нашу сопричастность к божественному творчеству. Душа является вневременной и внепространственной субстанцией, которая обеспечивает встроенность всего живого, в том числе и человека, в структуру Универсума. Так же как и сознание, она выходит за тесные границы физического мира и связывает нас с Богом, но уже не с миром Высшего разума — Логосом, но с другой его ипостасью — Мировой душой. В отличие от сознания — Логоса, отвечающего за рациональное мышление, — стихией души является мир чувств. Речь здесь идет не о том, что мы связываем с обонянием и осязанием, а о чувствах, расположенных в широком диапазоне между любовью и ненавистью.

Все живое имеет душу. Но что можно отнести к живому? Являются ли, например, кристаллы живым существом? Если верно то, что они могут расти, реагировать на внешние раздражители, накапливать и хранить информацию, то ответ может быть положительным. Во всяком случае, я не исключаю, что они могут быть отнесены к миру живого. В этом случае не исключено, что они также имеют душу. Но как тогда быть с тем, что душа связывается с такими понятиями, как красота, любовь, вообще со всем тем, что имеет отношение к сфере прекрасного? Вряд ли кристаллы способны любить или ценить красоту. Сама по себе душевная субстанция не несет в себе представлений о красоте и уродстве, добре и зле, но только благодаря душе мы способны реагировать на них. Душа не осознает, она не анализирует. Душа чувствует. Недаром говорят, что вот это греет нашу душу, а это холодит ее. Душой обладает ангел и дьявол, хищник и жертва. Животные также имеют душу, но их мышление не связано эстетическими и этическими категориями. Известно, что дети более открыты и непосредственны в проявлении своих чувств, чем взрослые. Это говорит о том, что матрица сознания еще не столь жестко отпечаталась на их душе. Связь

души со сферой прекрасного и уродливого есть наложение представлений, закрепленных в нашем сознании, на чистое поле души. Это говорит о том, что душа не существует в полном отрыве от сознания. Душа и сознание тесно взаимодействуют, взаимоопределяют друг друга.

Здесь я должен опять напомнить, что сказанное выше не надо рассматривать как некоторое абсолютное знание. Я всего лишь строю свой мир. Поэтому попробуйте отнестись к моим представлениям о душе и сознании как к важной ступеньке в создании модели Универсума, но только моего личного Универсума.

ЕСТЬ ЛИ ДУША У ЖИВОТНЫХ?

А какое нам до этого дело? И в самом деле, ну зачем это мне знать? Я не биолог, не занимаюсь специально вопросами животного мира. Казалось бы, своих насущных проблем хватает, о своей душе нет времени подумать, а тут вдруг — проблема души у животных. Тем не менее, я не могу пройти мимо этого вопроса. Все, что касается царства фауны, интересует меня исключительно потому, что человек и животные тесно взаимосвязаны в общей системе мироздания и по замыслу Творца существовать друг без друга не могут. И вовсе не только в силу того, что, к сожалению, все в этом мире кушают друг друга и люди находятся в большой зависимости от животной пищи. Мы нуждаемся в больших и малых зверушках, т. к. связаны с ними, прежде всего, духовными связями. Мы сосуществуем с братьями нашими меньшими в едином всеобъемлющем энергетическом поле. И любое нарушение этого поля, вызванное исчезновением любой, пусть даже малой, группы живых существ, безусловно, негативно сказывается не только на нашем физическом бытии, но и на нашей душе и, конечно же, на нашей духовности. Я совершенно убежден, что понять тайну души человека вне рассмотрения его в общем контексте живой природы, в частности мира животных, невозможно. В основе Вселенной и Универсума лежит Божественная Гармония, и от того, насколько хорошо

мы это понимаем, зависит наше будущее. Речь идет не о том будущем, которое, как многие думают, будет уже без нас, но о том, в котором мы будем пребывать вечно. Поэтому основная задача этого раздела — уяснить для себя, хотя бы в самом общем виде, чем душа человека отличается от души животного. Ответ на этот вопрос позволит продвинуться на пути понимания роли человека в системе мироздания.

Вопрос, обладают ли животные разумом, и если да, то в какой степени, давно беспокоит ученых. Сегодня уже мало кто сомневается, что разум, а значит, и порождающее его сознание не являются прерогативой только человека — они вне всяких сомнений есть и у других высокоразвитых живых организмов. А что можно сказать о **душе** — есть ли она у животных? Если есть, то похожа ли она во всем на душу человека или в чем-то отлична от нее?

Вглядитесь в глаза животного — раненого зверя, мурлыкающей у ваших ног любимой кошки или лучшего друга — верного пса, преданно заглядывающего в глаза и угадывающего ваше настроение по едва заметным признакам. Можно ли после этого сомневаться в том, что животные имеют душу? Ведь недаром же говорят, что глаза — это зеркало души. Вы можете возразить, предложив заглянуть в глаза змеи или акулы. И это действительно сильный ход. Сколько ни вглядывайся в глаза этих существ, чего-нибудь хотя бы отдаленно напоминающего нам о душе мы не увидим. Как правило, о них говорят как о холодных или бездушных тварях. Но значит ли это, что души у них нет? Разве мы не содрогаемся иногда, встретившись глазами с некоторыми представителями рода человеческого, обнаружив в их глазах то же выражение, что и у самых страшных и жестоких хищников? Конечно же, душа у них имеется, но я бы сказал, что такая душа в основе своей — темная или черная. И эта характеристика касается в значительно большей степени человека, чем представителей царства зверей.

Если есть сознание, то должна быть и душа, т. к. они всегда есть пара и друг без друга существовать просто не могут. Тем не менее, сходство и различие сознания и души

людей и животных всегда было и есть одной из наиболее волнующих тайн, проникнуть в которую означает понять природу бытия.

**Что думают об этом «посвященные».
И является ли их знание истинным?**

Задолго до начала работы над этой книгой я прочитал «Розу мира» Даниила Андреева и ознакомился с его точкой зрения на вопрос о наличии души и сознания у животных. Совсем недавно, когда я уже завершил текст о душе и сознании и вчерне подготовил раздел о существовании души у животных, мне попала книга Зора Алефа «Ответы непосвященному». В общих чертах, я бы сказал в главном, представления обоих авторов очень близки. Оба они не сомневаются, что все живое (и, шире, вообще все, что существует во Вселенной) обладает сознанием и душой. При этом сознание и душа человека и животных выполняют одну и ту же функцию — обеспечивают связь с Творцом или Провиденциальными силами и дают возможность всему сущему (всему сотворенному Богом) восходить на все более высокие уровни, т. е. постоянно совершенствоваться. И с этим невозможно не согласиться.

Оба автора относят себя к посвященным или приобщенным к абсолютному знанию. В то же время, если внимательно сравнить их представления, нетрудно заметить ряд существенных отличий и даже принципиальных расхождений. Сопоставляя концепции современных посвященных или их отдельные аспекты с видением мистических авторов, живших в другие исторические времена, например со Сведенборгом или Данте, можно обнаружить серьезные несовпадения не только в деталях, но и в исходных концептуальных представлениях. Говорит ли это о том, что не все сказанное ими следует понимать как ниспосланное свыше истинное знание? Нет, не говорит. Ведь мы знаем, что истина, доступная нам, сама по себе вещь весьма относительная. Поэтому ни у кого из пишущих на эти темы, ни у кого из посвященных нет права претендовать на единственно правильную карти-

ну мира или на владение абсолютным знанием. Каждый из этих авторов строит свою собственную концепцию и модель Универсума и Вселенной. И с этой точки зрения оценивать их знания и представления следует только в отнесении к их картинам мира и тому конкретному историческому времени, когда они жили и творили. Тем не менее, каждый, кто задает себе эти вопросы и не боится искать ответы на них, идет по пути познания Абсолюта — Бога, а следовательно, в той или иной степени приближается к нему.

Я творю свой мир, который в данный момент в чем-то подобен их мирам, а в чем-то отличен от них. Ведь если он будет точно таким же, тогда зачем его создавать? Тем не менее, я должен не просто уяснить для себя содержание того или иного вопроса, в данном случае — соотношения сознания и души человека и животного по Д. Андрееву и Зору Алефу, но понять, что из этого содержания может быть встроено в мою собственную модель мироздания, что требует дополнительного уяснения и доработки, а что совершенно не согласуется с моим видением. Кроме того, лучший способ действительно в чем-то глубоко разобраться — это самому поразмыслить о том или ином предмете, попытаться сформировать свое отношение к нему и прочувствовать свои собственные затруднения. И только после этого можно, без риска не критического восприятия чужой картины, приступить к ознакомлению с другими концепциями.

Сначала я отмечу общие моменты, идентично трактуемые обоими авторами. Важно подчеркнуть, что в обеих картинах мироздания, Андреева и Алефа, утверждается, что так же, как и люди, животные обладают сознанием и душой. И что особенно важно — животные имеют карму. Их души реинкарнируют, т. е. подчиняются универсальному закону совершенствования жизни во Вселенной. Животные, как и люди, не исчезают бесследно со смертью физического тела. Их души после смерти существуют в других, более тонких мирах. Андреев называет такой мир Жимейрой. У Зора Алефа, ссылающегося на древние египетские трактаты, мы встречаем термин «поля мертвых» для животных. Очень важным является общее положение о том, что человеческая

душа никоим образом не может перевоплотиться в животное и наоборот. В то же время у обоих авторов встречаются весьма спорные и противоречивые, на мой взгляд, утверждения. По ряду важных вопросов точки зрения Д. Андреева и Зора Алефа не совсем совпадают, а иногда даже противостоят друг другу.

В самом начале главы «Отношение к животному царству» Андреев подвергает резкой критике утилитарный угол зрения, согласно которому все на свете расценивается исключительно сообразно тому, в какой мере это полезно для человека. Он пишет: «...космический провинциализм человека... покажется смешным нашим потомкам. Легенда о «венце мироздания» — это наследство средневековой ограниченности и варварского эгоизма — должна будет... рассеяться как дым» (2, с. 207).

Что касается «средневековой ограниченности», то с моей точки зрения, Андреев здесь не совсем прав. Именно в средневековой картине мира существование других более высоких существ: ангелов, архангелов, херувимов, серафимов и т. п. — не являлось чем-то мистическим или запредельным, но было неотъемлемой частью реального бытия. Представление о Божественной иерархии лежало в основе понимания мироустройства, в котором человек занимал очень скромное место. Только в эпоху Возрождения человек настолько проникся верой в свои силы, что поставил себя в центр мира. Хотя носителями нового мировоззрения был относительно небольшой круг людей, называвших себя гуманистами, они закрепили представление о человеке как о венце творения, тем самым предопределив переломный характер этой эпохи в истории новоевропейской культуры.

Далее Андреев противоречит сам себе. С одной стороны, он критикует средневековое представление о человеке как о венце творения. С другой стороны, в своей «Розе мира» он настаивает на том, что в материальном мире человек, вне всяких сомнений, занимает высшую ступень, и указывает на то, что ценность материальная или духовная какого-либо объекта возрастает вместе с суммой усилий, затраченных на его создание. На этом основании он утверждает, что цен-

ность человека, безусловно, выше ценности представителей животного мира, но значительно ниже ценности архангела или демиурга народа и т. д., вплоть до ценности Владык Света и Демиургов Галактики (2, с. 208). Здесь Андреев сопоставляет две иерархии, принадлежащие разным мирам или разным действительностям. С одной стороны, это ряд смертных живых существ, принадлежащих к материальному или физическому миру. С другой — ряд представителей Божественной иерархии, которые также являются живыми, но сотворенными из принципиально иной материи, и, что самое главное, — они бессмертны, т. к. принадлежат миру, живущему по законам вечности. Человек, как существо не только телесное, но и духовное, принадлежит обеим иерархиям. В одной из них — иерархии существ, наделенных физическим телом, — человек занимает по праву верхний уровень. А вот в другой — иерархии Духа — человек находится на самой нижней ступени. Оправдывая право человека на охоту как средство существования, Андреев пишет, что надо быть «фарисеем от вегетарианства», не признавая, «что жизнь человека ценнее жизни любого животного» (2, с. 216). И здесь же он утверждает, что высшие животные и, конечно же, человек вправе истреблять те виды, которые угрожают их физическому выживанию (2, с. 217). Не есть ли это прямое признание человека как венца творения? Но не венца творения вообще, а только по отношению к иерархии живых существ в материальном, или физическом, мире. Если это так, тогда о каком «космическом провинциализме» может вообще идти речь? Это понятие применимо отнюдь не к средневековому мировоззрению, но к атеистическому взгляду на мир, формирование которого относится к эпохе Возрождения.

Нельзя не заметить серьезного расхождения в ответах, даваемых Д. Андреевым и Зором Алефом на вопрос: отвечает ли Божественному замыслу то, что одни существа пожирают других? Андреев считает, что вмешательство планетарного демона, Гантунгра, исказило первоначальный замысел Творца. Именно эта злая сила несет ответственность за то, что с самого начала органической жизни во Вселенной

(Энрофе) она была подчинена закону взаимопожирания. При этом животные тем сильнее демонизированы, чем более они хищны (2, с. 210, 211). У меня здесь сразу же возникает вопрос: разве лев, убивающий антилопу, чтобы выжить, совершает большее зло, чем сытая домашняя кошка, раздражающая мышшь или голубя?

А вот что думает по этому поводу Зор Алеф: «Поскольку в мире все питается духом и все жертвует чем-то, и жизнь есть акт высочайшего самопожертвования Бога, который дал людям питаться своей плотью, и кровью, и мудростью, и знанием, и силой, — человеку можно питаться животной пищей; ибо, по утверждению великого Человеческого Сына, Христа, не то уста оскверняет, что в них входит, а то, что из уст выходит. И сам он ел пасхального агнца» (18, с. 54). Далее он отмечает, что «ученые уже давно пришли к выводу о том, что в мире царствует гармония различных животных царств, которые естественным образом поддерживают друг друга». Таким образом, он возражает Андрееву, утверждая, что так называемый закон взаимопожирания есть часть Божественного замысла, в котором есть место хищнику и есть место его жертве. В созданном мире все разумно и продумано.

Еще одно место у Д. Андреева, мимо которого я не могу пройти. Это раздел, где он призывает «оказать животному царству активную помощь в деле его совершенствования» (2, с. 224). Отвечая на свой же вопрос: «Что это значит?», он пишет, что речь идет об искусственном ускорении умственного и духовного развития некоторых высших видов животного царства. Совершенно серьезно Андреев рассматривает перспективу перевоспитания хищников, таких как волк или медведь, предполагая возможность развития у них способностей к овладению речью. Он идет даже дальше, предлагая путем биохимического воздействия на зародыш животного трансформировать некоторые его органы, например, превращать лапы в руки и т. п. Выстраивая в очередь кандидатов, претендующих на искусственное очеловечивание, он жалеет, что лошадь, имея в этическом отношении несомненные преимущества перед кошкой и собакой, обладает копытностью — свойством, мешающим стать ей на этот

путь. А вот у слона есть такой замечательный хватательный орган, как хобот, но слон очень большой и тяжелый, что, по мнению Андреева, тормозит его умственное развитие. Но это не беда — уменьшим слона и сделаем его размером с теленка! Вот такая идиллия, по мнению автора, ожидает нас в будущем. Возможно ли это? Вполне возможно, и не в таком уж необозримо далеком будущем, учитывая потрясающие успехи и темпы развития биологии и генной инженерии. Этично ли такое вмешательство в природу и действительно ли такие преобразования могут быть угодны Богу и полезны человеку? С одной стороны, на ум приходят утопические картины будущего в духе любимого мною в детстве писателя-фантаста А. Беляева. С другой — как в кошмарном сне предстают планы и эксперименты фашистов по «улучшению» человеческой породы. Не знаю, как вас, а меня от такой перспективы холодный пот прошибает и волосы на голове дыбом становятся. Как говорится, благими намерениями выстелена дорога в ад. Все в мире создано по слову и разумению Божьему, все имеет свое место и назначение, всякое совершенствование биологических видов может и должно осуществляться во взаимосвязи со всей Вселенной и со всем Универсумом.

Не верится, что подобные мысли и прожекты принадлежат такому мыслителю, как Даниил Андреев. Представление о том, что путем искусственного биохимического воздействия на физиологию живого организма можно усовершенствовать его душевные качества, с моей точки зрения, может быть порождением только того типа сознания, которое принято называть материалистическим или атеистическим. Блестящей критикой такого рода иллюзий является «Собачье сердце» М. Булгакова. Трудно поверить, что Андреев не был знаком с этим замечательным произведением. Качественное изменение духовности отдельной особи и тем более целого биологического вида если и возможно, то может произойти только в результате длительного восхождения по пути многочисленных перевоплощений.

Именно в наши дни, когда искусственное создание новых видов живых существ и самого человека из сферы фантас-

тики перешло в реальную жизнь, когда уже не обсуждается вопрос, возможно ли это в принципе, а инвестируются огромные средства на развитие конкретных технологий клонирования человека, надо особенно осторожно подходить к решению этой проблемы. У меня нет сомнений в том, что возможно искусственное создание физически более совершенных организмов. Также я не сомневаюсь, что познание остановить невозможно. Но возникает целый ряд серьезных вопросов о душевных и духовных качествах клонированных существ. Уверен, что в разработках технологий клонирования человек рассматривается исключительно с позиций его материальной природы. При этом предполагается, что его душа возникает одновременно или как следствие функционирования его физического тела. Возникает серьезная опасность порождения душевных и духовных монстров. Это во многом объясняет, почему церковь негативно относится к клонированию. Спрашивая себя, как я сам отношусь к этой проблеме, я не могу не задуматься над тем, как душа попадает в тело человека — входит ли она в него извне или возникает одновременно с его рождением; происходит ли этот процесс в клонированном организме так же, как в обычном, или нет; как в этом случае работает закон кармы — является ли душа клона совершенно безгрешной или она несет на себе груз грехов исходного материала, т. е. наследует карму человека, чьим подобием является данный клон. Я не берусь отвечать на все эти вопросы, но уверен, что нельзя от них просто отмахнуться. Думаю, что М. Булгаков довольно убедительно описал возможные перспективы чисто научного подхода к проблеме клонирования.

И последнее, на чем бы мне хотелось здесь остановиться, — это представление Д. Андреева о судьбе некоторых вымерших видов животных, в частности динозавров. Он говорит о том, что прошедшие через бесчисленные реинкарнации травоядные динозавры обитают в Жимейре в виде вполне разумных, добрых и необыкновенно ласковых существ. Другая половина — динозавры-хищники — эволюционировали в противоположную сторону. И эти последние, но не в физическом их облике, а их кармах (аналогичное

физическому плотное тело некоторых видов демонических существ), свирепствуют в Шрастрах (инопространственные материальные слои — обиталища античеловечества) в виде раруггов, т. е. как представители одной из рас античеловечества. Что же получается? Оказывается, в мире Андреева не все сущее, сотворенное Богом, подчиняется всеобщему закону совершенствования. Не противоречит ли это исходным представлениям о законе кармы, который утверждает право каждой отдельной и, конечно же, совокупной или родовой души на спасение? На мой взгляд, безусловно, противоречит. Я разделяю точку зрения Зора Алефа, согласно которой «закон Реинкарнации является общим для животного и для человеческого мира. Сущностью закона Реинкарнации является развитие; только в человеческом мире — развитие через очищение от греха, а в животном мире — развитие через совершенствование духовного потенциала животного» (18, т. 1, с. 69). На вопрос, куда делись души вымерших животных, З. Алеф отвечает следующим образом: произошло их реинкарнирование в другие виды животных, которые готовы были принять новые формы жизни. Согласитесь, ответы, данные обоими авторами, принципиально отличаются друг от друга.

Известно, что «Роза мира» была опубликована после смерти Д. Андреева. Я не утверждаю, но очень может быть, что некоторые фрагменты оригинального текста были отредактированы. Возможно, это было сделано непреднамеренно, а как говорится, из лучших побуждений, тем не менее, привело в отдельных местах к серьезному искажению действительных представлений автора. Еще раз подчеркиваю — это только мое предположение. Критический анализ текстов Д. Андреева и Зора Алефа не являлся для меня самоцелью. Все сделанные выше замечания относятся только к отдельным аспектам работ этих мыслителей. Я бесконечно благодарен им обоим за тот колоссальный материал, который в значительной степени обогатил мой кругозор, во многом подтвердил мои собственные мысли и позволил увидеть картины других миров, в чем-то очень близкие моему видению, но в то же время не совсем совпадающие с их картинами и, как видно из данного рассуждения, иногда в каких-то аспектах и противоречивые.

ЧЕМ ЧЕЛОВЕК ОТЛИЧАЕТСЯ ОТ ЖИВОТНОГО?

Хотя видение законов и устройства мира, данное Зором Алефом, во многом совпадает с моим собственным, здесь также есть отдельные моменты, с которыми я не могу согласиться полностью или хотя бы частично. Например, положение о том, что у животных есть творческое мышление или, вернее, его зачатки. Для Зора Алефа основанием для такого утверждения является тезис о том, что искра и зерно Божественного духа, несомненно, присутствуют и в минерале, и в растении, и в животном. Как он сам подчеркивает, весь вопрос заключается в том, в какой степени эта искра имеет место. Здесь же он отмечает, что Пифагор был совершенно прав, говоря, что «животное сродни человеку, но человек сродни богам». В моем понимании, в этом высказывании содержится не только утверждение близости человека и животного, но и в гораздо большей степени признание их принципиального различия.

Именно творчество является той отличительной особенностью, которая роднит Бога и человека и четко разделяет человека и животное. Понимание этого тезиса во многом зависит от того, что мы понимаем под творчеством. С моей точки зрения, **о феномене творчества можно говорить только тогда, когда наблюдается сознательное разрушение существующих норм и прототипов и создание чего-то качественно или структурно отличного от того, что было раньше. В процессе творчества всегда происходит не просто изменение, а развитие самого творца и деятельности, в которой он принимает участие.** Конечно, поведение одного животного может чем-то отличаться от поведения других особей, но животное не может сознательно развивать нечто и тем более развивать самого себя. В животном мире качественные изменения происходят не как следствие осознанных действий животного, а как результат длительного процесса естественной эволюции. Разве не прекрасны удивительное кружево паутины или поражающая своим математическим порядком архитектура пчелиных сот? Можно привести много примеров «деятельности» животных, результаты которой отличаются математической точностью и

удивительной красотой. Но в отличие от красоты, творимой человеком, эти прекрасные формы не являются продуктом осознанной деятельности. Кто-то придумал все это целесобразное великолепие и сотворил его за них. Творения животных появляются независимо от их воли и желания, как нечто, предусмотренное программой их жизнедеятельности (33, с. 67—72). В отличие от животных человек способен не только бесконечно познавать мир, но еще и развивать самого себя и свои механизмы познания в пределах одного жизненного срока. И, что самое главное, человек стремится не просто познать мир своего физического бытия, но понять законы и причину существования материального мира — Вселенной. Это значит, что он способен не только познать самого себя, но и осознать свою связь с Создателем. **Исключительное божественное право видоизменять мир, право творить дано только человеку. И это право есть один из важнейших моментов, позволяющих говорить о богоподобии человека.**

Казалось бы, я уже в чем-то разобрался. Разве не достаточно приведенного выше различия человека и животных на основе сравнения их творческих потенциалов? Ведь само по себе утверждение уникальности творческих способностей человека уже выводит его на совершенно особый уровень в структуре мироздания и определяет его специфическую роль, предопределенную замыслом Творца. Тем не менее, что-то мешает мне поставить здесь точку. И я продолжаю донимать моих приятелей вопросом: «В чем вы видите отличие человека от животного?»

Мало кто из моих собеседников когда-либо действительно этим интересовался. Но они не отмахиваются от меня, а наоборот, активно включаются в обсуждение. Вскоре выясняется, что серьезных доводов, безоговорочно доказывающих исключительность человека, они привести не могут. Как правило, они настаивают на следующих отличиях: человек может думать; человек может любить; люди создают орудия труда, сложные социальные образования и искусственную среду обитания. Но ученые уже давно доказали, что не толь-

ко обезьяны, но и разные там крысы с мышами способны на вполне осмысленные действия. О любви и говорить не приходится. Спросите об этом любителей домашних животных или вспомните трогательные истории, повествующие о привязанности лебедей друг к другу. И с орудиями труда промашка выходит: недавно по телевизору смотрел, как орлы с высоты бросают черепаху, чтобы разбить ее панцирь о камни, а обезьяна не просто использует палку, но придает ей особый изгиб, чтобы достать вожделенное лакомство. Также общеизвестно, что в животном мире, например у пчел и муравьев, существуют весьма изощренные формы «социальной» организации. После обсуждения такого рода примеров мои собеседники соглашались, что вопрос не такой простой, каким казался с первого взгляда, и требуют, чтобы я дал свой ответ. Когда в ответ я развожу руками, они подозревают, что я хитрю: что-то определенно знаю, но не хочу с ними делиться. Неудобно как-то получается, но мне самому далеко не все ясно и понятно. И я снова и снова возвращаюсь к этой теме.

Мое внимание к проблеме отличия человека от животных вызвано, прежде всего, желанием самому разобраться в том, кто мы, люди, такие, — являемся ли мы продуктом эволюции определенной ветви животных, как утверждал Дарвин, или все же мы изначально другие и никак генетически не связаны с миром фауны. Как видно из сравнительного анализа текстов, даже среди посвященных нет согласия в ответе на этот вопрос. Судите сами: Д. Андреев, считая возможным искусственное очеловечивание животных, по сути, признает эволюционную теорию происхождения человека от животных, тем самым стирая существующие между ними принципиальные отличия. В самом деле, если допустить, что животное в процессе естественной эволюции может не только приобрести такие качества, как речь и творческое мышление, но и превратить свои конечности в нечто наподобие человеческих рук, не есть ли это прямое утверждение возможности происхождения человека от животного, т. е. признание дарвиновского варианта теории эволюции? И, напротив, Зор Алеф утверждает принципиальную несводимость

человека и животного. Категорически отрицая возможность перевоплощения человеческой души в более низкие формы, он приводит слова Имхотепа, великого мага, архитектора и врача древности: «Человеческая душа сохранена Всевышним Аменом от унижения воплощаться в тело животного, растения или камня» (18, т. 1, с. 52). Далее он говорит, что в мире и в природе, где все образовано чрезвычайно гармонично, разумно, есть свое место цветку, карасю, животному, человеку, камню — всему. И все выполняет свой план (18, т. 1, с. 53—54). Я разделяю последнюю точку зрения и, конечно, мог бы принять ее как один из базовых принципов своей модели Универсума и успокоиться на этом. В этом случае я стал бы излагать свои мысли подобно посвященным, утверждая, что мои знания истинны, поскольку я являюсь только передатчиком информации, которая транслируется мне непосредственно Высшим разумом или из информационного центра Вселенной. Но, увы, я не отношу себя к кругу посвященных. Мой метод познания хотя и не исключает интуицию, но предполагает там, где это возможно, самостоятельное получение знаний путем логических построений.

Как уже говорилось, отличительной особенностью человека является способность к творчеству. Не вызывает сомнения, что сознанием и душой наделено все живое. Что же тогда выделяет человека, что есть у него, чего нет у всех других животных, и что делает его творцом, т. е. богоподобным? Однозначно ответить на этот вопрос нельзя, поскольку речь идет не о какой-то отдельно взятой особенности, но о принципиальном отличии как физической, так и духовной природы человека. Чем больше я погружаюсь в эти размышления, тем отчетливее проявляется мысль о том, что объяснить уникальность человека только более сложной структурой сознания и более тонкой душевной организацией нельзя. Сознание, позволяющее нам мыслить абстрактно, является не более чем инструментом. Но для истинного творчества одного инструментального обеспечения, пусть даже очень сложного и совершенного, еще не достаточно. Я знаю немало людей, обладающих весьма высоким уровнем

развития, а в некоторых случаях блестящими умственными способностями, но, тем не менее, весьма далеких от того, что в полном смысле этого слова можно назвать творчеством. Также нельзя объяснить отличие человека от животных более сложной душевной организацией. Даже обладание самыми высокими душевными качествами хотя и является необходимым условием, но само по себе не гарантирует способности к творчеству. Только сознание, оплодотворенное духовной энергией, способно изменять мир — творить. Но должно присутствовать еще нечто, что предопределяет саму необходимость такого оплодотворения. Поэтому, когда я задаюсь вопросом, в чем отличие человека от животного, я предполагаю, что должен быть изначальный импульс, делающий возможным саму идею творения. Что же это такое?

В поисках ответа я сам себе предложил игру. По условию этой игры надо дать ответ на вопрос: если бы я был Богом, каким образом из всего многообразия живых тварей я выделил бы только одну-единственную, главным отличием которой была бы способность к творению, т. е. такое существо, которое было бы подобно самому Богу? Эта игра оказалась серьезным испытанием, и я далеко не сразу пришел к финальному умозаключению. Ответ, который я дал, как мне сейчас кажется, довольно прост: для каждого уровня иерархии живых существ я ввел бы жесткие ограничения свободы воли. Все сотворенные мною живые существа могут думать о чем угодно, но ни под каким видом не могут размышлять и подвергать сомнению установленный изначальный порядок, определяющий границы природы и жизнедеятельности каждого из видов, и тем более изменять этот порядок. И только для одного существа — человека — я бы сделал исключение. Я бы предоставил ему такой уровень свободы воли, который позволил бы ему не только размышлять о себе и анализировать свои действия, но и трансформировать, развивать свое мышление, свою деятельность, самого себя. Эта свобода воли должна дать человеку возможность не только осуществлять саморефлексию, но и размышлять о природе своего происхождения и бытия Вселенной, а значит,

задаваться вопросом о том, кто сотворил его самого и мир, в котором он живет. Я бы разрешил ему иметь идею Бога и осознать себя как образ и подобие своего Творца. Я бы позволил ему быть зеркалом, отражающим меня, Бога.

Размышляя таким образом, я пришел к выводу, что изначальным импульсом, который предопределяет все важнейшие отличия человека от животного, прежде всего способность к творчеству, является **свобода воли**, точнее, качественно более высокий ее уровень по сравнению со всеми остальными животными. Именно на это обращает внимание ветхозаветный миф о первородном грехе и изгнании человека из рая. Человек был единственным существом, которое было поставлено перед выбором, сорвать запретный плод и стать собственно человеком или не делать этого и навсегда остаться в раю. Ослушавшись Бога, человек познал добро и зло и тем самым раз и навсегда отделил себя от всех других тварей. Но сделать это он смог только потому, что Бог одарил его свободой воли в значительно большей мере, чем остальных животных, и тем самым позволил осознать свое предназначение и выбрать свой путь. С этой точки начинается история человечества. Конечно, не только человек наделен свободой воли, но только он обладает ею в такой степени, которая дает возможность творить и тем самым быть подобным самому Создателю.

Уровень свободы воли нормирует возможность отклонения от изначально заданных алгоритмов или стереотипов жизненной активности, тем самым жестко задавая место всех живых существ в Божественной иерархии. То, что позволено на одном уровне, недопустимо для существ другого уровня. Каждому уровню соответствует своя степень сложности структуры сознания и душевной организации. Такое представление Божественной иерархии полностью исключает возможность формирования и развития у существ, принадлежащих определенному уровню, способностей, присущих существам более высокого уровня. Именно поэтому я придерживаюсь того направления теории реинкарнации, которое не допускает мысли о возможности перевоплощения любых живых существ, в том числе человека, в существ более

низкого порядка. В противном случае был бы нарушен священный порядок мироздания и на мир обрушился бы хаос.

Мир устроен по принципу порядка и гармонии. Все в нем уравновешено и взаимосвязано. Недаром в средневековой иконописи мы находим изображения Бога как великого геометра или архитектора Вселенной. Задумывая и творя мир, он все предусмотрел, все рассчитал, всему определил свое место и свое предназначение. Как нельзя изменить расположение галактик и планет относительно друг друга, так нельзя безнаказанно тасовать колоду жизни. Каркасом архитектуры здания жизни является Божественная иерархия, в основе которой лежит иерархия свободы воли. Человек находится на самом верхнем уровне иерархии живых существ, принадлежащих материальному миру, или на вершине форм жизни Вселенной. Принципиальным отличием человека, ставящим его выше всех остальных животных и уподобляющим его Богу, является способность к творчеству. Для того чтобы человек мог творить, Бог дал ему максимальный уровень свободы, соответствовать которому можно только при условии обладания качественно более высокой степенью умственного развития и чувственного восприятия. Другими словами, Создатель наделил человека структурой

сознания и душевной организацией, принципиально отличными от всех других животных. Главными особенностями сознания человека являются абстрактное мышление и способность к рефлексии, что позволяет ему осмыслить такие категории, как добро и зло. Важнейшим отличием душевной природы человека является поляризация ее такими предельными чувствами, как любовь и ненависть. Животные также

могут проявлять подобные чувства. Но ни одно животное не способно любить с такой силой, до полной самоотдачи и самопожертвования, и ни одно животное не способно так ненавидеть, как человек. Осознанная поляризация добра и зла, с одной стороны, и сил любви и ненависти, с другой, создает тот энергетический или духовный потенциал, который делает человека человеком и дает ему возможность творить.

Сходные с моими рассуждениями мысли я нашел в книге Майкла Крайтона «Сфера». Инопланетное существо высшего порядка, обращаясь к людям, говорит: «На вашей планете есть животное, которое вы называете медведем. Это большое животное, иногда больше, чем вы сами, оно умное и изобретательное, и его мозг такой же большой, как ваш. Но в одном медведь очень отличается от вас. У него нет воображения. Он не может создавать мыслительные образы того, что будет. Он не может представить себе то, что вы называете прошлым, и то, что вы называете будущим. Эта особая способность воображения есть то, что возвышает вас над всеми другими видами. И ничего больше. Это ни ваше подобие человекообразным обезьянам, ни ваше умение использовать инструменты, ни речь, ни ваша забота о детях или ваша социальная организация. Это ни одна из тех вещей, которые мы находим у других животных. Ваше величие в вашем воображении (...) Это дар, которым наделен ваш вид и опасность, потому что вы не можете контролировать ваши мыслительные образы. Вы замысливаете прекрасные вещи и замысливаете ужасные вещи, и вы не несете ответственности за выбор. Вы говорите, что внутри вас сила добра и сила зла, ангел и дьявол, но истина в том, что только одна вещь внутри вас — способность создавать мыслительные образы».

Я согласен с Крайтоном, что человек обладает уникальной способностью воображения и даром абстрактного мышления. Но создавать подобие мыслительных образов может и машина — компьютер. Тем не менее, есть нечто, что отличает человека не только от всех других видов живого, но и от любых машин, какие мы только можем себе представить. Это, в первую очередь, не воображение, а свобода воли, свобода

выбора между изначально заложенной и альтернативными программами, свобода перепрограммирования или развития самого себя. Еще одним важнейшим отличием является уникальная способность человека помыслить и нести в себе идею Бога. Именно идея Всевышнего, идея Творца позволяет человеку сознательно творить.

ВОСПИТАНИЕ ДУШИ

Чем выше уровень душевной организации живого существа, тем больше времени требуется на его воспитание и индивидуальную подготовку к самостоятельной жизни. Это есть эмпирический факт, и спорить с этим трудно. Но вопрос о том, когда начинается процесс воспитания, не так однозначен. Одни утверждают, что родители приступают к этому важному делу сразу после рождения малыша. Другие полагают, что воздействовать на дитя можно и нужно уже в период беременности. Есть еще одна точка зрения, исходящая из концепции перевоплощения души, согласно которой новая душа несет на себе отпечаток всех прежних жизней. Другими словами, новорожденное создание приходит в этот мир с уже заложенными душевными качествами, в некотором смысле уже воспитанным. Должен сразу сказать: как и когда величайшее таинство соединения души с телом происходит, я не знаю. Но незнание перестает быть пороком, когда мы осознаем его как исходную точку поиска нового знания. Ведь знать все, во-первых, невозможно, а во-вторых, смертельно скучно. Поэтому в очередной раз начинаю шевелить мозгами или, как говорят философы, спекулировать на данную тему.

Душа и тело

Всем, конечно, знакомо чувство умиления, возникающее при общении с ребенком, щенком, котенком и вообще с любым малышом. Все они, независимо от того, кто их родители — люди или звери, кажутся нам одинаково милыми, чистыми, бесхитростными и беззащитными. Вы также, ско-

рее всего, не станете спорить с тем, что чем старше любой детеныш, тем ниже вероятность обязательного умиления. Ведь подросток тоже чей-то ребенок, но в нем уже все отчетливее проявляются черты взрослого человека или животного — он может уже не только радовать нас своими милыми шалостями и своими успехами, но и больно укусить. Да и в его внешности, прежде всего во взгляде, уже не светится абсолютная безгрешность, но проявляется значительно более разнообразная гамма чувств. Недаром говорится, что глаза — это зеркало души. Понятно, что в процессе взросления меняется не только тело, но и душа. И если мы это понимаем, то должно быть также достаточно ясно и то, что родители и учителя должны уделять внимание и благотворно влиять как на телесное, так и на душевное здоровье юного поколения.

Вы можете сказать: если все так понятно и замечательно, тогда о чем здесь говорить — только зря время терять? На самом деле далеко не все так ясно, как кажется. И самое главное — это то, что до сих пор нет окончательной ясности в вопросе чистоты и греховности души и тела: то ли чистая душа, соединяясь с греховным телом, постепенно теряет свою чистоту, то ли все происходит как раз наоборот? А может быть, тело вообще не может рассматриваться как носитель таких качеств, как чистота или греховность, разве только с точки зрения физической его чистоты или загрязненности? Именно эти вопросы я предлагаю здесь обсудить, т. к. считаю, что они невероятно важны для нашего самоосознания вообще и в контексте воспитания и обучения, особенно на ранних стадиях развития человека в частности.

Думаю, что каждый из нас встречал в своей жизни немало сухих, бесстрастных учителей и бездушных воспитателей, предельно формально относящихся к своему делу. Эти, с позволения сказать, «носители доброго и вечного» общаются со своей аудиторией исключительно через призму классного или группового журнала и видят в своих подопечных лишь безликую аморфную массу. Понятно, что в таких случаях говорить об индивидуальном подходе и уж тем более об отдельной душе не приходится. Как-то одного педагога спросили, что он думает о своей профессии. «Все

прекрасно, — ответил он, — вот если бы еще учеников не было...» Это, конечно, шутка, но, как известно, в каждой шутке есть лишь доля шутки. А теперь попробуем вспомнить, сколько в вашей жизни было учителей действительно с большой буквы, с которыми было жалко расставаться и которых хотелось бы встретить опять, просто поговорить с ними о жизни. Уверен, что таких было не много. Если вы встречали их на своем жизненном пути, считайте, что вам очень повезло. Я говорю не только о специалистах в области педагогики. Практически все мы рано или поздно становимся родителями или руководителями, всем нам так или иначе приходится кого-то учить или воспитывать. Поэтому так важно иметь представление о том, что отличает хорошего педагога от посредственного. Настоящий педагог не только обеспечивает передачу необходимых знаний и умений, но и способствует формированию личности и оказывает серьезное воздействие на душу. Хороший воспитатель всегда подберет особый ключ и к отдельному ученику, и к большому коллективу. Для него очень важно иметь адекватное представление о воспитуемом, чтобы найти единственно верный подход к нему. И это должны быть не только представления о физических и умственных способностях, но и, что, на мой взгляд, особенно важно, представления о внутреннем мире и душевных качествах каждого из его подопечных.

С первых дней своей жизни человек становится объектом воспитания и обучения. С самого начала родители воспринимают его как исходный материал, из которого они могут вылепить нечто по своему образу и подобию. Но, как известно, совсем не всегда это у них получается. И как часто мы слышим: «Ну в кого ты такой удался?» И как часто дети совсем не желают быть похожими на своих пап и мам. Происходит то, что мы называем «сопротивлением материала» — родители желают сделать из своих чад одно, а получается совсем другое. Некоторые из них, понимая, что делают что-то не то, находят в себе силы пересмотреть свои способы воспитания и сменить подход. Другие продолжают действовать привычным путем и заводят ситуацию в тупик — конфликт становится необратимым. И вот здесь появляются прин-

ципально важные, на мой взгляд, вопросы. Действительно ли, приходя в этот мир, мы являемся абсолютно чистым материалом, который приобретает свою форму, полностью поддаваясь воздействию воспитателей? Получаем ли мы в момент рождения нашу душу незапятнанной, как чистый лист бумаги, или душа есть нечто изначально структурированное?

В нашей семье всегда любили животных. Я хорошо помню их всех. Наверное, любовь к животным перешла ко мне от моего деда, ветерана гражданской и Отечественной войн. Он был страстный голубятник, увлекался аквариумными рыбками и вообще разной живностью. У нас никогда не было кошек — только коты. Мне, конечно, особенно запомнились обладатели наиболее ярких характеров. Одного из них звали Тимофей. Более вредного зверюги я в своей жизни не видел. Он попал к нам совсем маленьким беленьким котенком и с первых же дней проявил свой агрессивный нрав. Вся семья вздохнула с облегчением, когда его не стало. Последнего нашего кота звали Пусик. Мой сын принес его с улицы. Это было симпатичное, но не очень чистое, с подозрительным запахом, потрепанное существо. Я полюбил его с первого взгляда. Реакция жены была однозначной: она потребовала вышвырнуть его немедленно вон. Поскольку нас с сыном было двое, кот был принят в семью. Немного заботы и ласки — и наш бродяга превратился в пушистого красавца норвежской породы. Уже через пару дней он стал любимцем моей жены. И надо сказать, что это животное одарило всех нас своим душевным теплом безмерно. Было ощущение, что он понимает все, что ему говорят, и сам разговаривает с нами. Расставание с ним было пережито нами как потеря самого близкого существа. Аналогичную историю можно рассказать о собаках, живших в нашей семье. Их было всего две, и обе попали к нам совсем маленькими щенками. Одна из них была чем-то наподобие нашего кота Пусика, а другая отличалась весьма строптивым и неуживчивым нравом.

Совершенно очевидно, что характер и, я бы сказал, душевные качества этих животных не были приобретены ими

в результате воспитания, но присутствовали в них изначально. У одних преобладало доброе, а у других — злое начало. К аналогичным выводам можно прийти, наблюдая и за детьми в семье. Принято считать, что негативные черты, склонность к дурным поступкам, предрасположенность к совершению преступлений закладывается в процессе воспитания. Считается, что если ребенок рос в благополучной семье, когда есть оба родителя, когда папа не алкоголик и не бьет маму для порядка, когда в семье есть устойчивый материальный достаток, то и дети получают правильные, хорошие. А вот если ребенок сирота, воспитывался в детдоме и т. д., то уж точно — из него нехороший человек выйдет. Надо признать, что зачастую так и случается. Но разве мало мы знаем обратных примеров? Разве не известны случаи, когда дети, выросшие в одной семье, в одних и тех же условиях, тем не менее, разительно отличаются друг от друга? Тут есть над чем призадуматься. Можно, конечно, предположить, что душа здесь ни при чем и все эти качества передаются генетическим путем. Но как тогда объяснить феномен одновременной внешней схожести и внутреннего различия у близнецов? Я предполагаю, что генетически передаются качества, связанные с нашим телом, черты нашей внешности, крепкое здоровье или наследственные заболевания. Все, что касается сферы чувств, того, что мы называем добрым и злым началом, способности любить и воспринимать красоту мира, имеет отношение не столько к физическому телу и рациональному мышлению, сколько к душевной организации и обретается вместе с душой еще до нашего появления на свет.

Существуют разные концепции человека и его души и разные подходы к проблеме взаимоотношения души и тела, и, конечно же, не обойден вниманием вопрос обретения новорожденным своей души. Не думаю, что могу здесь добавить нечто принципиально новое. Меня, как я уже говорил, интересует во всем этом только один аспект, а именно: что собой представляет наша душа на старте — в начале жизненного пути? Я не буду обсуждать здесь вопрос душевной субстанции как некоторого материала, из которого

сотворена душа. Предметом данного рассуждения является соотношение добра и зла в душе, точнее — получаем ли мы нашу душу как нечто девственно чистое, или доброе и злое начала закладываются в душу еще до ее соединения с телом?

Мы пойдем по неверному пути, если попытаемся найти ответы на этот вопрос в современном научном знании. Нет согласия и в сфере религии. Тем не менее, на протяжении многих веков проблематика души и тела была в центре внимания теологов и ученых. Вы, конечно, проявите вполне разумный скептицизм, если спросите меня, являюсь ли я достаточно компетентным в области религиозного знания для того, чтобы проводить такие изыскания. Специального теологического образования у меня нет, но я профессионально занимался историей средневекового искусства и архитектуры и достаточно долго преподавал этот курс. Глубокое изучение искусства прошлых эпох невозможно без знаний истории религии и без общих представлений о специфике различных религиозных доктрин. Мои студенты, выросшие и окончившие школу в Советском Союзе, не имели таких знаний. Да и сам я не был исключением и тоже имел в то время только самые общие представления о религиозных учениях. Поскольку я всегда был очень обстоятельным во всем, что касалось моей профессии, то не мог идти по проторенному пути, пользуясь признанными курсами лекций по истории искусства. Пришлось разработать свой собственный курс, в котором параллельно вводились знания истории христианства и других религий.

В процессе этой работы мне стало совершенно ясно, что изобразительное искусство, которое долгое время было исключительно религиозным искусством, выступало как универсальный язык прошлых эпох. В древности мало кто умел читать — представления о мироздании верующие получали, разглядывая росписи, иконы и скульптуры в храмах. Поэтому во все времена и во многих культурах искусство во всей полноте отражало представления людей о Боге, Универсуме, Вселенной и, соответственно, различные концепции взаимосвязи мира небесного и мира земного, взаимоотно-

шения души и тела. Поэтому для того, чтобы разобраться в поставленных вопросах, не обязательно погружаться в философские глубины различных религий. Анализ изображений, оставленных нашими предками, сам по себе дает достаточный материал для размышлений.

Я не собираюсь давать здесь оценку художественных достоинств изобразительного искусства различных религиозных систем. Все они внесли неоценимый вклад в мировую культуру. Тем не менее, если мы внимательно присмотримся и сравним изображения, принадлежащие разным религиям, то вскоре убедимся, что каждая из них имеет свой подход к пониманию души и тела. В одних аспектах эти подходы в чем-то сходны, а в других — совершенно противоположны и непримиримы друг к другу. В последующем рассуждении я предельно упрощаю содержание религиозных концепций и картин мира, но делаю это с двойной целью — во-первых, чтобы заострить внимание на их специфических отличиях в отношении к проблеме взаимоотношения души и тела и, во-вторых, чтобы избавить читателя от чрезмерного объема информации.

Христианство наиболее резко противопоставляет мир земной и мир небесный, мир дольний и мир горний. На протяжении многих столетий проводилась мысль о том, что земное, физическое, телесное есть источник греха, а небо — источник божественной благодати. Для того чтобы осознать это, достаточно взглянуть на аскетически строгие, закутанные в непроницаемые одеяния персонажи христианской иконописи. Если иконописец сталкивался с необходимостью изображения обнаженной плоти, например во многочисленных сценах распятия или жития святых мучеников, то делалось все, чтобы подчеркнуть не земную красоту человеческого тела, а ее греховность. Как известно, христианская традиция, отрицая перевоплощение души и отводя только один срок пребыванию человека в мире физическом, исходит из того, что душа дается человеку в момент его рождения как совершенно чистое поле, изначально заряженное энергией добра. Можно часто услышать выражение «чист душой, как ребенок». Считается, что добрый и светлый облик ребен-

ка отражает безгрешность его души. Поэтому ангелы в христианской иконографии, особенно католической, зачастую изображаются в виде непорочных детей. В процессе жизни человека за эту изначально чистую душу идет постоянная борьба сил добра и зла. Тело же человека полагается изначально греховным. Отсюда выражение «греховная плоть» и отношение к женщине как к существу изначально греховному. И отсюда же идея христианского аскетизма и концепция обретения святости через умерщвление плоти, гонения религиозных фанатиков на все, что так или иначе связано с проявлением телесности, а значит, и греховности. Вот высказывание одного средневекового монаха, которое приводит Хейзинга в своей «Осени средневековья»: «Телесная красота заключается всего-навсего в коже. Ибо если бы мы увидели то, что под нею (...) уже от одного взгляда на женщину нас бы тошнило. Привлекательность ее составляется из слизи и крови, из влаги и желчи. Попробуйте толь-

ко помыслить о том, что находится в глубине ее ноздрей, гортани и чреве: одни нечистоты. И как не станем мы касаться слизи и экскрементов, то неужто может возникнуть желание заключить в объятия сие вместилище нечистот и отбросов?» (38, с. 152). Можно сказать, что вся история христианства проходит под флагом борьбы с отягощающей душу материальностью, с плотскими радостями и с плотью-телом как таковым. Но, несмотря на это, а может быть, благодаря этому, именно в христианской иконописи, причем на более ранних этапах (до эпохи Возрождения), мы находим наиболее проникновенные образы, вызывающие восторг и заставляющие трепетать наши души. Объясняется это тем, что здесь на первый план выходит не красота окружающего нас материального мира, но красота мира божественного, красота души.

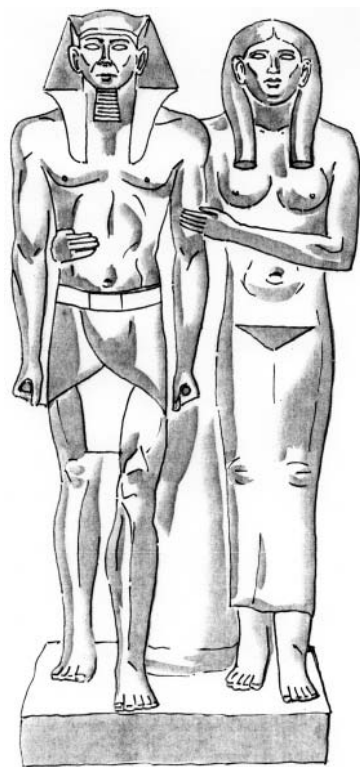
Иной взгляд мы находим в религиях, утверждающих перевоплощение души как один из основных принципов бытия. Согласно этой концепции человек, появляясь на свет, получает душу, которая прошла в своем предыдущем развитии уже несколько циклов перевоплощения и поэтому несет на себе отпечаток прежних жизней. Главное отличие от христианской концепции заключается в том, что новорожденный получает свою душу не как девственно чистый материал, но как нечто изначально структурированное. В этом случае душа при своем появлении на свет сохраняет опыт прежних жизней и входит в тело, неся в себе определенное соотношение доброго и злого начал. Надо признать, что такое понимание, в отличие от христианского, позволяет объяснить, почему близнецы, рожденные и воспитанные в одной и той же семье, получившие одинаковое воспитание, тем не менее, могут оказаться совершенно разными людьми.

Вспомните теперь, как изображается человеческое тело в искусстве Древней Индии, где мы находим полную противоположность христианским канонам. Здесь полные жизни, как бы пребывающие в непрерывном танце персонажи привлекают взгляд плотской красотой и эротической грацией. Если в христианстве тело — это, прежде всего, греховность, то в «кармических» религиозных учениях тело — это

дар Божий. Нет жесткой границы между небесным градом и градом земным. Все переплетено и все взаимосвязано. Все находится в постоянной борьбе противоположных начал, сил света и тьмы, добра и зла. Тело здесь уже не источник греха, но творение Божье и в силу этого само по себе является объектом почитания и восхищения. В статье «Происхождение зла» Елена Блаватская отмечает, что учение Будды показывает, что зло присуще не материи, которая вечна, а иллюзиям, которые созданы ею (7, с. 92). Тело есть чистая форма, временное вместилище вечной души, и как чистая форма, как всякая форма, сотворенная Богом, само по себе прекрасно. И только душа может рассматриваться как источник добра и зла.

Подобное отношение к изображению человеческого тела мы находим и в Древнем Египте. Несмотря на то, что представления египтян об устройстве мира вообще и об отношении души и тела в частности существенно отличаются от индуизма, буддизма и других религий Востока, египетские мастера бережно, я бы сказал со священным трепетом, относятся к красоте человеческого тела. Вглядываясь в фигуры, нарисованные или изваянные за несколько тысячелетий до нашей эры, ощущаешь теплоту, завораживающую грациозность мягких изгибов и явно выраженное женское начало, проступающее зачастую даже в мужских фигурах. Очевид-

но, что Египет воспринимал телесную красоту как нечто неотъемлемое от божественной соразмерности и гармонии.

В чем же причина того, что, несмотря на серьезные отличия представлений о мироздании, в культурах Древнего Египта и Древней Индии мы видим очень много общего в изображении человеческого тела? И почему средневековое христианство демонстрирует принципиально другой подход? Я связываю это с тем, что в отличие от христианства Индия и Египет верили, хотя и по-разному, в перевоплощение души и в принципиальную безгрешность тела. Напомню, что официально христианство осудило веру в предсуществование и перевоплощение души только в 553 году на Пятом Вселенском Константинопольском Соборе.

В индуизме и буддизме душа несет на себе карму — как бы некоторое соотношение добра и зла, приобретенное в прежних жизнях и определяющее степень ее греховности. В каждом новом земном воплощении душа соединяется с новым

телом, дающим возможность существования в физическом мире и умирающим каждый раз с окончанием срока земной жизни. При этом тело сотворено из того же материала, что и весь окружающий мир, — оно есть лишь вместилище души, изначально безгрешная и, следовательно, прекрасная форма. Поэтому когда человек умирал, тело его сжигали, т. е. давали ему возможность наиболее полно слиться с окружающим его материальным миром.

Интересную трактовку древнеегипетской религии мы находим в «Тайне трех. Египет — Вавилон» Д. Мережковского. Древние египтяне считали, что душа человека не может войти в новое физическое тело и снова родиться, потому что тело есть проекция личности, оно так же неповторимо, как личность. Одна личность — одно рождение, одна смерть. Но после своей смерти человек может быть всем, чем захочет, — светилом, человеком, богом, животным, растением (не в земной жизни, а в загробном мире. — А. Я.) Душа человека не рождается в новом теле, а только проходит сквозь него. Тем не менее, египтяне верили, что этот и тот мир, земля и небо являются как бы зеркальными проекциями друг друга (11) и что связь души с телом не прекращается после окончания земной жизни и душа после всех превращений возвращается к своему телу (22, с. 276—278). Этим во многом объясняется то огромное внимание, которое они уделяли мумифицированию тел умерших (и не только людей, но и животных), подготавливая их к другой жизни. Судя по тому, как свободно они обращались с телом в процессе мумификации, тело также рассматривалось ими, прежде всего, как физическая форма, сама по себе безгрешная, как сосуд, необходимый для существования души как в этой, так и в загробной жизни. Поэтому тело в древнеегипетском искусстве изображается всегда прекрасным независимо от того, в каком из миров оно пребывает в данный момент. В христианстве же тело всегда изначально греховно, что и наложило свой отпечаток на христианскую иконографию. Особенно четко это прослеживается в средневековой иконописи, где плоть так же, как и в Древнем Египте, изображается одинаково и в земной, и в загробной жизни, но при

этом проявляется абсолютно противоположное отношение к ней — даже в картинах мира дольного тело предстает перед нами отнюдь не прекрасным и полным жизни, а как бы уже мертвым.¹

Восточная трактовка (я здесь объединяю Египет и Индию) наиболее приемлема для меня. В соответствии с ней, в момент рождения безгрешным является не душа, а тело. Душа, входя в тело, как бы завладевает им и накладывает на него свой отпечаток. Поэтому на самых ранних фазах жизни все дети, все детеныши животных кажутся нам одинаково чистыми, безгрешными, добрыми. Но постепенно облик их меняется. Прежде всего, это проявляется во взгляде, мимике, выражении лица в целом. В большинстве случаев по внешнему виду человека можно определить и его душевные качества. И чем старше человек, тем легче это сделать. Это происходит потому, что по мере взросления индивида тело все более осваивается душой и все яснее его внутренне содержание отпечатывается на его внешней форме.

Отношение души и тела в их соотношении с пониманием природы добра и зла является одним из ключевых моментов, определяющих сущность той или иной культуры в целом. Эти представления во многом формируют идеологию и морально-этические устои народа, культуры, цивилизации. Ясное понимание их природы принципиально важно именно в контексте воспитания — как процесса формирования необходимых душевных качеств.

¹ Предвижу здесь обвинения в непонимании сути христианской иконографии. Должен сказать, что сам являюсь почитателем христианского искусства, особенно средневекового, главная сила которого заключается не столько в его прекрасной форме, сколько в удивительной духовности. Более того, с изменением отношения к изображению физического мира, с переходом от символичности к реалистичности, от обратной перспективы к прямой, к объемности изображения человеческого тела, христианское искусство, с моей точки зрения, в значительной мере утрачивает свою истинную красоту и духовную мощь. В данном случае, рассматривая искусство христианства в сравнении с искусством других религий, я акцентирую внимание только на одном аспекте — отражении в иконографии отношения христианства к проблеме души и тела с точки зрения их чистоты и греховности.

Воспитание человека и животного. Принципиальные отличия

Мало кто сомневается в том, что такие качества, как доброта или злобность, мягкость или черствость, открытость ко всему прекрасному или принципиальное неприятие его, т. е. то, что обычно относят к душевным качествам, приобретаются на самой ранней стадии нашей жизни. Безусловно, нечто закладывается на генетическом уровне. Вполне возможно, что определенные душевные качества транслируются из прежних жизней. Тем не менее, огромное значение имеет отношение родителей к воспитанию своих чад. Позитивная энергетика родительской любви и заботы или, наоборот, негативная энергетика при нехватке или полном отсутствии таковых не могут не сказаться на формировании молодой души.

Не надо обладать особой проницательностью, чтобы увидеть это как в дикой природе, так и наблюдая отношения домашних животных к своим детенышам. Посмотрите только, с какой любовью кошка или собака вылизывает своих котят или щенят, сколько беспокойства они проявляют в случае угрозы их семейству и сколько ответной ласки они получают от своих детенышей. Понаблюдайте за трогательными картинами отношения китов или дельфинов к своему потомству. Можете ли вы увидеть нечто подобное, наблюдая за жизнью рыб или пресмыкающихся? Конечно, такие примеры привести можно. Тем не менее, я никому не посоветовал бы приближаться к самке с детенышами, независимо от того, к какому классу зверей они принадлежат. Недавно в телепередаче о жизни диких животных я увидел, как крокодилица своими ужасными зубищами умудряется достаточно мягко захватывать своих крохотных крокодильчиков, перетаскивая их в более безопасное место. Это было удивительное и трогательное зрелище. И все же вы не можете не заметить огромной разницы во взаимоотношении родителей и детенышей у млекопитающих и всех остальных представителей животного мира. Тип и характер взаимоотношений родителей и детей в процессе воспитания

определяются местом, занимаемым тем или иным видом живых существ в иерархической структуре жизни. Чем более высокий уровень занимает то или иное существо в этой иерархии, чем выше его душевный потенциал и сложнее его душевная организация, тем меньше у него детенышей. В царстве зверей существует обратно пропорциональная зависимость между количеством потомства и степенью привязанности к нему; чем меньше детенышей у самки, тем больше внимания уделяется их воспитанию и тем более оно индивидуализированно.

Мы часто употребляем термин «высокоорганизованное животное», но не всегда осознаем, какое содержание за ним скрывается. Ведь если сравнивать отдельных представителей фауны исключительно с материалистической точки зрения, то не понятно, кто из них совершеннее или организованнее — кошка, ворона, акула или пчела. Если мы сравниваем умственные способности, всем известно, что ворон является символом мудрости. Если мы говорим о физическом совершенстве, то известно, что акула или насекомые являются более древними существами, чем млекопитающие. Они обладают высокой степенью адаптации к изменениям окружающей среды, а значит, и высокой степенью физического совершенства. Если речь идет о социальной организации (организации сообщества животных, относящихся к тому или иному виду), то все знают, что наиболее сложной и устойчивой ее формой обладают пчелы или муравьи. В то же время считается, что наиболее высокоорганизованными существами являются млекопитающие. Возникает естественный вопрос: почему? С моей точки зрения, есть только один ответ на этот непростой вопрос: **млекопитающие являются наиболее высокоорганизованными только потому, что обладают наиболее высокой степенью личной свободы и душевной организации.** В свою очередь, эта высокая степень во многом определяется наиболее индивидуализированным отношением и количеством позитивной душевной энергии, получаемым детенышами в процессе воспитания.

Важно разобраться в том, какие существенные различия позволяют утверждать, что человек есть самое высокоорганизованное существо, во всяком случае, на нашей планете. Если эти различия имеют всего лишь количественный характер, тогда есть все основания поддержать концепцию происхождения человека от обезьяны. Честно говоря, такая перспектива меня почему-то не устраивает. Но доказать, хотя бы самому себе, что человек есть совершенно уникальное произведение Творца, генезис которого принципиально не продолжает линию эволюции животного мира, можно, только обнаружив качественные отличия между человеком и животным.

Все, конечно, знают, какое важное значение имеет воспитательный процесс в подготовке человека к самостоятельной жизни и обретении наших с вами душевных качеств, но не все подходят к этому как к сознательному процессу формирования души ребенка. Вряд ли животные могут как-то размышлять о методах и подходах к воспитанию и тем более задумываться о становлении и развитии своей души. И это нормально. Но то, что мы зачастую игнорируем этот важнейший аспект, — это уже ненормально. Я бы сказал — это даже страшно. При этом люди как бы уподобляются животным, которые ничего не знают о душе, а просто имеют ее. **Но человек на то и человек, чтобы не просто иметь душу, но и знать об этом, не просто из поколения в поколение бессмысленно воспроизводить один и тот же тип душевной организации, но совершенствовать ее и размышлять над тем, как он это делает.** Важно различать обучение, как процесс передачи и усвоения знаний, и воспитание, как передачу уже совершенно других вещей, — я бы сказал, передачу типов отношений и форм поведения, принятых в данном сообществе или социальной группе. Все это передается не в виде книжных знаний или практических умений, но, прежде всего, в процессе непосредственного общения. Если в процессе обучения задействуются в основном наши мыслительные возможности и закладываются способности к определенным видам деятельности, то в процессе воспитания

формируются, прежде всего, способности чувствовать, сочувствовать и сопереживать, т. е. наши душевные качества: отношение к родителям, другим себе подобным и вообще к миру, доброта или злобность, отношение к красоте, способность любить и ненавидеть и т. п.

Понятно, что у животных различить обучение и воспитание практически невозможно. Здесь все происходит в неразрывном единстве, когда детеныши как бы снимают кальку или точную копию всех проявлений жизненной активности своих родителей. У людей дело обстоит совсем по-другому: обучение и воспитание выступают как относительно обособленные формы подготовки. Вполне можно представить обучение без воспитания и соответственно воспитание без обучения. Это, конечно, идеализация, но вполне допустимая. Я не буду рассматривать здесь конкретные ситуации. Отмечу только, что важно каждый раз удерживать оптимальную пропорцию того и другого. Исключение воспитания из процесса подготовки может привести к воспроизводству бездушных деятелей — механических функционеров, а примат воспитания в ущерб обучению — к продуцированию индивидов, не способных к какому-либо виду общественно полезной деятельности. Здесь важно подчеркнуть, что поскольку у животных обучение-воспитание происходит всегда в процессе непосредственного общения взрослых особей и их детенышей, то передача душевной энергии осуществляется всегда. А вот у нас с вами подготовка молодого поколения может осуществляться не только без участия родителей, но и вообще без присутствия живого учителя-воспитателя, которого сегодня вполне может заменить компьютер. Мало кто знает, что в 20-е годы прошлого века в Советском Союзе всерьез обсуждались концепции полного обобществления функций обучения и воспитания детей. Предполагалось, что это будет способствовать формированию морального облика и качеств, необходимых будущим строителям коммунизма. В угаре социального эксперимента архитекторам был дан заказ на проектирование новых типов жилых зданий с учетом того, что нормативная жилая площадь, отводимая отдельной семье, не должна учитывать совместное прожи-

вание детей и родителей. Не знаю, как вам, а мне становится не по себе, когда я представляю возможные последствия широкого распространения подобных форм.

У животных в рамках одного вида воспитательный процесс осуществляется примерно по одной и той же схеме. В самом деле, можете ли вы себе представить кошку, которая с самых первых моментов жизни своих котят проявила бы к ним полное безразличие или отказалась их кормить? Можно ли представить, например, волков или львов, которые не обучают своих волчат или львят навыкам охоты, без которых они просто не смогут выжить в условиях дикой природы? Если можно, то только как редкое исключение. В отличие от животных у нас, людей, можно встретить самые разные формы отношения родителей к своим детям. И совсем не всегда эти формы отличаются в лучшую сторону. Совсем не редки случаи, когда женщины отказываются от своих детей еще в роддоме. И уж вовсе не редкость, когда родители пренебрегают своими обязанностями и зачастую не всегда из-за плохого материального положения. Здесь не место для углубленного обсуждения проблем воспитания подрастающего поколения — не буду отнимать хлеб у многочисленной армии специалистов, педагогов и воспитателей. Важно отметить, что воспитание в мире людей существенно отличается от воспитания в мире фауны. У животных отношения взрослых к своим детенышам предопределены «типовыми», или «стандартными», формами. **Эти формы изначально запрограммированы и практически не изменяются из поколения в поколение.** Уверен, динозавры относились к своим чадам с не меньшей любовью и вниманием, чем современные крокодилы. Существенно отличная картина наблюдается в человеческом обществе. Хотя наша жизнь также запрограммирована особым образом, мы обладаем значительно более высокой степенью свободы воли по сравнению с животными. Это позволяет людям самим определять характер отношения родителей к детям, в частности к процессу их воспитания. И в ряде случаев это приводит к очень нехорошим последствиям. Я не знаю, в каких единицах можно точно измерить качество воспитания. Да и нуж-

ны ли нам эти точные измерения? Тем не менее, я убежден, что это качество прямо пропорционально тому количеству душевного тепла и душевной энергии, которое любое живое существо получает в процессе воспитания.

Особенно большое значение имеет та любовь и забота, которые наша душа получает от своих родителей и близких на самых ранних этапах своего развития. Я не буду утомлять вас многочисленными наблюдениями, сделанными на протяжении всей моей сознательной жизни. Скажу только о себе, хотя знаю, что говорить хорошо о себе самом не считается признаком хорошего тона. Не является секретом, что, как правило, мы имеем несколько преувеличенное мнение о себе. Мы видим себя не всегда такими, какими на самом деле являемся, а такими, какими бы мы хотели себя видеть. В принципе ничего плохого в этом нет, но, как известно, самооценка может быть далеко не всегда объективной. Поэтому критерием, который мы можем использовать, если действительно хотим получить представление о своей личности, является отношение к нам других людей: в семье, на работе, в магазине, на улице и т. д. В большинстве случаев это отношение ко мне весьма положительное. Как правило, моим друзьям мое общество доставляет удовольствие, я почти всегда находил общий язык с моими студентами и коллегами по работе, ко мне хорошо относятся продавщицы в магазинах и женщины вообще (что очень даже немаловажно), соседи и т. д., и даже животные. Если не верите, спросите тех, кто имеет счастье (или несчастье?) быть со мной знакомым. Объяснить это можно тем, что в свое время мои родители дали мне такой мощный заряд позитивной душевной энергии, что мне хватит его до конца дней, а может быть, и дольше. К сожалению, моих родителей уже нет в живых. Но для меня они не ушли в небытие. Я ощущаю их присутствие во мне — они есть неотъемлемая часть моей души. И я бесконечно благодарен им за то море любви и добра, которым они согрели и осветили всю мою жизнь. Доставшиеся в детстве любовь, забота и внимание как бы открывают врата души любого живого существа к восприятию добра и красоты

окружающего нас мира. В свою очередь через эти же врата позитивная душевная энергия излучается в этот мир, согревая наших детей, друзей и все живое, что попадает в сферу ее воздействия. Души, недополучившие в свое время необходимое количество душевного тепла, как бы закрываются для доброй энергии. Они становятся малозащищенными от воздействия негативной энергии злых сил и начинают работать как накопители и излучатели негативной, я бы сказал черной, энергии.

Прежде чем поставить точку, еще раз подчеркну принципиальное отличие в отношении зверей и людей к воспитанию подрастающего поколения и особую роль души в этом процессе. Из всего сказанного важно выделить две основные мысли:

— в мире животных характер и формы взаимоотношения взрослых особей и детенышей предопределены изначально и практически не изменяются в процессе эволюции определенного вида животных. При этом количество душевного тепла или душевной энергии, будучи изначально тщательно дозированным, как бы распределяется между всеми воспитуемыми поровну. Именно эта **норма душевной энергии**, получаемой детенышами от своих родителей, является важной характеристикой уровня, занимаемого тем или иным видом в иерархии царства зверей;

— в мире людей характер и формы взаимоотношения родителей и детей существенно изменяются в ходе исторического развития общества; обладая качественно более высоким уровнем свободы воли, человек сознательно развивает формы и содержание процессов обучения и воспитания своего потомства. Количество душевного тепла, передаваемого родителями своим детям, может быть очень разным. В одних случаях — это целое море любви и доброты, не сравнимое ни с чем подобным в мире животных. В других — количество душевного тепла может быть значительно меньше. К сожалению, в нашем мире это количество может быть сведено к нулю и даже измеряться отрицательной величиной, когда к воспитанию допускаются люди с «черной душой».

Я понимаю, что совсем не все согласятся со мной, но отрицать, что воспитание оказывает серьезное воздействие на формирование души, могут только те, кто не признает самого существования души. Не следует забывать, что воспитание и обучение являются двумя взаимосвязанными сторонами процесса подготовки человека к самостоятельной жизни. Я также понимаю, что это утверждение воспринимается как банальность, но когда я оглядываюсь вокруг, то кажется, что эта истина напрочь забыта. Поэтому хочется еще раз заострить внимание на том, что главной целью воспитания является формирование душевных качеств человека. Недостаточное внимание к проблемам воспитания ведет не только к душевной неполноценности и даже душевному уродству отдельной личности, но и к дегенерации всего общества в целом.

* * *

Завершая раздел «Душа и сознание», я вспоминаю мой разговор с Оксаной, когда я позволил себе не согласиться с ее утверждением о том, что не следует разделять душу и сознание. Я по-прежнему считаю, что их нужно разделять, как две разные вещи, для того чтобы выявить отличия и попытаться понять их природу. В то же время я признаю, что в словах Оксаны присутствовала истина, если она имела в виду, что душа и сознание являются взаимодополняющими сущностями. Они как бы обеспечивают взаимный контроль и уравнивают друг друга. В этом смысле разделять их не только не нужно, но и крайне опасно. Сознание, как механизм, отвечающий за логичное, рациональное мышление, контролирует и сдерживает душевные порывы. Душа, в свою очередь, не позволяет человеку превратиться в холодное, расчетливое существо, полностью свободное от таких чувств, как доброта, благородство, милосердие, жалость. Именно душа наполняет мир любовью и дает надежду, что ничем не ограниченная рациональность не подведет мир к краю гибели. В то же время человек, который во всех жизненных ситуациях руководствуется исключительно велениями своей души, может быть так же опасен для общества, как и бездушный

рационалист, выверяющий свои поступки соображениями холодной логики. Существует еще один механизм, назначением которого является соотнесение велений души и директив сознания. Этим механизмом является совесть, которая может быть представлена как ристалище, на котором сила чувства сталкивается с силой мысли. Понятие совести требует специального обсуждения, которое выходит за рамки данного раздела. Отмечу только, что именно совесть является мостом, связывающим человека не с какой-либо одной ипостасью (Логосом или Мировой душой), а с Богом в целом.

ГЛАВА 4 ТВОРЧЕСТВО

ЧТО ТАКОЕ ТВОРЧЕСТВО?

«Ветер творчества». Лирическое, но важное отступление

Бывают дни, когда с самого утра что-то гнетет тебя, как бы тяжкий груз давит на сердце, на душе беспокойно. Все вокруг кажется серым и хмурым. Делать ничего не хочется. И нет никакой видимой причины, объясняющей это тяжкое состояние. Я знаю, как с этим можно бороться. Надо попытаться понять, есть ли действительные причины для тревоги. И если их нет, я начинаю что-то делать. Неважно что, важно не поддаваться и занять себя чем-то. Неважно чем — важно что-то делать.

Но случаются дни, когда, опять же по непонятной причине, ощущаешь невероятный прилив энергии и бодрости духа — еще чуть-чуть, и воспаришь над землей. Так было и в это утро. Я, как обычно, шел на работу. Погода была — лучше не бывает. Солнце светит, птички поют, дует легкий ветерок и т. д. Хотелось улыбаться встречным. Хотелось петь, и я пел, пел любые мелодии — все, что приходило в голову. Можно сказать, что душа пела и рвалась наружу. И тут я почувствовал, что это и есть момент творчества и грех будет его упустить. Я перестал вспоминать мелодии и переключился на свои мысли. В метро вместо обычного утреннего чтения английской беллетристики я стал перечитывать свои заметки к одной из глав этой книги. И за считанные минуты мне пришли в голову интересные мысли, и выстроился план переделки текста, что не удавалось сделать последние несколько месяцев. Мысли приходили легко, без особого напряжения, как бы сами собой. Они текли потоком, и этот поток было трудно остановить. Придя на работу, я сразу принялся записывать все, что мне пришло на ум. Очень быст-

ро я получил наброски вполне стройного текста, и глава получила свое логическое завершение.

Вывод: ловите «ветер» творчества, и успех вам будет обеспечен.

Творчество — иллюзия или реальность

«Суета сует, — сказал Екклесиаст, — суета сует, — все суета! Что пользы человеку от всех трудов, которыми трудится он под солнцем?» Вчитываюсь в это высказывание древнего мудреца и физически ощущаю, как некая тяжесть пригибает меня к земле. Читаю еще: «... Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем...». Читаю и испытываю действительно «томление духа», обволакивающее меня непроницаемым покрывалом скуки, тяжелой безысходности и никчемности своего существования. И уж совсем добивает меня Екклесиаст, утверждая, что «...во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь». Конечно, текст Екклесиаста не исчерпывается однозначным его прочтением и подготовленному читателю дает мощный импульс для глубоких размышлений. Но сколько таких подготовленных вы знаете в своем окружении? Для основной массы содержание этого источника древней мудрости исчерпывается вышеприведенными цитатами и является не столько побуждающим к творческой активности началом, сколько оправданием бездеятельности и прозябания в невежестве. Действительно, чего суетиться, когда «все идет в одно место; все произошло из праха и все возвратится в прах», зачем потеть, получая новые знания, если это ведет лишь к «умножению скорби»?

Не могу принять для себя такую общепринятую трактовку этого текста. В ней не только отрицается целесообразность развития рода человеческого и существования Вселенной вообще, но и, по сути, отказывается в наличии творческого начала самому Богу-Творцу. Да, я часто убеждаюсь, что многие мои открытия когда-то были уже сделаны, многие мои мысли были кем-то прочитаны столетия или тысячелетия назад. Ну и что? Означает ли это, что я погряз в ненужной суете и все мои поиски лишь для того, чтобы потешить собственное

самолюбие? Нет, нет и нет! Ведь прежде всего я развиваю самого себя, формирую свою душу и самоутверждаюсь как человек духовный. Пытаясь проникнуть в тайны Творения и тайны бытия, я чувствую, как изменяюсь сам, и жизнь моя наполняется новым, неведомым ранее смыслом и светом. И в этом смысле это совсем не есть бессмысленная суета и иллюзия развития, но действительное продвижение на пути познания самого себя и познания Бога. И только в этом смысле творчество есть не иллюзия, а реальность. Именно в таком понимании творчество и есть та отличительная особенность, которая выделяет человека и ставит его на высший уровень в иерархии всего живого и одушевленного во Вселенной.

Творчество — всегда преодоление самого себя

Бог — один, но путей к нему — множество.

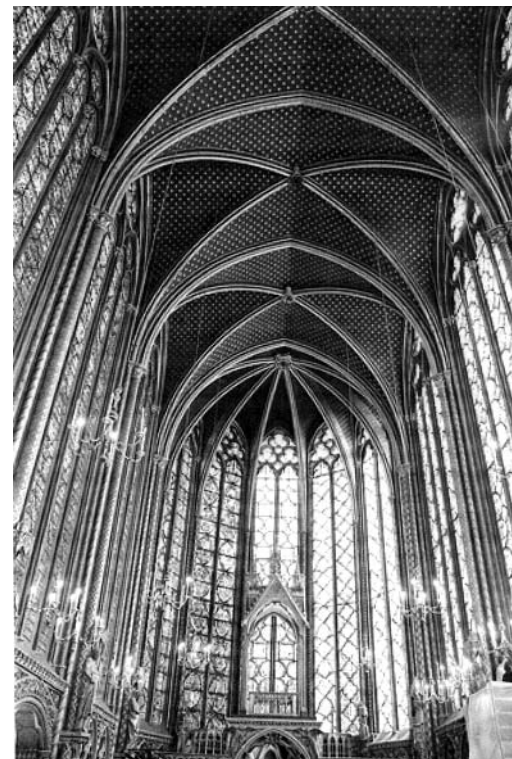
Понятие «путь», как путь к Богу, в том или ином виде присутствует во всех религиях и во всех эзотерических учениях. Но как мы понимаем его и, что особенно важно, как мы представляем себе движение по этому пути? Думаю, не будет преувеличением сказать, что мало кто задумывается над этими вопросами. В лучшем случае под этим путем мы понимаем земную жизнь человека от рождения до смерти и идем по нему так, как шли наши родители и родители наших родителей. Ведь наши не очень далекие предки в большинстве своем, даже несмотря на их религиозность, также не особенно утруждали себя такого рода рассуждениями. Они просто следовали установленному порядку. И чего тут философствовать, в самом деле? Ведь больше жизни не проживешь. В современном христианстве также присутствует учение о пути верующего. Согласно этому учению «человек стоит на перепутье: один путь ведет к духовному граду Господа, вышнему Иерусалиму или Сиону, другой путь — к граду Антихриста» (15, т. 2, с. 63). Но в христианстве это всегда путь от рождения человека до его смерти, т. е. ограниченный пределами одной жизни. Но есть и другое понимание пути, понимание его как постоянного духовного совершенствования, пути исправления и преодоления себя, выходящего далеко за временные пределы одной жизни.

Наиболее четко такое понимание пути представлено в буддизме, где даны не только идеалы, которым Человек должен следовать всю свою жизнь, но и разработаны специальные практики, позволяющие реально продвигаться по пути к Высшему свету — абсолютному знанию. Путь здесь не ограничен временем одной жизни. Человек проходит столько жизненных циклов, сколько необходимо для полного его очищения от грехов. Существует точка зрения, что подобное представление было присуще и раннему христианству, однако впоследствии оно было сознательно изжито, что изменило саму сущность этой религии. Острое ощущение отсутствия чего-то принципиально важного, духовной тесноты православия мы находим у великих русских писателей. И. Бунин задавался вопросом: «Рождение! Что это такое? Рождение! Мое рождение никак не есть мое начало. Мое начало и в той (совершенно непостижимой для меня) тьме, в которой я был зачат до рождения, и в моем отце, в матери, в дедах, прадедах, ибо ведь они тоже я, только в несколько иной форме, из которой весьма многое повторилось во мне почти тождественно. «Я помню, что когда-то, мириады лет тому назад, я был козленком». И я сам испытал подобное (как раз в стране того, кто сказал это, в индийских тропиках): испытал ужас ощущения, что я уже был когда-то тут, в этом райском тепле», и дальше: «Я всю жизнь живу под знаком смерти — все-таки всю жизнь чувствую, будто я никогда не умру» (10, с. 355—357). Л. Толстой был предан анафеме за его неортодоксальную трактовку христианства. Он утверждал, что «Христос противопоставляет личной жизни не загробную жизнь, а жизнь общую, связанную с жизнью настоящей, прошедшей и будущей всего человечества, жизнь сына человеческого». Толстой считал, что христианская церковь исходит из искаженной трактовки истинного учения Христа. Он отрицал, что человека после этой мирской жизни, пережитой для исполнения его личной воли, все-таки ожидает вечная жизнь и вечное блаженство в раю, а за дурные дела человек будет награжден вечными муками. Думать так — значит не содействовать пониманию учения Христа, а напротив, лишать это учение главной его основы (31, с. 263).

Представление «путь к Богу» связано с представлением о Боге как о Высшем свете. Приближение к этому свету озна-

чает постижение Абсолюта или истинного знания. Именно поэтому в иконографии изображения Творца и представителей разных уровней божественной иерархии — архангелов, ангелов и т. п., как правило, озарены сиянием. Бог предстает перед Моисеем на горе Синай в виде света — неопалимой купины. Также и появление ангелов в многочисленных описаниях сего события и в художественных его изображениях сопровождается вспышкой света или сиянием. Неслучайно, наверное, многие люди, пережившие состояние клинической смерти, вспоминая свои переживания, почти всегда рассказывают о своем движении к яркому источнику света. Аллегория света как божественного знания мы находим, в том числе, и в основе концепции готики. Идея эта была разработана еще раннехристианским философом Псевдо-Дионисием Ареопагитом в V веке. Объясняя красоту вещей

духовного свойства, он возводит их к свету: «разум есть свет; светоносным сиянием являются знания, наука, художества, и дух наш освещается лучами их ясности» (38, с. 302). В XII веке эта мысль была четко выражена одним из отцов готики аббатом Сугерием (XII в.), которого также называют организатором готического переворота. Будучи последователем неоплатонической философии, Сугерий проповедовал идею переживания степеней света как пути познания Абсолюта и развил представление об иерархии света, предопределившее, в частности, специфику архитектуры готических соборов. «Наш разум может подняться до того, что не материально, — писал Дионисий, — только под физическим руководством того, что материально». Бог — творец света, все видимые вещи — материальные источники света, ступеньки на пути к небесам. Чем ближе к Богу, тем выше степень света.

Трансцендентная причина гармонии сияния — Бог. Таким образом, происходит восхождение от материального мира к нематериальному.

Здесь возникает много вопросов. Что значит подняться на следующую ступень или перейти на более высокий уровень света? Что нужно делать для этого? По сути, ответ был уже дан — путь постижения Абсолюта всегда лежит через получение нового знания. Но о каком знании идет речь? Продвигает ли нас на этом пути любое новое знание или речь идет о чем-то особенном? Как измерить количество знания, необходимое для этого? Обязательно ли случится такой переход, как следствие простого умножения знания? Нет, совсем не обязательно. Уверен, что механический процесс накопления знаний не приведет к желаемому результату. Есть очень точная и мудрая поговорка: многознание ума не прибавляет. В самом деле, много ли труда нужно затратить, чтобы получить новое знание? Возьми с полки энциклопедию и бери оттуда все, что душе угодно. А в наше время всеобщей компьютеризации даже и этого делать не нужно. Нажал на клавишу, вышел в Интернет, и вот оно тебе — новое знание в готовом виде. Продвижение по пути к Богу или постижение Абсолюта, наверное, предполагает несколько иной подход к получению знания. Речь здесь должна идти не просто о знании, которым лично вы до сих пор не обладали. Можно допустить, что такое знание было кем-то получено ранее; как говорится, все новое — это хорошо забытое старое. Вот только взять его в готовом виде никак невозможно. Мы, конечно, можем получить информацию о таком знании из чьих-то уст или из литературы. Но получить информацию о знании еще не означает понять это знание. И здесь опять есть очень точная поговорка: слышал звон, да не знает, где он. С моей точки зрения, наиболее верный путь получения истинного знания и его действительного понимания — это самому создать такое знание.

Но кто в принципе может создавать новое знание? В обыденном сознании это является делом избранных — ученых, писателей, философов? Что же тогда получается — продвижение по пути знания, по пути света, познание Бога является прерогативой только относительно небольшого круга избранных? И как же тогда быть со всем остальным чело-

вечеством — ведь Христос пришел, чтобы спасти каждую отдельную душу? Вопрос очень серьезный.

Я вспоминаю прочитанный много лет назад рассказ Акутагавы, где автор повествует о судьбе очень плохого человека, который однажды абсолютно бескорыстно совершил добрый поступок и тем самым спас свою душу и попал в рай. Тогда меня этот рассказ возмутил кажущейся несправедливостью такого финала. Но только сейчас, когда я пишу эти строки, я понял, какую мысль хотел донести Акутагава: не тот святой, кто не грешит, а тот, кто кается. И дело здесь совсем не в соотношении количества добра и зла. Главным является то, что человек сознательно, совершив нечто доброе, что было не свойственно ему прежнему, тем самым преодолел себя и исправил свою карму. Таким образом, Акутагава говорит, что продвижение к Богу и свое личное спасение доступно каждому. Искоренение любой дурной привычки — употребления наркотиков и алкоголя, курения, хамства, высокомерия, эгоизма и т. п., — является шагом на этом пути. Осмысленный отказ от чего-то дурного в себе всегда есть отрицание себя старого и утверждение себя нового. Человек узнает, что он способен на деяния, которые ранее казались ему совершенно невозможными. Для того чтобы это сделать, сначала нужно признать, что что-то в тебе не так, что есть в тебе нечто дурное, от чего следует освободиться. Уверен, что любой, кому удалось победить дурную привычку или искоренить какую-либо нехорошую черту своего характера, знает, сколько физических усилий требует каждый такой поступок. Таким образом, спасая самого себя, отрицая себя старого и сотворяя себя нового, любой смертный получает новое знание — знание о своих возможностях, новое знание о самом себе. Такое знание никто не может нам преподнести в готовом виде. Только мы сами можем это сделать и тем самым спасти свою душу, возвысить свой дух, а значит, сделать шаг на пути к Богу. Это и есть, на мой взгляд, самая суть истинного творчества. Я бы сказал, что с этой точки зрения **творчество есть, прежде всего, сознательный процесс преодоления самого себя и без этого вообще быть не может.**

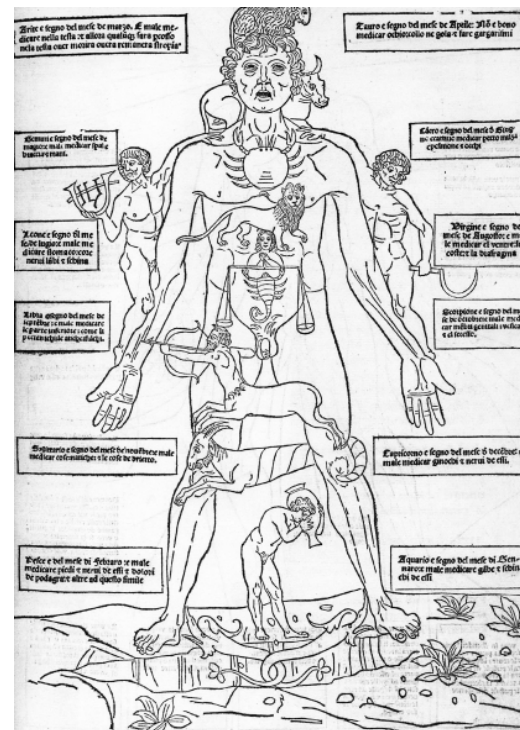
Вы, конечно, можете сказать, что это звучит весьма банально. Такие выражения, как «на крыльях творчества», «творческий порыв», «муки творчества» и т. п., уже давно

стали общим местом, и никто не обращает на них внимания. И это правда. Но ведь обычные люди, или, как их принято называть — обыватели, не относят эти красивые слова к себе, т. к. считают творчество уделом других. Я же хочу здесь особо подчеркнуть, что **путь истинного творчества открыт для всех, что любой человек, независимо от его профессии, положения в обществе, личных обстоятельств, способен реализовать себя как истинно творческая личность.** И наоборот, многие из тех, кто привычно считает себя творческой личностью, возможно, не только никогда не творили, но и вообще не имеют никакого понятия о творчестве. Красиво об этом сказал Д. Андреев: «...всякое творчество, кроме демонического, совершаемого во имя свое и для себя, есть богосотворчество: им человек поднимает себя над собой, **обоживая** и собственное сердце, и сердца других» (2, с. 37).

МАКРОКОСМ И МИКРОКОСМ. ПОДОБЕН ЛИ ЧЕЛОВЕК-ТВОРЕЦ БОГУ?

С тех пор, как я впервые услышал о «макрокосме» и «микрокосме», у меня всегда было волнующее ощущение непроницаемой тайны, скрытой за красивой формой этих слов. Не буду здесь детально излагать все известные мне трактовки этих терминов. Скажу только, что издревле в строении человеческого организма в целом и отдельных его частей пытались увидеть прямую аналогию со строением Вселенной. В своей «Оккультной философии» Агриппа (XV в.) писал, что древние планировали их храмы и другие общественные сооружения в соответствии со строением человеческого тела, так же как и сам Бог, который придал Вселенной симметрию тела человека. В свою очередь, строение и гармония тела человека, созданного по образу и подобию Божьему, определяется гармонией Вселенной. «Микрокосм — не просто малая часть целого, не один из элементов Вселенной, но как бы ее уменьшенная и воспроизводящая ее реплика. Микрокосм мыслился в виде человека, который может быть понят только в рамках параллелизма «малой» и «большой» Вселенной... Плоть человека — из земли, кровь из воды, дыхание из воздуха, а тепло — из огня. Каждая часть чело-

веческого тела соответствует части Вселенной: голова — небесам, грудь — воздуху, живот — морю, ноги — земле, кости соответствуют камням, жилы — ветвям...» (15, т. 2, с. 63). В том или ином виде представления о подобии человека и космоса мы встречаем в самых разных сферах человеческой деятельности: в философии, народных сказаниях и легендах, в алхимии и медицине, в архитектуре и т. д.

Анализ представлений о макрокосме и микрокосме никогда не был специальной темой моих научных изысканий. Тем не менее, поскольку я занимался историей искусства и архитектуры средневековья и Ренессанса, мне часто приходилось сталкиваться с этими терминами. И я, конечно же, пытался понять, что за ними скрывается. Объяснения и трактовки, с которыми у меня была возможность ознакомиться, казались мне поверхностными, не позволяющими

заглянуть за покров тайны. Я говорю здесь не только об известных мне средневековых представлениях, но и о тех сведениях, которые удастся почерпнуть из современных текстов. Как правило, исследователи средневековой культуры пытаются донести до нас и объяснить понимание этого подобия с точки зрения человека той отдаленной эпохи. При этом как бы само собой разумеется, что понятия макрокосма и микрокосма выступают как анахронизм, и дальнейшая их разработка автоматически исключается из круга современных проблем, связанных с познанием мироустройства.

Как я теперь понимаю, мое неудовлетворение известными мне представлениями во многом объяснялось сопоставлением микрокосма и макрокосма и выведением их подобия, прежде всего, как объектов материальных, физических.

Тем не менее, я убежден, что подобие человека и Вселенной объективно существует, но также убежден, что сущность этого подобия не может быть понята только на основе схожести внешней формы. Средневековый религиозный деятель и энциклопедист Исидор Севильский (VI—VII вв.) писал, что мир есть изначально сумма всего, состоящая из небес и тверди, но во втором, мистическом смысле он рассматривается как человек; как мир был образован из четырех элементов, так и человек состоит из четырех нравов (Цит. по «Alchemy & Mysticism»). Согласитесь, что подобие нравов есть уже нечто принципиально иное, чем подобие физических форм. В мистическом плане эти четыре элемента рассматриваются не с точки зрения их физической природы, но как сущности духовные, что позволяет сопоставить их с нравами человека. При этом проблема макрокосма и микрокосма переводится из плана соотношения человека и Вселенной в план подобия человека и Универсума, т. е. по сути соотношения человека и Бога. В этом случае центр тяжести смещается с физического подобия двух не сопоставимых по масштабу материальных тел к проведению параллелей между двумя творениями Божьими, объединенными общей для них духовной субстанцией.

Одну из таких параллелей можно провести исходя из того, что человек является единственным существом, кроме Бога, способным творить. Этим, безусловно, не исчерпыва-

ется проблема подобия человека и Бога, но она переносится в принципиально другой, духовный план рассмотрения. Человек, реализуя данную ему Богом способность творить, заявляет о примате своей духовной природы над природой физической, тем самым утверждая свое подобие Творцу. Именно в этом он наиболее ярко проявляет свое подобие Богу и наиболее полно реализует себя как искру Божью. Поэтому **представление о творчестве как о ядерной сути и Бога и человека** позволяет по-новому взглянуть на проблему соотношения макрокосма и микрокосма, продвинуться в своем понимании сущности Бога-Творца и истинной роли и места человека-творца в этом мире.

Далее я постараюсь обосновать принципиально важную для меня мысль о подобии человека Богу, основываясь на общей для них природе творчества. Для этого необходимо показать, что суть истинного творчества, независимо от его субъекта, т. е. того, кто его осуществляет, одна и та же. Соответственно, и критерии его оценки также должны быть общими. Речь здесь идет не об оценке результатов творческой деятельности, а **о самом творчестве как об особом состоянии духа.**

Очевидно, что, признавая существование высших сил, мы не можем оставаться носителями идеи механической эволюции Вселенной и всего сущего в ней. Уверен, что Творец не может удовлетворяться эволюцией как простым процессом перехода количества в качество. Ведь это было бы смертельно скучно! А творчество скучным быть не может. Если мы верим в то, что все в мире создано в соответствии со словом и по разумению Божьему, то и эволюционные процессы как отдельных особей, так и целых видов, как отдельного человека, так и всего человечества и всей Вселенной тоже им сотворены. Но здесь вы можете возразить: если эволюционные процессы были сознательно запрограммированы, то это значит, что их результаты также были заранее предопределены. В этом случае, скажете вы, Бог, создав Вселенную, как бы обрек себя на вечное созерцание процессов с уже известным финалом. И тогда прав был Екклесиаст — нет здесь никакого творчества, только иллюзия и суета сует. Все было создано Богом, и все должно к нему вернуться. В этом

смысле результат был предопределен изначально. Если бы я согласился с этим, то вынужден был бы признать, во-первых, конечность Бога, а во-вторых, отсутствие у него постоянного творческого начала. Это означало бы для меня полную капитуляцию перед обывательской трактовкой Екклесиаста, утрату моей веры и признание абсолютной бессмысленности существования.

Никто, я думаю, не будет оспаривать того, что Бог является Творцом всего сущего. Но он не есть творец, создавший мир однажды и почивший на лаврах. Творец по самой своей сути есть тот, кто созидает всегда и непрерывно. Бог является Абсолютом не только потому, что он владеет истинным или абсолютным знанием обо всем на свете, о том, что было, есть и будет, но и прежде всего потому, что он является **абсолютом творчества, т. е. постоянно творит сам себя.** Творение Вселенной как материального мира есть только одно из следствий этого процесса. Утверждая это, я признаю, что и для самого Создателя существует нечто неизвестное, не полностью предсказуемое, загадочное. Это значит, что у него всегда есть простор для собственного развития и, следовательно, для творчества. Бог не одержим идеей во что бы то ни стало поразить мир чем-нибудь новым, ранее невиданным. Он идет, прежде всего, по пути развития себя как духа. Если мы признаем, что творчество является главной, я бы сказал, ядерной функцией Творца, мы вынуждены сделать принципиально важный вывод: Бог, **прежде всего, творит сам себя, постоянно отрицает себя прежнего и сознательно воссоздает себя нового.** И в этом смысле он есть **тот, который умирает и возрождается в каждом акте своего творчества.**

Но, как уже отмечалось выше, именно отрицание себя прежнего — умирание, и осознание и утверждение себя нового — возрождение или воскресение — является существенной характеристикой творчества, вне зависимости от масштаба величия творца. Поэтому можно с уверенностью сказать, что природа творческого процесса одинакова и для Бога, и для человека, и вообще для любой жизненной формы, наделенной способностью творить. Понятно, что проблема раскрытия тайны подобию человека и Бога далеко не исчерпывается данным аспектом рассмотрения. Тем не менее,

осмысление ее с точки зрения универсальности природы творчества позволяет понять действительное содержание мысли о том, что человек создан по образу и подобию Божьему, и принципиально по-новому взглянуть на проблему соотношения макрокосма и микрокосма.

СМЕРТЬ И ВОСКРЕСЕНИЕ БОГА — ТАЙНЫЙ КОД ТВОРЧЕСТВА И БЫТИЯ

Зачем нужны мифы?

Ощущение того, что творчество есть не некий вид деятельности, но особое состояние души, непосредственно взаимодействующей с высшими силами, появилось у меня еще в те славные времена, когда я вместе со своими друзьями-коллегам разрабатывал новые подходы к подготовке архитекторов. Уже тогда мы не столько понимали, сколько ощущали, что человек становится творцом только тогда, когда ворота его души отворяются, и в них вливается божественный свет, и некая сила буквально заставляет совершать прорыв в неведомое. То же самое ощущение возникало, когда в Нью-Йорке я до хрипоты спорил со своими новыми друзьями, разрабатывая идеи конкурсных проектов. Совместная работа с теми, кто мыслит с тобой на «одной волне», создает мощный импульс и невероятно усиливает творческую энергию. Очевидно, здесь срабатывает эффект совместной молитвы, когда множество людей в едином порыве обращают свои мысли к Создателю, когда энергетика индивидов сливается воедино и формирует энергетику пространства, сохраняющуюся даже тогда, когда молящиеся покидают его.

Понимание природы творчества как особой формы взаимодействия человека-творца с высшими силами заставило меня искать подтверждение моих взглядов в религиозной мифологии. Даже при поверхностном сравнении религиозных преданий видно, что их основные сюжеты, в принципе, повествуют об одном и том же. К таким сюжетам относятся сотворение мира, создание человека, грехопадение и изгнание из рая, смерть и воскресение Бога и др. Понятно, что под воздействием самых разных обстоятельств религиозные

концепции претерпевают существенную трансформацию. В них как в зеркале отражается специфика культуры и быта народов, которые исповедовали эти религии на протяжении многих веков. Все это, безусловно, оказывает влияние и на трактовку религиозных мифов. Тем не менее, несмотря на различия в их толковании, антураже и деталях, сохраняется главное — тип содержания, фиксирующий тему мифа и позиции персонажей.

Не может быть простым совпадением то, что разными религиями уделяется огромное внимание одинаковым по своей сути мифологическим сюжетам. Сам факт схожести этих сюжетов говорит о том, что за многообразием литературных одежд, за разной мифологической формой скрывается одно и то же содержание — знание о природе мироздания. В процессе работы над этим текстом я утвердился в мысли, что миф является как бы вторичной упаковкой истинного знания, предназначенной для широкого потребления. Первичной упаковкой были мистерии, театрализованные ритуалы, подлинное содержание которых было доступно только узкому кругу посвященных. Значительно позже, когда эта глава уже была написана, я нашел близкое мне понимание предназначения мифа и его отношения к мистерии у Д. Меррежковского в его книге «Тайна Запада: Атлантида — Европа». По его глубокому убеждению, миф нужен для того, чтобы передать истинное знание в форме, доступной пониманию простых людей, не посвященных в тайны мистерий. «Что такое миф? Небылица, ложь или сказка для взрослых? Голыми ходят у Платона только низшие истины; высшие — облакаются в миф, так чтобы истина сквозила сквозь «басню», как тело — сквозь ткань» (21, с. 38). Он считал, что «в мифе мистерия умирает жалкою смертью» (21, с. 322).

Все множество подходов к изучению религиозной мифологии можно свести к двум основным группам в зависимости от типа мировоззрения исследователей. В каждой из этих групп также нет полного понимания и единодушия. Тем не менее, демаркационная линия, как и тысячи лет назад, задается основным вопросом философии — что первично: бытие или сознание? С материалистической точки зрения происхождение мифов выглядит достаточно просто — на

определенном этапе эволюции люди, пытаясь найти объяснение существования человека и окружающего мира, выдумывают богов как высших существ, наделенных силой создавать, карать и миловать. Естественно, они переносят на них привычные представления о своей жизни за неимением каких-либо других. И поскольку все люди, независимо от того к какому племени они принадлежат и в какой части света проживают, подвержены общим законам эволюции, то естественно, что на определенных этапах развития они создают сходные представления об устройстве мира. Я не буду оспаривать эту точку зрения, т. к. не хочу тратить время на доводы, которые и без меня уже давно приведены. Скажу только, что подобные взгляды отвергают наличие осмысленных целей сотворения и существования Вселенной и человека. Они не могут объяснить целесообразность и красоту мира. Они также не способны пролить свет на природу возникновения, развития и гибели цивилизаций, объяснить, почему в наше время существуют народы, находящиеся на совершенно разных уровнях развития и т. д. С моей точки зрения, эти взгляды скучны и нелогичны. И этого достаточно для меня, чтобы логике случайности предпочесть логику целесообразности творения мира.

Я отношу себя к идеалистам. Поэтому исхожу из того, что религиозная мифология в своей основе содержит истинное знание о творении мира и даже о целях творения. Общность содержаний, которая четко просматривается в разных религиозных системах, говорит о едином источнике всех религий. Это не значит, что все они произошли от какой-то одной религии, а затем распределились по земле в процессе миграции человека. Но даже если допустить, что так оно и было, то такое объяснение ничего нам не дает, т. к. все равно остается вопрос о происхождении исходной религиозной системы и ее мифологии. Поэтому в данном контексте нет принципиальной разницы в том, произошли ли все религии из одного земного центра или было несколько таких центров, которые в период становления их верований развивались независимо один от другого. Речь идет о существовании исходного управляемого импульса, целью которого были создание Вселенной и запуск процесса становления и развития самосознающего сознания в условиях матери-

ального мира. Религия, являясь необходимым механизмом сохранения истинного знания о происхождении и природе Вселенной, обеспечивает связь Высшего разума и человека. И в этом смысле роль религии и главные ее функции предопределены программой развития человечества. В свою очередь, эта программа вписана в объемлющую программу развития Вселенной, которая определяется целями развития Универсума и замыкается Высшим разумом — Абсолютом. Понятно, что, оставаясь на этой платформе, я не могу принять антропоморфных трактовок религиозных мифов, т. е. объяснения их исключительно как следствия наивного переноса жизненного уклада людей на жизнь небожителей. С моей точки зрения, очеловечивание богов есть лишь неизбежная упаковка сакрального содержания в форму, доступную пониманию современников.

Совершенно ясно, что если бы эти мифы с самого начала, т. е. еще во времена их зарождения, были изложены языком, адекватным их истинному содержанию, то они не смогли бы быть восприняты современниками и давно бы стерлись из памяти человечества. Далеко не все сегодня способны постичь суть теории относительности Эйнштейна даже в самом популярном ее изложении. Не может обычный человек постичь то, что доступно гению. Представьте себе, что подобного рода информация попадает к людям, жившим несколько тысячелетий назад. Наивно было бы полагать, что они смогли бы понять, о чем идет речь. А теперь представим, что мы, живущие сегодня, получаем возможность познакомиться с мыслями гения, несравненно более высокого, чем гений Эйнштейна. Смогли бы мы воспринять такое знание? И не менее важный вопрос — готовы ли мы его использовать во благо человечества? Уверен, не надо долго объяснять, что ни мы, ни, тем более, наши далекие предки не были готовы к этому. Я говорю здесь не об отдельных, особо выдающихся, представителях рода людского, но о человечестве в целом. Именно поэтому каждый такой миф подобен «коробочке с секретом». На поверхности лежит довольно простое и понятное, как нам кажется, содержание. Но внутри себя она скрывает истинное труднодоступное знание, которое мы называем эзотерическим.

Принципиальная невозможность для массового сознания принять такое знание прекрасно сознавалась основателями всех религий. Они хорошо понимали, что главная задача заключается не в том, чтобы оно было доступно каждому, но в том, чтобы закрепить это знание в культуре и донести через множество поколений до потомков, которые будут способны его воспринять. Именно этим обуславливается то, что важные для религиозных учений знания зачастую излагаются в форме мифов, внешне доступных и легко запоминающихся простыми людьми. Но эти мифы, так же как любая хорошая поэзия, несут в себе многослойное и многозначное содержание. С самого начала возникновения религий не утихают споры и ведутся жаркие баталии на предмет выяснения их подлинного смысла. Религия никогда не призывала к логическому анализу религиозного знания. Она призывала уверовать в него и его истинность. Как говорил Тертулиан: «Верую, потому что невероятно». Безусловно, не все, что содержится в древних религиозных текстах, является истиной в последней инстанции, но и не следует полностью отрицать возможность того, что внешней формой притч и иносказаний может быть надежно спрятано важное для человечества знание о природе бытия, происхождении Вселенной и человека.

Почему именно миф об умирании и воскресении Бога?

Я не собираюсь размахивать знаменем идеализма и призывать народ к единению под начертанными на нем лозунгами. Целью предлагаемого сравнительного анализа является лишь попытка самому хоть на шаг приблизиться к тайне, скрытой за внешней литературной формой религиозного мифа, в частности мифа об **умирании и воскресении Бога**. Этот миф был выбран мною не просто как подходящий материал для такого анализа, но в силу моего особого интереса к понятию **творчества**. Как практически все религиозные мифы, дошедшие до нас из глубокой древности, миф об умирании и воскресении Бога не поддается поверхностной или однозначной трактовке. В нем, безусловно, содержится множество смыслов. Некоторые из них уже раскрыты,

но основное содержание, на мой взгляд, все еще остается недоступным. Я убежден, что одной из главных тайн этого мифа является знание о божественной природе творчества и о том, что именно творчество является важнейшей нитью, обеспечивающей духовное единство Бога и человека. Далее я собираюсь поделиться своими мыслями по этому вопросу.

В том или ином виде миф умирания и воскресения Бога присутствует в самых разных религиях. Это культы Осириса в Древнем Египте, Таммуза — божества плодородия у ряда народов Передней Азии, Адониса в Древней Греции, Кецалькоатля в мифологии индейцев Центральной Америки. Мы находим его в верованиях друидов и древних иудеев еще до возникновения культа Яхве, в индуизме и в культах аборигенов Филиппин. И конечно же, хотя и в иной трактовке, умирание и воскресение Бога является центральным сюжетом христианства. Многократное повторение в самых разных религиозных системах этой темы и огромное значение, которое придается ей во все времена, само по себе говорит об особой ее значимости.

Этот неоспоримый факт наводит на мысль о некотором тайном содержании, которое скрывается за внешней формой данного мифа. Каждый раз, когда я перечитываю мифы, объединенные этим сюжетом, у меня возникает ощущение, что кто-то настойчиво пытается передать нам что-то принципиально важное. И этот таинственный кто-то хочет быть абсолютно уверенным, что это знание обязательно дойдет до нас, но не ранее того момента, когда человечество обретет необходимую степень духовности, чтобы его воспринять. Иначе зачем было нужно так надежно маскировать истинное содержание? В то же время тот же некто делает все возможное, чтобы гарантировать сохранность этого знания и его доставку в нужное время и в нужное место. Это касается всех религиозных мифов, дошедших до нас из глубокой древности, теряющейся за горизонтом нашего исторического видения.

Только огромной важностью высшего знания, заключенного в оболочку мифа об умирании и воскресении Бога, можно объяснить многообразие способов его трансляции в культуре. Сюда можно отнести многочисленные народные

предания и сказки, собственно тексты религиозных писаний, разнообразные художественные изображения — иконы, скульптуру и др. Важное место занимают различные формы массовых зрелищ — религиозные процессии, ярмарочные представления и т. п. Особое место принадлежало мистериям, которые представляли собой ритуалы, предназначенные прежде всего для посвященных. В них, как отмечала С. Блаватская, посредством драматизированных представлений преподавалось происхождение вещей, природа человеческого духа, его отношение к телу-материи и метод его очищения и возвращения к более возвышенной жизни (9, с. 340). Но если миф об умирании и воскресении Бога является одним из многих сюжетов Священного Писания и вообще литературы, то мистерии фокусируются на нем как на главном своем содержании. Отмечая то, что нити идеи

смерти божества и его воскресения пронизывали все мистерии, П. Успенский подчеркивает, что именно в этом мифе скрыто наиболее важное знание о методе очищения духа, выборе человеком правильного пути и движения по этому пути (П. Успенский. Новая модель Вселенной, с. 30).

Знакомясь с разными интерпретациями данного сюжета, мы сразу наталкиваемся на противоречие, которое на протяжении веков является причиной многочисленных теологических и философских дискуссий. Принято считать, что по своей природе боги бессмертны. Это является одним из основных признаков, отличающих небожителей от нас, людей.

В то же время многочисленные мифы настойчиво пытаются убедить нас, что боги также могут умирать, что их можно свести в могилу так же, как простых смертных. Но в отличие от последних они, как правило, воскресают. Вспомним миф об Осирисе и Исиде. Осирис был убит своим братом Сетом, и Исида пришлось немало потрудиться, чтобы вернуть его к жизни. В греческой мифологии Адонис погибает от клыков дикого кабана, посланного Артемидой, но Афродита воскрешает его в образе цветка. Христос воскресает без посторонней помощи. Но одно остается неизменным: Бог умирает и снова возрождается к жизни. И это есть великая тайна бытия. Многие пытались и пытаются проникнуть в нее, но она до сих пор остается непознанной до конца. И это понятно — ведь недаром же она считается великой тайной.

В этой главе я рассматриваю и сопоставляю мысли некоторых из известных мне мыслителей, уделявших особое внимание данной теме. В чем-то они согласны друг с другом, в чем-то расходятся, демонстрируя совершенно разные подходы к ее разработке. Тем не менее, каждый из них внес свой вклад уже хотя бы тем, что привлек к ней наше внимание и подчеркнул особую ее значимость в круге проблем, связанных с пониманием системы мироздания и места и роли человека в этой системе.

Дж. Д. Фрейзер: подчинение мира богов миру людей

Наиболее популярным автором, специально занимавшимся изучением древней мифологии, безусловно, является Дж. Д. Фрейзер. Его «Золотая ветвь», написанная в конце XIX века, известна широкому кругу читателей, интересующихся историей культуры. То, что это имя было хорошо известно в бывшем Советском Союзе, я могу объяснить только тем, что Фрейзер, безусловно, придерживался материалистического мировоззрения. Ведь только это могло быть причиной того, что его труды издавались в СССР достаточно большими тиражами. В то же время издание трудов других широко известных философов и историков культуры, я уже не говорю о представителях религиозного и эзотерического знания, в годы советской власти было запрещено. Я не буду здесь проводить детальный анализ творчества Дж. Фрейзера. Остановлюсь только на тех моментах, которые имеют отношение к теме умирания и воскресения Бога.

Фрейзер проделал серьезную работу, собрав множество мифов, связанных со смертью божества и принадлежащих самым разным народам и верованиям. Тем самым он предоставил огромный материал для размышления, избавив последующие поколения мыслителей от тяжелой рутинной работы. В то же время в силу ограниченности материалистического видения ему оказывается доступным только то знание, которое находится на поверхности, т. е. в верхней части «коробочки с секретом». Поэтому его выводы и заключения имеют в основном описательный характер. Каждый раз, сталкиваясь с тем или иным мифом, Фрейзер, априори

полагая, что этот миф является не более чем плодом народной фантазии, берет его не в развитии, а как бы снимает моментальную картину его содержания, исходя из наиболее распространенных представлений той эпохи, которая, по его мнению, этот миф породила. Оставаясь вне генетического рассмотрения верований и религиозных доктрин, исследователь оказывается в плену современных ему картин мира. Свое понимание мифологического содержания он выводит исключительно из анализа повседневной жизни людей той отдаленной эпохи. Главное содержание мифов остается, на мой взгляд, мало или вообще не проясненным, а портреты основных персонажей выглядят весьма плоскими, статичными и в силу этого малоинтересными. При этом значение высших сил с точки зрения их особой роли в создании и развитии мира явно принижается.

В частности, это отчетливо проявляется в трактовке такого важного бога древнеегипетского пантеона, как Осирис. У Фрейзера этот бог предстает как бог зерна, дух дерева, бог мертвых. Вот как сам автор объясняет миф его умирания и воскресения. «Осирис — бог зерна. Рассмотрения этого мифа и ритуала, связанного с Осирисом, достаточно для того, чтобы доказать, что в одной из своих ипостасей этот бог был персонификацией хлеба, который, образно говоря, ежегодно умирает и возрождается вновь». Далее он делает вывод, что обряд здесь был колдовством, направленным на то, чтобы с помощью магии обеспечить рост посевов (36, с. 3). И еще один замечательный пример логики Фрейзера: отмечая то, что Осирис был отпрыском Неба и Земли, он вопрошает: «Какой еще родословной можно пожелать богу, вырастающему из земли и оплодотворяемому небесной влагой?» (там же). Прочитав это, я ощутил полное смещение мыслей в своей голове. Я всегда считал, что боги являются творящей силой, первопричиной всего сущего в этом мире, но согласно Фрейзеру Земля порождает богов, так же как и людей. С материалистической точки зрения все так и должно быть. Бытие порождает сознание. Но с моей, не побоюсь сказать, идеалистической позиции все происходит как раз наоборот — не материя создает дух, а творящий дух порождает материю. Ничего не могу с собой поделать — я ведь за-

явил себя как человека верующего в сознательное творение Вселенной и Универсума.

По Фрейзеру, Осирис видится не столько как бог дерева, т. е. его создатель, сколько как охранитель зеленых насаждений. «Если верить преданию, Осирис научил людей подпирать виноградные лозы, подрезать листья и выдавливать виноградный сок» (36, с. 7). С этим трудно спорить — в конечном итоге боги нас создали и, конечно же, обучили всему, что мы умеем. Тем не менее, когда читаю эти строки во фрейзеровском изложении, у меня возникает образ, совсем не соответствующий моему представлению о великом боге древности. Скорее Осирис предстает перед нами как передовик и рационализатор, делящийся своим сельскохозяйственным опытом с тружениками той отдаленной эпохи.

Осирису поклонялись как богу плодородия, отвечающему за воспроизведение всего живого в этом мире, в том числе и за пополнение рода человеческого. В то же время Осирису поклонялись и как богу мертвых. Понятно, отмечает Фрейзер, что египтянам, которые не только верили в загробную жизнь, но и тратили много времени, труда и денег на подготовку к ней, эта функция должна была казаться не менее важной, чем оплодотворение земли (36, с. 8—9). И далее: «Бог, который при жизни кормил людей своим изувеченным телом, а после смерти открывал перед ними вечное блаженство в загробном мире, естественно, занимал в сознании верующих главенствующее место. Неудивительно поэтому, что культ Осириса затмил в Египте культы всех других богов. Он и его спутница Исида стали предметом поклонения всего народа» (36, с. 9). Фрейзер считал, что обеспечение пищей и потомством было главной целью, которую преследовал человек, совершая магические ритуалы (36, с. 433). Такой взгляд на верования древних египтян, безусловно, имеет право на существование. Очевидно, что основная масса верующего народа, неграмотная и забитая трудностями повседневной жизни, видела в богах прежде всего избавителей (пусть не на этом, так на том свете) от непрестанных тягот и помощников в своих повседневных делах (добывании хлеба насущного, производстве на свет потомства и т. д.). Однако нельзя сводить роль бога только к обслуживанию бытовых нужд

людей. Читая Фрейзера, не могу избавиться от картины, на которой Осирис представлен то в роли директора бюро ритуальных услуг, то ответственным сотрудником службы планирования семьи.

Дж. Фрейзер подчиняет мир богов (мир небесный) миру людей (миру земному). Боги, выполняя обеспечивающую функцию по отношению к жизни и деятельности человека, предстают не столько как творящее, жизнепорождающее начало, сколько как нечто вторичное, напоминающее бюро добрых услуг. Такое перевертывание вообще присуще материалистическому подходу к мифологии, что Фрейзер, на мой взгляд, с успехом и демонстрирует. Принципиально иной подход к пониманию природы мифологии мы находим у Д. Мережковского. Анализируя различные трактовки культа Адониса, он писал: «Вся религия Адониса — только «земледельческий культ плодородья», — это нелепое кощунство останется незабываемым от V века до XX. Ну, конечно, Адонис — хлебный знак, умирающий и воскресающий, но совсем не в том смысле, как думают натуралисты, от бл. Иеронима до Фрейзера, а в том, как учит ап. Павел: «Что ты съешь, не оживет, если не умрет... Так, и при воскресении мертвых... Говорю вам тайну» (21, с. 324).

Были и есть другие точки зрения, которые совершенно иначе расставляют акценты в понимании предназначения божественного начала. Они выражают мировоззрение жрецов и посвященных — людей, наделенных частицей истинного знания. Их количество всегда было относительно невелико, но влияние их на жизнь общества обратно пропорционально их количеству. Этим людям дано видеть за внешней символикой совершенно иную картину мироустройства и принципиально иное предназначение высших сил. П. Успенский относил их к «внутреннему кругу», противопоставляя его «внешнему кругу», в который он включал все остальное человечество (33, с. 35—39). Именно они поддерживали народные верования, и именно они утаивали от этого народа истинное содержание религии. В этом не было злого умысла. Они были призваны сохранить данное им знание, и они понимали, что время раскрыть его еще не пришло. Геродоту приписываются слова: «Я знаю все, но да хранят уста мои благоговейное молчание» (22, с. 236). По

сути, та же самая мысль была выражена в надписи на храме Исида: «Я, Исида, есть все, что было, все, что есть, что будет; ни один смертный взором не проник под покров моей тайны» (39, с. 139).

II. Успенский: смерть есть рождение

Принципиально иной подход к мифу об умирании и воскресении Бога и, соответственно, к анализу содержания древних мистерий мы находим у П. Успенского. Так же как и Фрейзер, он отмечает, что в мистериях образ зерна играл очень важную роль: «погребение» зерна в земле, его «смерть» и «воскресение» в виде зеленого побега символизировали всю идею мистерий. Но, соглашаясь с этим, он сразу же отмежевывается от фрейзеровского материализма: «Существует немало наивных, псевдонаучных попыток истолковать мистерии как “земледельческий миф”, т. е. как пережиток древних мистических обрядов. В действительности эта идея намного шире и глубже; и, конечно же, она задумана не первобытным народом, а одной из давно исчезнувших цивилизаций. Зерно аллегорически изображало “человека” (...) Тайна, которую открывали человеку при посвящении, заключалась в том, что он может просто умереть, а может, как зерно, восстать к какой-то иной жизни. Такова главная суть мистерий» (33, с. 182).

Идея мистерий, по мнению Успенского, исходила из того, что смерть как конец одной жизни есть рождение или начало другой жизни. Это означает, что смерть на одном плане бытия может оказаться рождением на каком-то ином «сверхчеловеческом» плане. При этом сущность идеи мистерий, по его мнению, заключается в сходстве непостижимого второго, нового рождения с обстоятельствами физического рождения человека на земле. Люди считались «зернами» или «семенами» в самом реальном смысле. Их жизнь в целом была не чем иным, как жизнью «семян», т. е. жизнью, которая не имеет смысла сама по себе и содержит лишь один важный момент рождения, т. е. смерти семени. Но это положение верно только в том случае, считает Успенский, если мы механически следуем течению жизни, проживаем данную нам жизнь без какого-либо проблеска творческого начала. Сама жизнь со всеми ее радостями и страданиями на нашем (зем-

ном) плане чересчур коротка, нереальна и эфемерна, чтобы что-то от нее требовать, что-то на ней строить. Весь ее смысл заключается в другой, новой, будущей жизни, которая следует за смертью-рождением. Но рождение на ином плане, т. е. на плане неизвестного уровня бытия, не бывает случайным, механичным. Оно не может быть результатом только внешних причин и условий. Родиться и просто прожить всю свою жизнь еще недостаточно, чтобы возродиться в ином плане бытия. Новое рождение есть следствие воли, желания и усилия самого зерна.

Открывая эту тайну, мистерии давали возможность сознательного выбора пути. Первый путь — это неизменное повторение с одним и тем же концом (в случае бессмысленного проживания своей жизни); второй путь — уход от такого повторения. Выбирая первый путь, человек попадает в бесконечную цепь рождений на земном плане. Во втором случае перед ним открывается возможность ухода с земного плана, т. е. перехода к иной, более высокой форме существования.

Именно эту тайну, по мнению П. Успенского, и открывали посвященным. Человек, полностью понявший и ощутивший эту тайну, не мог более оставаться таким, каким он был раньше. Новое понимание начинало самостоятельно действовать в человеке, наделяло его жизнь новым смыслом и направляло по новому пути (33, с. 526—527).

«Тайна трех» Д. Мережковского

Я уже не помню, что именно привлекло мое внимание к мифам об умирании и воскресении Бога. Но, безусловно, особая роль в этом принадлежит Д. Мережковскому. В своей «Тайне трех. Египет — Вавилон» он раскрыл этот сюжет в неожиданном для меня свете. Может быть, его мысли оказали на меня сильное воздействие, потому что я уже тогда был не удовлетворен поверхностным прочтением религиозных мифов и ощущал интригующую тайну, скрывающуюся за ними. Может быть, сам стиль автора, далекий от сухой наукообразности и скорее присущий поэтическому мышлению, привлек мое внимание. Может быть, потому, что эта книга была первой из прочитанных мною, где специально обсуждался миф умирания и воскресения Бога. По той или

иной причине знакомство с «Тайной трех» было если не отправной, то очень важной точкой в моих размышлениях об истинной природе мироздания и о сути творчества. Эта книга предопределила мой интерес к проблеме отношения Бога и человека. Она была как бы исходным импульсом моих последующих поисков понимания божественной сути Творения и творчества вообще.

Д. Мережковский провел интересные и, на мой взгляд, весьма убедительные параллели в развитии религий Древнего Египта, Вавилона и христианства, показал преемственность этих религий и обозначил принципиальные отличия их идеологических доктрин. Он отчетливо проводит мысль о том, что тайна Христова предречена тайной Адонисовой — Таммузовой. И последняя предречена тайной Амона-Ра и Осириса. В его рассуждениях отсутствует жесткий план, присущий научным трудам. Нет и строгой терминологической определенности. Поэтому, когда он говорит о душе и о духе, практически невозможно понять, различает ли он эти сущности на понятийном уровне или использует эти слова как синонимы. Зачастую довольно трудно проследить логику его мысли. Тем не менее, ему удалось создать ощущение приближения к разгадке очень важной тайны, вернее, нескольких разных тайн, надежно скрытых за литературными покровами мифа умирания и воскресения Бога. Сам Мережковский утверждает, что речь идет о трех тайнах: тайне космической плоти, тайне плоти растительной и животной тайне. «В плоти ищет и находит Египет три тайны воскресные. Первая тайна — в плоти космической. Заходящее солнце, ущербный месяц, убывающий Нил — умирание Бога; солнце восходящее, полнолуние, половодье — воскресение» (22, с. 250). Вторая тайна — в плоти растительной. Как написано в Книге Мертвых, Осирис есть владыка жизни, сущий в хлебном семени. Прорастание семени символизировало воскресение или новое рождение бога, а посев или положение семени в землю символизировало умирание бога, его захоронение. Тайна прозябающего семени, отмечает Мережковский, есть тайна воскресающего тела. И наконец, третья воскресная тайна — животная. Еще в древних допирамидных могилах человеческие костяки лежат в положении согнутом, как младенцы в утробе матери. Мережковский считал, что

такое положение придавалось мертвым, чтобы им было легче родиться — воскреснуть.

Мережковский утверждает, что три «воскресные» тайны (животная, растительная и космическая) являются тремя аспектами одной тайны, заключающей в себе знание о «рождении на втором плане». Свою мысль он подтверждает ссылкой на Книгу Мертвых и высказывание Гераклита: «Путь наверх и вниз — один и тот же». Это значит: умирая, мы туда рождаемся; рождаясь, приходим оттуда (22, с. 251—257). В этом смысле смерть как конец жизни вообще не существует, точно так же, как жизнь не может на земном плане существовать без смерти. И это есть действительно великая тайна! Ведь если бы люди действительно верили, что смерти, как последнего порога жизни, за которым вообще ничего нет, просто не существует, то жизнь человечества протекала бы совершенно иначе. Ни для кого не является секретом, что, несмотря на внешнюю, показную религиозность, подавляющее большинство людей считает, что жизнь дана человеку только одна. Поэтому и живут по принципу взять от этой жизни все, что возможно, и даже не хотят утруждать себя хоть в самой малой мере мыслями о том, что находится за ее пределом.

За размышлениями Мережковского стоит попытка отвлечь наше внимание от жизненной суеты, заставить нас остановиться, перевести дыхание и призадуматься над смыслом бытия: «Не значит ли это: в мире здешнем, во времени, воскресение только начинается, а кончается в вечности?» (22, с. 269). Он подводит нас к сознательному разделению мира времени и мира вечности, но не просто как к двум разным жестко разграниченным реальностям Универсума, а как к взаимодополняющим и взаимодействующим подсистемам одного целого: «Человек не может воскреснуть один; он воскресает только вместе со всем человечеством и со всей плотью мира» (22, с. 262—263). А что есть плоть мира, как не плоть Бога? Это есть уже другая, не менее важная, **тайна единства Бога и человека. Не только Бог человеку, но и человек Богу помогает воскреснуть.** И эта другая тайна наводит на мысль о том, что Бог и человек взаимодополнительны, и приближает нас, на мой взгляд, к пониманию

истинного предназначения человека в системе Универсума, к осознанию смысла существования человека.

Как уже отмечалось, в мифах боги умирают, подобно простым смертным, но в отличие от них они всегда воскресают. Осирис был убит своим братом Сетом, и только благодаря героическим стараниям своей жены Исиды он был возвращен опять к жизни. Таммуз, божество плодородия у народов Передней Азии (Думузи — в шумеро-аккадской мифологии), был отдан своей супругой, богиней Иштар (Инанной), в подземное царство как выкуп за нее саму. Каждый год он проводит там только полгода, после чего возвращается на землю. Древние тексты говорят о том, что Таммуз, предчувствуя свою гибель и пытаясь спастись от злобных демонов, бежит и трижды меняет свой облик, превращаясь в различных животных, но демоны настигают его и раздирают на части (23, т. 1, с. 410). Подобная участь постигла и Адониса, который из-за своей красоты стал предметом спора Афродиты — богини любви и красоты — и Персефоны — богини царства мертвых. Спор между двумя дамами был разрешен Зевсом, который повелел Адонису полгода проводить в подземном мире с Персефой и полгода — на земле с Афродитой, возлюбленной которой он становится (23, т. 1, с. 47). В результате интриг ревнивых богинь Адонис погибает. Тема умирающего и воскресающего Бога продолжается и в христианстве. Иисус Христос был предан Иудой и распят на кресте. Так же как и в мифологии других религий, его смерть была вызвана внешней причиной. Он принял смерть, подчиняясь воле Бога-отца. Но, как следует из Священного Писания, Христос предвидел свою смерть и сознательно взошел на Голгофу. Он также предвидел свое воскресение. Он не просто знал, что он должен умереть и воскреснуть. Он совершенно ясно понимал, во имя чего он приносит свою жертву: «Я отдаю жизнь Мою, чтобы опять принять ее; никто не отнимает ее у Меня; но я сам отдаю ее (...) и власть имею опять принять ее» (6, Евангелие от Иоанна, 10:17—18). Есть ли в этом принципиальное отличие от того, как умирали и возвращались к жизни боги других, более древних религий? Думаю, что нет. Не знать час своей кончины — это удел людей, но не богов. На то они и боги, чтобы им было открыто

то, что есть тайна для человека. В подтверждение этого Мережковский приводит следующие слова из египетской Книги Мертвых, относящиеся к Осирису: «Он знает день, когда его не будет» (22, с. 483). Но тогда почему Таммуз и Адонис принимали смерть как обычные люди, как трагическую случайность, как нечто от них не зависящее? Ответ достаточно простой — здесь мы сталкиваемся с очеловечиванием бытия богов. Перенимая мифологию более древних религий, люди приспособливали ее содержание к понятному им восприятию мира и, конечно же, перекраивали в соответствии с этим и литературную форму мифа. Понимание истинного содержания всегда оставалось прерогативой небольшого круга посвященных. Поэтому антропоморфизм является совершенно естественным явлением в мифотворчестве. Другое дело, когда он проявляется в мышлении ученых мужей, изучающих религиозную мифологию и ее историю, например в работах Дж. Фрейзера.

Есть еще одна великая тайна, о которой Мережковский прямо не говорит, но которая, с моей точки зрения, отчетливо проступает за всеми его рассуждениями о смерти и воскресении богов, — это **тайна творчества**. Невозможно напрямую соотнести жизнь и смерть богов и людей. Но если мы признаём существование души и признаём ее бессмертность, то тем самым мы утверждаем бессмертие человека. Если это так, то о какой смерти и о каком воскресении богов может вообще идти речь? Если человек вечен, то что тогда говорить о богах? Ведь бессмертие есть неотъемлемое свойство или атрибутивная характеристика высшего разума. Здесь я еще раз хочу подчеркнуть, что умирание и воскресение Бога есть метафора, т. е. внешняя литературно-художественная форма, за которой скрывается некоторое действительное содержание. И особенно важно указание на то, что оба эти процесса являются целенаправленным и осознанным действием Бога, который знает, зачем он умирает и ради чего он возрождается к жизни. Сравнение с творчеством, как я его понимаю, напрашивается само по себе. Прежде всего, что, как не творение, т. е. творчество, является выражением сути Бога? А что есть творчество, как не сознательный отказ от самого себя прежнего и воссоздание себя нового?

Конечно, если мы говорим о действительном творчестве, а не произносим это слово всуе. Истинный творец, что бы он ни создавал, прежде всего, творит самого себя. В каждом творческом акте «умирает» он прежний и «воскресает» он новый. Не думаю, что следует подчеркивать здесь, что речь идет не о физических процессах, а о воспарении души и о духовном развитии личности.

Здесь мы подошли к разгадке еще одной, на мой взгляд, принципиально важной для самоосознания человечества тайны мифа об умирании и воскресении Бога. Это тайна творчества. Творение мира есть процесс постоянный. Творя мир, Бог творит самого себя. Но невозможно творить, не развиваясь. А развитие есть переход к принципиально новому, т. е. до сих пор неизвестному, состоянию. Поэтому в процессе творения происходит отказ от прежнего состояния (умирание) и переход к новому состоянию, обладающему принципиально новым качеством или структурой (воскресение).

* * *

Конечно же, именно благодаря Д. Мережковскому я обратил внимание на миф о воскресении и умирании Бога. Я спрашиваю себя: стал бы я заниматься всем этим, если бы не прочитал «Тайну трех»? Безусловно, стал бы. Может быть, я пришел бы к этому позже, может быть, мой путь был бы более сложным и извилистым, но то, что это не было случайностью, что так или иначе я бы связал свой интерес к тайне творчества с тайной этого мифа, не вызывает у меня никакого сомнения. Сейчас я отчетливо понимаю, что шел к этому всю свою сознательную жизнь, — как архитектор, как теоретик и историк, как педагог-экспериментатор и, не побоюсь сказать, как человек, который во всем, что бы он ни делал, ищет элемент творчества. Осознание того, что одним из важнейших содержаний, скрытых за завесой литературной формы мифа умирания и воскресения Бога, является знание о природе творчества как ядерной сущности Бога и ядерной сущности человека как его образа и подобия, я считал одним из важнейших, а может быть, и самым важным своим открытием. Но позже, когда основные мысли уже

сформировались и текст уже был написан, я обнаружил, что никакого такого открытия я не сделал. Я еще раз убедился в правоте Екклесиаста, утверждавшего, что нет ничего нового под солнцем.

С. Франк и Н. Бердяев: творчество как путь к спасению

Зайдя в очередной раз в книжный магазин, я случайно наткнулся на труды до сих пор неизвестного мне философа Семена Франка. Книга привлекла меня просто потому, что автор является однофамильцем моего близкого друга. И уже потом я обратил внимание на ее название: «С нами Бог». Бегло пролистав страницы, я обнаружил целый раздел, посвященный понятию творчества, и понял: это то, что мне нужно. И каково же было мое удивление, когда я обнаружил практически полное совпадение взглядов автора с моими собственными представлениями. Прежде всего, совпадает само понимание творчества как особой формы человеческой активности, в которой рождается нечто новое, доселе небывалое. Момент творчества, отмечает Франк, вовсе не есть исключительная привилегия немногих избранных натур. Всякий человек есть в потенциальной форме творец. Именно в качестве творца человек более всего осознает себя «образом и подобием Божиим» (35, с. 344—348). Примерно в то же время я открыл для себя Н. Бердяева. Его понимание очень близко к идеям Франка. В своей работе «Спасение и творчество» он утверждал, что творчество есть духовное дело, в котором человек забывает о себе, отрешается от себя в творческом акте, поглощен своим предметом. Творчество предполагает самоотречение и жертву (4, с. 12). Не соответствует ли это моим мыслям о сути творчества как духовном умирании и воскресении личности? Бердяев делает очень сильное утверждение о том, что именно творчество является истинным путем к спасению. «Таков замысел Божий о человеке, что природа человеческой личности творящая. Спасается личность. Но для того, чтобы личность спаслась, нужно, чтобы она была утверждена в своей подлинной природе. Подлинная же природа личности в том, что она есть

центр творческой энергии. Вне творчества нет личности. Спасается для вечности творческая личность» (4, с. 11).

И Франк, и Бердяев согласны в том, что человек призван быть творцом и соучастником в деле Божьего творения. Богу совсем не нужны покорные и послушные рабы, вечно трепещущие и эгоистически занятые собой. Богу нужны сыны, свободные и творящие, любящие и дерзновенные (4, с. 9). Это слова Бердяева. А вот мнение Франка: «Воля Божия в ее полноте и глубине есть воля не только к созиданию, но и к обожению творения, к его слиянию с самим Богом» (35, с. 348). По сути, речь здесь идет о том, что человек и Бог едины. И в этом идеи этих двух философов совпадают с основными положениями буддизма и с мыслями Д. Мережковского. «Не только Бог человеку, но и человек Богу помогает воскресать. Человек и Бог взаимодополнительны. Между ними происходит постоянный обмен воскрешающей силы, как бы непрерывный ток искр между двумя электрическими полюсами» (22, с. 259—260). Бог объемлет все. Все им сотворено и все ему принадлежит. И, конечно же, это в полной мере относится к человеку. Поэтому жизнь человека включена в объемлющий процесс жизнедеятельности Бога. При этом между человеком и Богом идет постоянный обмен энергиями, являющийся движущей силой бытия Вселенной и Бога. Именно творческая активность обеспечивает наибольшее выделение духовной энергии, столь необходимой для развития Универсума. Поэтому любое творчество есть сотворчество человека с самим Богом. Другими словами, истинное творчество без Божьего вмешательства невозможно.

Как я уже говорил, мой метод работы сильно отличается от традиционного подхода к написанию научных трудов. Я вначале получаю результат, получаю новое знание или открываю сам для себя нечто новое, а уже после выясняю, были ли сходные мысли высказаны когда-либо до меня. И должен признать, что, как правило, оказывается, что я отнюдь не первопроходец. Однако это не заставляет меня рвать волосы на голове и посыпать ее пеплом. Наоборот, осознание того, что я самостоятельно пришел к идеям, которые до меня были высказаны другими философами, учеными или писателями, подтверждает значимость поднимаемых мною вопросов и

действенность моего подхода к их разрешению. Я вижу, как некоторые из вас, саркастически улыбаясь, спешат навесить на меня ярлык «изобретателя велосипеда». Не могу принять его, господа, прежде всего потому, что моей задачей не является получение нового научного знания. У меня нет цели поразить мир научным открытием. Я открываю сам себя. Я творю сам себя. И в процессе этой работы я ощущаю, как изменяется мое видение мира, как преобразуюсь я сам, а значит, и трансформируется мой мир, моя Вселенная, мой Универсум. И как я сейчас понимаю, это и есть истинное творчество. И если бы я просто прочитал труды С. Франка и Н. Бердяева, не попытавшись самостоятельно познать эту великую тайну, уверен, что пользы от этого было бы мало. До них также предпринимались неоднократные попытки приоткрыть завесу тайны творчества, сравнить процессы Божьего творения и творчества человека. И конечно же, они были хорошо осведомлены об этом. Действительное понимание идей других мыслителей приходит к нам только тогда, когда поднимаемые ими проблемы осознаются нами как наши собственные проблемы. Поэтому каждое поколение и каждый мыслящий человек должны заново осознавать и переосмысливать вечные, жизненно важные проблемы. Именно к проблемам такого рода я отношу и проблему творчества.

ГЛАВА 5 ДУХ, ДУША И СОЗНАНИЕ

Дух — всегда творческий,
а творчество всегда духовно.

Интерес к тому, что есть «душа», «сознание», «дух», у меня проявился давно, задолго до того, как я начал работать над книгой. Когда я задумывался над этой материей, у меня возникало ощущение, близкое к священному ужасу, подобное тому, которое испытывал в детстве, вглядываясь в манящую и пугающую бездну звездного неба. Особенно страшно было прикасаться к «духу», пытаться проникнуть за покров тайны, скрывающейся за этим словом. Именно поэтому в разделе «Человек = Душа + Сознание» я пообещал, что о духе будет сказано далее, тем самым отложив для себя эту проблему на неопределенное время. С тех пор прошло несколько лет. И вот сейчас это время настало. Я понял, скорее, почувствовал, что накопил достаточное количество мыслительного материала если не для построения всеобъемлющего понятия, то хотя бы для формирования своего представления о том, что есть дух.

Наверное, мне понадобились эти годы, чтобы осознать, что разгадать тайну творчества без представления о том, что есть дух, невозможно так же, как невозможно постичь природу духа без отнесения к понятию творчества. Поэтому я решил оформить мои мысли о духе в отдельную главу, которая должна следовать за главой «Творчество». Тем самым я завершил тему творчества, понимая при этом, что остановить движение мысли нельзя — мысль устремляется дальше, и, возможно, в будущем придет новое, более совершенное видение. Приступая к оформлению моих представлений о духе, я не проводил специальный поиск по данной теме, как это принято делать при написании серьезных научных трудов. Материал накапливался в процессе работы. Информация,

которую мне удалось получить, дает основание полагать, что поиск истинного содержания понятия «дух» далек от завершения и у человечества есть еще необозримый простор для развития в этом направлении. Слово есть, и все мы его часто употребляем, а общего понимания того, какое содержание за ним скрывается, что такое дух и чем он отличается от души и сознания, нет. Можно встретить самые разные, зачастую противоречивые, употребления этого слова. В одних случаях дух отождествляется с душой, в других — с сознанием, в третьих — с волей. Было бы весьма самонадеянно с моей стороны полагать, что я могу сделать то, что до сих пор до меня никому не удавалось, — ввести всеобъемлющее и окончательное понятие духа. До конца познать, что есть дух, человеку не дано. Познать природу духа — значит познать Бога, а познать Бога — значит стать Богом. Но отсюда не следует, что мы не должны идти по этому пути. Более того, путь познания Бога есть истинный путь человека. Для меня этот путь лежит через познание самого себя. То, что я буду делать дальше, есть всего лишь построение моего рабочего понятия, предназначенного для решения задач, которые я ставлю перед собой в работе над этой книгой, — задач собственного совершенствования и развития своей духовности.

Нетрудно заметить, что такие слова, как «одухотворение», «вдохновение», «духовность», которые мы всегда проносим, рассуждая о вещах, связанных с творчеством, имеют общий корень — дух. Уже одно это наводит на мысль, что дух и творчество являются взаимосвязанными понятиями. Говоря о человеке творческом, мы характеризуем его как одухотворенную личность. Одухотворенный означает сотворенный духом. Здесь уместно задать вопрос, о каком духе или духах идет речь? Творчество может проявляться в разных жизненных ситуациях, и результаты самого высокого творчества могут быть использованы не только с добрыми, но и со злыми намерениями. Можно допустить, что во всем этом могут быть задействованы как добрые, так и злые силы или духи. Я не анализирую все многообразие ситуаций творческой активности, а обсуждаю само понятие творчества. Поэтому я абстрагируюсь здесь от сложной иерархии мира духов и рассматриваю понятие духа в самом высоком его

смысле. Сотворенный духом для меня означает сотворенный Высшим разумом, Богом. Если ты ощущаешь в себе прилив творческой энергии, значит, Божественный Дух вошел в тебя, озарил тебя своим светом. В этом случае истинный творец, независимо, осознает он это или нет, действует от имени Высшего Духа, Творца всего сущего. Я еще не знаю, что такое дух, но есть ясное понимание, что дух есть сущность, принципиально не сводимая к душе и сознанию. Дух есть дух!

ЧЕЛОВЕК = ДУХ + ДУША + СОЗНАНИЕ

В отличие от таких вещей, как душа и сознание, которыми обладают все живые существа нашего земного мира, дух, в том смысле, в котором я употребляю это слово, является отличительной особенностью человека. Как я уже утверждал, только человек способен творить и только человек может быть одухотворенным, т. е. быть богоподобным. Душа и сознание, несмотря на их включенность в континуум мировой души и мирового сознания, могут рассматриваться как субстанциональные атрибуты живого существа, т. е. представляют собой нечто относительно устойчивое, что существует само по себе, не зависит ни от чего другого. Что будет с человеком, если его лишить души или сознания? Он умрет или превратится в нечто такое, что человеком назвать уже никак нельзя. Все знают, что когда человек уходит из жизни, принято говорить «отдал душу Богу». Так же как вода при испарении переходит из одного состояния в другое, душа, являясь определенного рода субстанцией, переходит из одного материального состояния в другое, более тонкое, но, тем не менее, тоже материальное состояние. Но вы никогда не услышите: «отдал Богу дух». Правда, есть выражения «испустил дух» или «дух из него вон», т. е. дух оставил тело. В этом случае мы имеем дело с простонародным употреблением слова «дух». При этом дух отождествляется с душой.

Можно ли сказать, что дух всегда присутствует в каждом человеке? Если и можно, то зачастую это присутствие практически незаметно. Настолько незаметно, что, я бы сказал, его практически нет. Иначе зачем нужно выражение «присутствие духа»? Оно само по себе указывает на то, что дух может присутствовать, но может и отсутствовать. В са-

мом деле, зачем подчеркивать присутствие чего-то, если оно есть всегда? И еще одно выражение — «собраться с духом». Вспомним, в каких случаях употребляются эти выражения. Как правило, тогда, когда мы характеризуем состояние человека накануне каких-то неординарных поступков или даже подвигов. Мы никогда не говорим «присутствие души» или «собраться с душой». И это понятно, т. к. душа всегда при нас, она есть неотъемлемая часть человека, и мы можем по своему усмотрению использовать свои душевные ресурсы. Наши душевные качества проявляются каждый день в нашем отношении к близким, друзьям, к случайному встречному, в отношении к животным, природе — в любых случаях, связанных с чувственным восприятием и вообще со сферой чувств. Но только в особых, я бы сказал экстремальных, ситуациях нам требуется присутствие духа и действительно нужно собраться с духом. Это происходит всегда, когда мы сталкиваемся с такими трудностями, препятствиями или проблемами, которых в обычной жизни не бывает. Именно в таких ситуациях человек испокон веков обращал свой взор к Богу и молил его ниспослать силу духа, чтобы выстоять, не сдаться врагу, победить в соревновании, сотворить нечто, доселе неведомое, т. е. совершить деяние, выходящее за рамки обыденной жизни.

Для меня совершенно очевидно, что дух и сознание являются сущностями, не сводимыми друг к другу. Но, наверное, это не для всех так очевидно — существует представление, согласно которому дух есть сознание. Такое отождествление мы находим у Т. Фрека и П. Ганди в их книге «Иисус и падшая богиня». Анализируя представление гностиков о человеке как единстве Духа (Pneuma/Nous), Души (Psyche) и Тела (Physis), они различают Дух и Душу как принципиально разные сущности. Определяя дух как «ощущение бытия в каждом человеке», они противопоставляют его «уму» и «интеллекту» как понятиям, связанным с рациональным мышлением. В то же время они отождествляют дух и сознание, ошибочно, на мой взгляд, полагая, что «сознание» есть более уместный перевод слов «pneuma» и «Nous» (37, с. 91). Ссылаясь на Евангелие от Иоанна (6, Евангелие от Иоанна, 4:24), авторы приводят слова Иисуса «Бог есть сознание», или в английском переводе «God is consciousness». В данном

случае желаемое выдается за действительное. Ни в русском, ни в английском переводах ничего подобного Иисус не говорит. Он говорит, что Бог есть Дух (God is Spirit). По-моему, совершенно очевидно, что между этими двумя утверждениями есть серьезное различие. Дух и сознание в русском языке, так же как spirit и consciousness в английском, не являются синонимами. В современном научном языке слово «сознание» так же как слова «ум» и «интеллект», как правило, связываются именно с мышлением. Я бы сказал, что **сознание и мышление — это два разных видения одного явления — способности человека отражать мир, воспроизводить его образ и порождать образы или строить свои миры. При этом сознание рассматривается как структура, а мышление как процесс.**

Довольно часто можно встретить такой термин, как «структура сознания». При этом маловероятно, что вы где-либо прочтете или услышите что-нибудь о структурах ума или интеллекта и, тем более, о структуре духа. Говоря о структуре некоторого объекта, мы предполагаем, что речь идет о системном видении вполне материальных вещей, которые можно смоделировать, разложить на элементы и связи, задать их границу или целостность. Авторы противоречат сами себе, утверждая, с одной стороны, что nous, или дух, — это «то в нас, что **понимает**», а с другой — что дух — «это **ощущение** бытия в каждом человеке». Не надо доказывать, что понимание и ощущение — вещи совершенно разные. Чтобы нечто понять, надо это нечто сначала воспринять или ощутить и затем проанализировать, сделать выводы и т. п., другими словами, надо это нечто осмыслить. Это и есть то, что мы называем рациональным мышлением, или то, что мы делаем, используя возможности ума и интеллекта. А вот ощущение бытия — это уже совсем о другом. Для того чтобы ощущать, мы используем нашу способность чувствовать и соответствующие органы чувств. Таким образом, отождествляя дух и сознание и приписывая духу функции понимания и ощущения, Т. Фрек и П. Ганди субстанционализируют дух, т. е. рассматривают его как некоторый реально существующий материальный объект, как такую же часть человека, как интеллект или органы чувств.

Можно бесконечно спекулировать на эти темы, если не определиться с тем, что мы понимаем под сознанием. Я не ввожу здесь новое понятие, а только предъявляю в самом общем виде мое собственное понимание, которым обладаю в данное время. Как я уже говорил, сознание является субстанциональным атрибутом любого живого существа, в т. ч. человека. Все живое наделено способностью воспринимать и перерабатывать информацию. Так же как и память, которая всегда присутствует в компьютере, когда он работает и когда он отключен, сознание есть необходимая часть нашего организма. Выключая компьютер, мы не уничтожаем его память или заложенное в него программное обеспечение (software). Хотя память и не работает после отсоединения от источника питания, тем не менее, она присутствует в компьютере, т. к. является его необходимым компонентом. Сознание человека можно также отключить. Именно это происходит во время обморока, летаргического сна или под наркозом. По аналогии с компьютером сознание не исчезает, оно продолжает существовать. Можно сказать, что оно переходит на другой режим работы. С этой точки зрения мозг человека есть не что иное, как компьютер, но только в плане понимания его как технического устройства, позволяющего хранить и использовать определенные объемы информации. Мозг так же, как и компьютер, можно препарировать, исследовать отдельные его составляющие-блоки и то, как они связаны между собой, можно изымать одни блоки и программы, добавлять другие и т. п. Мозг имеет такое же отношение к сознанию, как механическое устройство компьютера к программному обеспечению. Понимание того, как устроен компьютер, само по себе не гарантирует умения создавать новые и анализировать уже существующие программы. Точно так же профессионализм в области анатомии человеческого мозга автоматически не предполагает понимания того, что есть сознание и каким образом оно работает. Сознание можно сравнить со структурированной информацией, которая хранится в мозгу человека и включает в себя набор программ, обеспечивающих все многообразие жизненных функций человека. Вопрос заключается в том, кто выступает в роли программиста. Программирует ли наш мозг сам себя или он использует программы, которые были разработаны

и заложены в него какой-то внешней силой? Мне представляется, что истина, как это часто бывает, находится где-то посередине: основные программы закладываются Высшим разумом еще до момента рождения человека, но в то же время человеку дана способность корректировать и дополнять эти программы, поскольку он есть единственное существо, созданное по образу и подобию Божьему.

Когда я поделился этим представлением с моей кузиной Верочкой, она сразу мне возразила: сознание человека нельзя сравнивать с вычислительной машиной, т. к. она не может самообучаться, она не способна любить и творить. Машина способна решать только определенный набор задач в соответствии с заложенными в нее алгоритмами. Верочка — профессиональный программист и, конечно, лучше меня знает, как устроен компьютер. И я полностью согласен с моей кузиной в том, что компьютер хотя и может превзойти человека в скорости вычислительных операций и логических построений, но никогда не сможет любить и творить. Однако я не согласен с Верочкой в том, что компьютер нельзя сравнивать с мозгом и сознанием человека. И то и другое принадлежит миру материальному, или физическому, и в силу этого может объективироваться, анализироваться, конструироваться и т. п. То, что можно конструировать, изменять и развивать структуры сознания, я знаю как профессиональный педагог, имеющий многолетний опыт экспериментирования в обучении.

Изобретая компьютер, человек копировал или «снимал кальку» с самого себя. Но создав компьютер, он получил как бы еще одно «зеркало», помогающее ему лучше понять свою собственную природу. Соотнося себя с отражением в «зеркале» компьютера, легче понять, как устроено наше сознание. Как уже говорилось, сознание каждого из нас можно представить как сложную информационную систему, координируемую и управляемую сложным набором разнообразных программ. Именно различие этих программ наряду с индивидуальными душевными качествами обуславливает неповторимость личности человека.

Конечно, я нахожусь только в самом начале пути. Размышления на эту тему будут продолжены в следующих раз-

делах этой книги. Но уже сейчас мне ясно, что в отличие от сознания и души дух не имеет индивидуальной окраски, не может быть скован рамками отдельной личности и вообще не имеет границ.

ПОЧЕМУ ЧЕЛОВЕК ИСПОЛЬЗУЕТ ТОЛЬКО 5% ПОТЕНЦИАЛА МОЗГА?

Как утверждают ученые, современный человек использует примерно 5% (максимум **10%**) возможностей своего мозга. Для меня точность этой цифры не так важна, но я уверен, что столь малый процент отражает действительную картину колоссальной, невообразимой сегодня потенциальной мощи нашего мозга. Сколько лет нужно прожить человечеству, чтобы увеличить хотя бы на один процент эту цифру, я не знаю — может быть, тысячу или миллион лет, а может, и больше, но то, что эволюция человека предполагает такое увеличение, у меня не вызывает никаких сомнений. Возможно, на каких-то этапах своей истории человечество откатывается назад, но в целом это процесс со знаком плюс, больше чем со знаком минус. Понимаю, что такое утверждение может навлечь на мою голову обвинения в излишне оптимистическом взгляде на природу человека и его развитие, но поделать ничего не могу, т. к. в противном случае должен был бы признать полную бесцельность и, соответственно, бессмысленность бытия вообще и своего лично. Полагаю, что эволюция человека и, соответственно, процесс развития его мозга изначально были предопределены в рамках целостной программы, рассчитанной на весь период существования рода людского. Это значит, что потенциальная мощь, или, в современной терминологии, информационная емкость, нашего мозга и его возможности обработки информации были рассчитаны на весь путь — от момента сотворения человека до конца его существования.

Здесь возникает весьма существенный, на мой взгляд, вопрос — противоречит ли это утверждение эволюционному подходу к вопросу возникновения и развития человека? Можно сказать и да, и нет — в зависимости от того, какое содержание мы вкладываем в само понятие эволюции.

Да, противоречит — если исходить из дарвиновского понимания эволюции как происхождения одних видов из других и эволюции отдельного вида, как постепенного изменения организма, в том числе и мозга, в процессе взаимодействия его с окружающей средой. Дарвин исходил из того, что мозг человека развивается из некоторой первичной материи, неспособной к мышлению вообще. Он полагал, что усложнение деятельности мозга обусловливается главным образом естественной необходимостью выживания и приспособления человека к условиям постоянно меняющегося природного и социального окружения.

Нет, не противоречит — если допустить, что каждый вид живых существ, в том числе и человек, был задуман и сотворен как особый, отличный от всех других вид, обладающий собственной линией эволюции, независимой от линий развития других видов. Во втором случае эволюция понимается не как переход от одного вида к другому в бесконечном процессе трансформации живой субстанции Вселенной, а только как эволюция внутри каждого отдельного вида. При этом человек, его мозг и вообще все имеющее отношение к человеку, в том числе и процесс его эволюции, рассматривается как результат искусственного творения. Такой подход исходит из того, что в мире нет ничего случайного, все предопределено высшими целями и развивается в соответствии с общими божественными законами. Рассматривая эти разные возможности ответа на поставленный выше вопрос, я не предлагаю новый взгляд на эволюцию. Я только самоопределяюсь по отношению к уже давно представленным точкам зрения.¹ Данные, подтверждающие, что сегодня мы способ-

¹ Интересны в этой связи взгляды на эволюцию П. Успенского. «Эволюция органических форм в смысле развития новых видов и классов в царстве природы научно обоснована целой серией фактов, которые, как полагают, подтверждают ее. ... однако в действительности все эти факты искусственно подобраны для доказательства теории эволюции. ... Единственный факт здесь — это сохранение видов. А вот как они появляются — мы не знаем. ... Эволюция разновидности — установленный факт; но все эти разновидности остаются в пределах данного вида и весьма неустойчивы, т. е. при изменении условий они через несколько поколений изменяются или возвращаются к первоначальному типу. ... Изменение вида никогда не наблюдалось» (33, с. 27—28).

ны реализовать только весьма незначительную часть нашей потенциальной мыслительной мощи, с одной стороны, и масса достоверных фактов, фиксирующих уникальные мыслительные способности отдельных людей, с другой стороны, на мой взгляд, есть важнейшее свидетельство запрограммированности развития мозга человека на весьма длительный период эволюции и, соответственно, того, что конечные ее цели были изначально предопределены. Возникает вопрос: зачем человеку нужен такой колоссальный запас «кладовой» мозга? Ведь если сравнить наши жалкие 5% и тот потенциал мозга, который сегодня остается незадействованным, то станет ясно, на каком низком уровне развития мы сейчас находимся.

Здесь уместно провести параллель с процессом проектирования современных компьютеров. Темпы развития в этой области очень высоки — не успеваем приобрести новый компьютер, а на рынке уже рекламируются более совершенные модели. Но совсем не обязательно покупать каждый раз новый компьютер. Проектировщики, предусматривая необходимость увеличения мощности компьютера, закладывают такие размеры его корпуса, которые дают возможность размещения в нем дополнительных блоков памяти. Это позволяет на какой-то срок гарантировать конкурентоспособность и продлить жизнь компьютера без структурных изменений его устройства. Человеческий мозг, по сути, такой же компьютер, обладающий существенным потенциалом своего развития. Таким образом, неиспользованный потенциал мозга должен обеспечить увеличение объема перерабатываемой информации и соответствующее расширение его возможностей на всех этапах прохождения пути, предначертанного человеку.

Я не знаю, существуют ли аналогичные научные данные об использовании животными своего мозгового потенциала, но допускаю, что животные так же, как и человек, не полностью используют свои возможности и имеют большой простор для развития. Тем не менее, разница аналогичных показателей в мире животных должна быть значительно меньше, чем у человека. Естественно возникает вопрос: почему я допускаю существование такого большого перепада

между неиспользованным потенциалом мозга у человека и животных? Я еще раз повторяю, что точных данных, подтверждающих это положение, у меня нет. Это лишь моя гипотеза. И речь здесь идет не об абсолютных, а об относительных показателях, фиксирующих не задействованную сегодня информационную емкость мозга у человека и животных. Эта разница, на мой взгляд, безусловно, предопределена главным их отличием друг от друга, а именно уникальной способностью человека к творчеству. По моему глубокому убеждению, человек является особой формой разумной жизни, обладающей не просто способностью к абстрактному мышлению, но, что принципиально важно, уникальной способностью к **творческому** мышлению. И здесь я делаю принципиально важное для меня утверждение: **мы способны творить не потому, что обладаем самым крупным мозгом. Совсем наоборот — такой мозг дан нам, чтобы обеспечить изначально заложенную способность творить.**

По мере продвижения по пути к Богу или по пути эволюции не только развивается наше сознание, но и возрастает наш духовный потенциал, повышаются творческие возможности. Другими словами, сознание постоянно приводится в соответствие с духовностью. Поэтому низкий усредненный коэффициент полезного действия мозга человека и его сознания свидетельствует о столь же низком среднем уровне духовного развития человечества и, соответственно, весьма низком его творческом потенциале.

Даже голова кружится, когда начинаю фантазировать о том, на что был бы способен человек, получи он возможность использовать свой мозг пусть не полностью, но хотя бы на 50%. Кто-то может даже обидеться — разве мы не достаточно умные? Древние уже давно ответили на этот вопрос — мы ведь только искра Божья, а Бог-Творец — это Солнце. Представьте себе, во сколько раз солнце ярче искры. Как долго же надо продвигаться искре по пути к звездам, по пути приобщения к истинному знанию, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться к состоянию, соотносимому со светом Солнца? Я считаю, что не столь важно знать длину пути к звездам, сколько быть уверенным, что мы выверяем по этим звездам свой жизненный путь.

ДУХ — ЭНЕРГИЯ ТВОРЧЕСТВА

Мы, как правило, ощущаем части нашего тела, когда с ними что-то не совсем в порядке. Они могут уставать, болеть, чесаться и т. д. Это могут быть голова, рука, нога, живот и даже душа. Мы нередко переживаем душевную боль. Но есть нечто, чего мы не ощущаем физически, хотя оно у нас есть. У вас когда-нибудь болел ум или сознание? Я не помню, чтобы со мной такое случалось. Как правило, мы говорим об уме, когда характеризуем способность человека к мышлению. Когда речь идет об анализе этой способности, мы предпочитаем иметь дело с термином «сознание». Именно поэтому не только в научной литературе, но и в обыденной речи вы никогда не встретите словосочетание «структура ума» или «структура интеллекта». Зато термин «структура сознания» встречается довольно часто. При этом речь идет о структуре, связывающей различные категории, понятия, представления, образы, логические техники — все то, что позволяет человеку мыслить. Как уже говорилось, сознание может рассматриваться как заложенная в каждого из нас программа. Эти программы могут совершенствоваться и развиваться в процессах воспитания и обучения, но базовые их структуры закладываются изначально. Гения нельзя воспитать, им надо родиться. Тем не менее, хотя сознание не является таким же элементом нашего тела, как рука или нога, оно у нас есть. Человек без сознания так же, как компьютер без программного обеспечения, есть лишь пустая оболочка.

Совсем по-другому обстоит дело с духом. Мы никогда не говорим о структуре духа. Мы никогда не характеризуем дух с помощью измерений или величин, применяемых к веществу, пространству или к любым другим сущностям материального мира. Вы спросите почему? Потому что дух есть нечто, что не обладает структурой, т. е. внутренним строением, которое мы можем описать как совокупность взаимосвязанных частей целого. Так что же это такое? Скорее дух можно рассматривать по аналогии с энергией, которую также нельзя структурировать. Мы говорим о силе или слабости духа, духовном потенциале или духовной мощи. Дух так же, как и энергию, нельзя создать из ничего. Именно

поэтому по отношению к духу, как правило, применяется энергетическая терминология.¹

Я считаю, что **дух является особой энергией — энергией творчества**. Как и любую другую, эту энергию можно накапливать, передавать и трансформировать. Источником этой энергии является Бог, и этот источник неисчерпаем. Аккумулированная энергия духа или энергия творчества и есть то, что мы называем духовностью.

Но является ли Высший разум единственным источником духовной энергии? Если человек сотворен по образу и подобию Божьему, значит, в нем заложены все главные начала, присущие Творцу. Исходя из этого, логично допустить, что человек способен не только воспринимать духовную энергию, но и производить ее. Допускаю, что здесь я преувеличиваю возможности человека. Скорее всего, человек не может генерировать этот вид энергии, но может ее аккумулировать и ретранслировать, т. е. передавать другим людям.

ВДОХНОВЕНИЕ

Я не силен в этимологии, но мне представляется, что такие слова, как «вдох», «вдохновение», в основе своей имеют слово «дух». Испорченные материалистическим мировоззрением, произнося слово «вдох», мы подразумеваем вдыхание или проникновение в наши легкие воздуха или какого-либо другого газообразного вещества. Обратите внимание, что слово «воздух» также содержит в себе слово «дух». Я подозреваю, что все эти слова наши далекие предки связывали не только с процессом дыхания, но и с их пониманием духа. Возможно, они исходили из того, что весь мир есть творение Божье и все, что есть в этом мире, взаимосвязано и пронизано Божьим духом. Поэтому, вдыхая воздух, человек впускает в себя этот дух. Современный человек знает или думает, что он знает, что воздух есть смесь определенных газов и еще чего-то там. Он уверен, что состав воздуха можно точно

¹ Понимание духа как особой формы энергии, наполняющей Вселенную и человека творческой силой, мы находим у Тейяра де Шардена (29, с. 167).

определить и записать в виде химических формул. Но вот Дух Божий в рамки этих формул не укладывается. Поэтому слова «воздух» и «вдох» давно утратили свое первоначальное значение. В отличие от них слово «вдохновение» сохранило его и поныне, благодаря тому, что еще не созданы научные предметы, способные формализовать такие вещи, как творчество, к которому вдохновение имеет непосредственное отношение. Вдохновение не возникает в результате воздействия на человека некой материальной субстанции, а благодаря нисхождению духа свыше. Именно этот дух олицетворялся такими мифическими персонажами, как музы или крылатый конь Пегас.

Вдохновение не является устойчивым состоянием. Оно может прийти или снизойти на человека, но может и покинуть его. Некоторые, если не большинство, имеют очень малое представление об этом состоянии. Иногда вдох-

новение овладевает нами, когда мы его совсем не ждем, и не желает осчастливить нас, когда оно нам просто необходимо. Особенно остро я ощущаю подобное состояние, когда вдруг появляется непреодолимое желание говорить стихами. Хотя в душе я считаю себя поэтом, за всю свою жизнь я написал всего несколько стихотворений. Но бывает, что со мной начинает происходить нечто необъяснимое — стихи как бы сами складываются в моей голове, как будто кто-то нашептывает их мне. При этом не так важно их качество, как ощущение того, что я вообще способен выражать мысли в поэтической форме. Привожу здесь одно из таких стихотворений, которое я начал писать в вагоне метро и закончил, придя на работу:

Еще один промчался день,
Да что там день — десятилетия!
А если честным быть совсем,
То мы, друзья, летим через столетия.

Летят года, как облака,
Как тени птиц, в тумане тая,
Как откатившая волна,
Все на своем пути стирая.

А что же остается нам?
Лишь грустная мелодия воспоминаний,
Лишь фото блеклое, да разный старый хлам,
Морщинки на лице, как след былых исканий.

И это все? Как мало в звуке том —
Лишь памяти серебряные переливы.
Все в Лету кануло? Все навсегда ушло,
Как листья свежие с обледеневшей ивы?

Нет! В это не могу поверить я!
Не властно время над душой.
Творенья след не сгинет без следа,
Жизнь духа, как рассветная звезда,
да будет вечно молодой!

Я привел здесь это стихотворение не для того, чтобы продемонстрировать свое поэтическое умение или неумение, а для того, чтобы показать, что если вдохновение действительно пришло, то оно может пробудить в вас такие способнос-

ти, о которых вы даже не подозревали. О таком состоянии, когда стихи как бы складываются сами собой, принято говорить: «душа поет». Но душа, как известно, поет не всегда, а только в особых случаях. Когда со мной происходит нечто подобное, мне кажется, как будто некий светлый дух нисходит на меня, подключая или связывая меня с высшим разумом. Мир преображается волшебным образом, я ощущаю невероятный прилив энергии, душа раскрывается, рвется наружу и воспаряет ввысь. Возникает то, что мы называем вдохновением, — особое состояние просветления ума, душевного подъема и непреодолимого стремления творить.

ОДУХОТВОРЕНИЕ И ДУХОВНОСТЬ

Вдохновение возникает как результат процесса одухотворения — нисхождения или, лучше сказать, оплодотворения души Высшим духом. Может быть, именно этот, скрытый от непосвященного сознания смысл лежит в основе мифа о Данае (вспомним картины Тициана, Рембрандта и других великих мастеров), повествующего об оплодотворении земной женщины Божественным духом, снизошедшим на нее в виде золотого дождя. Как мы помним, результатом этого события стало рождение Персея. Здесь присутствует еще один важнейший компонент — преодоление трудностей: отец Данаи, царь Аргоса Акрисий, получив предсказание о том, что он погибнет от руки сына своей дочери, сделал все возможное, чтобы воспрепятствовать рождению внука — запер свою дочь в медный терем. Но, как известно, это его не спасло. Зевс проник вовнутрь, и нежеланный внук появился на свет. Но и здесь Акрисий не успокаивается — он заточает свою дочь с внуком в ящик и бросает в море. Однако судьба спасает Данаю и Персея. Через некоторое время Персей, участвуя в состязаниях, метает диск, попадает в своего деда и убивает его. С моей точки зрения, в этом мифе закодировано понятие творчества, включая все его необходимые составляющие: проникновение в медный терем олицетворяет преодоление препятствий или творческие муки; оплодотворение Данаи можно рассматривать как одухотворение; беременность —

как выражение идеи вдохновения или потенции к творчеству; рождение Персея — как создание творческой идеи, убийство Акрисия — как реализацию идеи.

В этом мифе творчество и дух выступают как взаимосвязанные и взаимодополняющие понятия. Творчество всегда предполагает присутствие Божественного духа. В свою очередь, жить духовной жизнью — значит творить. Творец, который перестал искать путь к истине, духовно умирает. Дух, в отличие от души и сознания, присутствует только в состоянии творения, которое является отличительной характеристикой Бога и человека. Именно поэтому мы никогда не говорим «одухотворенный» по отношению к животному; только человек, как носитель творческого богоподобного начала, может быть одухотворенным. По отношению к человеку дух есть не что иное, как проявление в человеке Божественного творческого начала. Обязательными условиями проявления этого начала является стремление к постижению истины и активная деятельность, направленная на самопознание, самосовершенствование и саморазвитие.

Многие, я бы сказал — большинство, не имеют никакого представления о духе и духовности, никогда об этом не заду-

мывались и не сильно переживают по этому поводу. Ощущение присутствия духа, духовное озарение и, тем более, осознание себя как духа переживают далеко не все, но только избранные. Тем не менее, способность к одухотворению заложена в каждом из нас. Именно эта способность называется духовностью. Мы часто употребляем слово «духовность». Что мы понимаем под этим словом? Принято считать, что религиозный человек является духовным человеком, т. е. обладает большей степенью духовности, чем нерелигиозные люди. Но это не всегда так. Если человек принял раз и навсегда идеалы какого-либо учения, какой-либо идеологии или доктрины, но не пытается проникнуть в их суть и не допускает возможности усомниться даже в отдельных деталях, он становится догматиком, ортодоксом и останавливается в своем духовном развитии. Но если человек не утратил критического отношения, продолжает искать истину, оставляет для себя возможность самосовершенствования, он сохраняет способность идти по пути духа. Можно привести примеры высочайшей духовности людей нерелигиозных, но, тем не менее, явивших миру истинные чудеса творчества. Поэтому мы говорим о «высокой духовности» не тогда, когда оцениваем степень религиозности, но тогда, когда речь идет о способности человека к саморазвитию, когда мы оцениваем творческий потенциал того или иного человека.

Как правило, духовность связывается с наличием высоких идеалов, под которыми понимается исключительно положительное начало, стремление творить добро, любовь к искусству, искренняя религиозность, гуманизм. Это верное, но неполное понимание. Безусловно, духовность связана с устремленностью к высшим идеалам, но, с моей точки зрения, неправильно связывать духовность исключительно с идеалами добра. Нельзя понять, что есть добро, не зная, что есть зло. Именно поэтому в десяти заповедях, цель которых заключалась в том, чтобы направить человечество по пути добра, перечисляется различное зло, на творение которого Бог налагает строгий запрет. Очень трудно разделить в человеке добро и зло, хотя бы в силу относительности этих сущностей. Можно привести много примеров, когда

добро и зло тесно переплетаются в жизни человека, хотя наличие у него духовного начала не подвергается сомнению. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочитать жизнеописание многих деятелей эпохи Возрождения или ознакомиться с фактами жизни великих исторических деятелей или мастеров искусства. Можно ли заклеить Наполеона как личность бездуховную на том основании, что по его вине погибло множество людей? Всем известен вклад в мировую культуру таких художников, как Ван Гог, Гоген или Тулуз Лотрек, но также всем известно, что в своей личной жизни они отнюдь не всегда придерживались высоких моральных принципов. Весьма спорным является утверждение в бездуховности или отсутствии высших идеалов у таких людей, как Гитлер или Сталин, хотя я считаю их настоящими исчадиями ада. С моей точки зрения, духовность может быть положительной (светлой) и отрицательной (темной). Она может быть бесконечно малой, но она всегда есть. **Духовность, как способность ориентироваться на высшие идеалы, есть то главное качество, которое отличает человека от животного.** Ее можно развивать или подавлять, но нельзя уничтожить полностью, не уничтожив при этом человека, т. е. не превратив его в животное. Духовный мир человека, являясь ареной борьбы светлых и темных сил, есть часть духовного мира Вселенной и Универсума. Духовность или духовный потенциал есть частица Творца в каждом человеке, частица, способная к бесконечному развитию, вплоть до слияния с самим Творцом.

БОГ-ТВОРЕЦ И ЧЕЛОВЕК-ТВОРЕЦ

За время работы над книгой мое понимание того, что есть дух и духовность, претерпело существенные изменения. Вернее сказать, если раньше я вообще не имел представления об этих вещах, то сейчас появился некоторый свет в конце туннеля. В самом начале я исходил из того, что дух есть сознание, т. е. проявляется посредством работы нашей мысли. Тогда я рассматривал человека только как единство души и сознания. Позже я пришел к мысли о том, что дух,

так же как душа и сознание, есть самостоятельное начало, обеспечивающее способность человека ощущать свою связь с высшим разумом. Появилась новая формула:

Человек = Душа + Сознание + Дух

На следующем этапе я пришел к выводу, что, в отличие от души и сознания, дух не является неотъемлемой или субстанциональной составляющей человека. Как я уже говорил, можно прожить или просуществовать и без чего-то такого, что вообще имеет отношение к духу, и никогда не испытывать ощущения, которые в какой-то степени попадали бы под определение духовности. И, наконец, я пришел к мысли о том, что, хотя дух и не является субстанциональной составляющей человека, любой человек способен к одухотворению, т. е. к осознанию себя как духа. Эта способность у всех разная и определяется мерой духовности каждого из нас. Доказательством этого является то, что из всех живых существ во Вселенной только человек обладает способностью к осознанному творчеству, уподобляясь тем самым Богу. Божественный Дух избирателен — он не посещает случайных людей. Но по мере осознания своей духовной природы человек перестает быть исключительно пассивным началом по отношению к творческому процессу. Первичный импульс, запускающий механизм одухотворения, исходит от человека, душа раскрывается и оплодотворяется «золотым дождем», вдохновение захватывает душу, наполняет ее восторгом и настраивает сознание на волну творчества.

Я и раньше полагал, что вдохновение, одухотворение и духовность неразрывно связаны с творчеством. Чего я точно не знал, так это того, каким образом все это соотносится с моим представлением о духе, душе и сознании. Теперь мои мысли оформились во вполне связную систему, в которой эти слова перестали быть просто словами и наполнились ясным и близким мне содержанием. Центральным смыслом, объединяющим такие понятия, как «дух», «одухотворение», «вдохновение» и «творение», является взаимопроникновение и взаимодействие, лучше сказать, единство духа Бога-Творца и Человека-Творца в никогда не прекращающемся

процессе творения мироздания. Я употребляю здесь заглавные буквы и по отношению к человеку, т. к. в этом случае он выступает как непосредственное проявление Божественного начала. Именно таким образом я понимаю известную формулу: Бог — в человеке, человек — в Боге. Творчество при этом предстает как единый процесс взаимодействия человека с Высшим разумом и выступает как ядерный процесс всего Универсума. Видение творчества как процесса саморазвития и самосовершенствования Бога и человека позволяет подойти к пониманию того, кто мы есть на самом деле, и к осознанию смысла бытия. Именно такое или близкое к нему представление о духе и духовности исповедовали гностики, учившие, что цель христианства — стать Богом (37, с. 72).

ТРИ УРОВНЯ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

В этой части я продолжаю тему духа. Если раньше, пытаясь понять, что есть дух и что есть человек как существо духовное, я дискутировал сам с собой, то представление о многоуровневой природе человека возникло в результате моих внутренних дискуссий с другими философами, с трудами которых я познакомился уже после того, как мое собственное видение в общих чертах уже сложилось. Можно сказать, что, не разобравшись досконально в данном вопросе, я, очертя голову, попытался пробить стену, за которой скрыта одна из величайших тайн человечества — тайна Духа. Но возможность понимания других концепций и критического отношения к ним появилась у меня только тогда, когда я выработал свою точку зрения по данному вопросу. Я полагаю, такой подход в данном случае более продуктивен, чем построение своего видения на основе изучения всего многообразия уже существующих концепций, т. к. есть серьезная опасность попасть под их влияние и никогда не добаться до самостоятельной работы.

Мой учитель Г. П. Щедровицкий как-то сказал, что нет более захлавленной комнаты, чем философия. Тем самым он надолго отбил у меня охоту читать философские труды. Когда через много лет я все-таки стал их читать, я ощутил

обиду на моего учителя. Но это скоро прошло — я понял, во-первых, что он имел в виду не философию вообще, а современную философию, и, во-вторых, самое главное, что дал нам всем Г. П., это умение самостоятельно мыслить. Только овладев этим умением, можно проникнуть в суть философской мысли и отличить истинное мышление от суррогата.

Как уже было сказано, приступая к разработке той или иной темы, я не спешу погружаться в литературные источники. Я начинаю просматривать философские трактаты по интересующей меня теме только после того, как собственное видение или отношение к тому или иному вопросу уже сложилось. Это позволяет мне не только внимать мудрости великих умов, но критически относиться к их учениям. Тем самым я реализую важный для меня принцип: сначала познай себя и только после этого пытайся понять других. Такой подход позволяет чувствовать себя первопроходцем и дает мне заряд дополнительной энергии.

Не изменил я своему принципу и на этот раз. Но, ознакомившись с историей вопроса, в частности с работами С. Франка и Н. Бердяева, я осознал, что был не совсем прав, когда утверждал, что понятие «дух» все еще не разработано. История становления и развития представлений о духе уходит в глубокую древность. Уже Платон (V—IV вв. до н. э.) разработал учение о духе как идеальной основе мира. Как отмечает Бердяев, основы христианского понимания духа мы находим в Новом Завете, где сказано, что дух есть не сознание или мысль человека, а духовное состояние, определяемое божественным вдохновением. По его мнению, дух есть Дух Святой, и он относится к душе, как кровь относится к телу (5, с. 243). Один из отцов церкви, основоположник христианской философии Августин говорил, что Бог живет в глубине человеческого духа, тем самым, на мой взгляд, признавая богоподобие человека. Бердяев полагал, что дух есть нечто, не принадлежащее полностью человеку, но имеющее сверхчеловеческую природу. Эту мысль развивает и С. Франк: «...глубинный слой человеческого духа есть в отношении Бога не его творение, а его эманация — то, что исходит из него, рождается или проистекает» (35, с. 335).

Подобное понимание мы находим и у Св. Терезы Авильской. В своем «Внутреннем чертоге», наиболее зрелом ее произведении о мистической жизни, она писала, что Святой Дух снисходит и вселяется в средоточие души, и это случается вне времени и пространства. Как и все мистики, она исходила из того, что дух есть мужское, активное начало, а душа — женское, пассивное начало. К сожалению, я не имел возможности читать это произведение в оригинале. Поэтому могу судить о ее видении отношения души и духа по пересказу оригинального текста, принадлежащего Ж. Мак-Леан: «Божественная любовь пробуждает душу посредством ее внутренних ощущений, а не внешних телесных воздействий. Душа начинает лицезреть внутренним зрением, либо слышит Его Божественный зов, или восчувствует тонкий, внутренний аромат, благоухание Святого Духа. Душа обручается со Всесвятым по-разному. Духовная милость ниспосылается от Святого Духа, чтобы приуготовить душу к роли Его Невесты. Это любовное соитие с Божественным невыразимо и таинственно, постижение его — выше разума».

На протяжении всей истории человечества самые выдающиеся мыслители бились над разгадкой тайны духа. Работа в этом направлении не прекращается и в наши дни. Тем не менее, несмотря на то что есть долгая и богатая история попыток проникновения за полог этой великой тайны, единого понятия о духе нет и по сей день. Есть самые разные, нередко противоречивые концепции. Одни из них абсолютно неприемлемы для меня, другие частично или даже в значительной степени приближаются к моим представлениям о духе. Понятно, что я не мог углубиться в детальное изучение всех трудов в этой области. Поэтому здесь я сосредоточил внимание на произведениях тех авторов, концепции которых наиболее близки моему видению. Важными критериями моего отбора были понимание духа как самостоятельной субстанции, не сводимой ни к сознанию, ни к душе, и увязка проблемы понятия «дух» с проблемой понятия «творчество». Именно такой подход я нашел в трудах С. Франка и Н. Бердяева. Не вызывает сомнения также то, что мысли о духе как особой энергии творчества разделял и Тейяр де Шарден,

который считал, что материя делится на две зоны: зону материи в ее материальном и чувственном аспекте и зону материи, представленную усилиями роста, поиска, покорения, обожения — зону материи в аспекте духовном (29, с. 79—80). Все перечисленные им моменты, характеризующие вторую зону, являются необходимыми условиями самосовершенствования и развития человека. Это дает все основания полагать, что Шарден рассматривает дух и творчество как взаимодополняющие понятия. Думаю, что настороженное отношение официальной церкви ко всем этим философам было не в последнюю очередь обусловлено неприятием их взглядов на природу духа и творчества, выходящих далеко за пределы канонических представлений.

Ознакомившись с работами «Реальность и человек» С. Франка и «Дух и реальность» Н. Бердяева, я не то чтобы был потрясен, но испытал весьма сложный букет ощущений. Сначала это было разочарование, но не в концепциях и подходах авторов к проблеме духа, а в себе самом, т. к. то, что для меня было новым знанием, оказалось давно постигнутым этими философами. Затем пришло чувство восхищения силой их мысли. И уже позже — удовлетворение, вызванное осознанием того, что мои представления о духе и творчестве по целому ряду аспектов довольно близки взглядам этих выдающихся мыслителей. И еще один важный момент — если бы я не стал самостоятельно работать над этой темой, то никогда бы не открыл их труды и не смог бы убедиться в их гениальности. Поразмыслив таким образом, я успокоился и даже остался довольным собой.

В то же время я не могу сказать, что мои представления полностью совпадают с видением С. Франка и Н. Бердяева, хотя в наших взглядах больше сходства, чем различия. В частности, мое понимание соотношения духа и души существенно отличается от понимания Франка. Исходя из того, что Бог есть инстанция чисто трансцендентная, извне противостоящая человеку, он, тем не менее, утверждает, что эта инстанция есть имманентная (внутренне присущая) основа собственного существа человека. С его точки зрения, внутри

человеческой души присутствуют два слоя, соответствующие тварному (сотворенному Богом) и не-тварному началу. Другими словами, он полагает, что природа человека предполагает наличие в себе природы духовной (35, с. 327). Это говорит о том, что, несмотря на неоднократное подчеркивание внешнего по отношению к человеку, трансцендентного начала духа, С. Франк все-таки рассматривает его как некоторый реально существующий объект, происхождение которого можно объяснить не только божественной, но и человеческой природой.

Я принимаю положение о двойной природе души, божественной и человеческой, в том смысле, что душа, являясь неотъемлемой частью человека, одновременно есть частица Мировой души. В то же время я не могу согласиться с тем, что дух есть один из «слоев» души, т. е. ее часть. Этот момент оспаривает и Н. Бердяев. Он считает, что дух не только не есть объективная реальность, но не есть бытие как рациональная категория. С его точки зрения, духа как реального предмета нет нигде и никогда. Дух есть иное, высшее качество существования, чем существование душевное и телесное. «Трехчленное понимание человека как существа духовного, душевного и телесного имеет вечный смысл и должно быть удержано. Но это совсем не означает, что в человеке есть как бы духовная природа, наряду с природой душевной и телесной, это значит, что душа и тело человека могут вступить в иной, высший порядок существования...» (35, с. 232).

Несмотря на отдельные расхождения, оба эти философа, Франк и Бердяев, были согласны с тем, что дух имеет внешнюю по отношению к человеку природу. Отмечая, что дух человека есть инобытие Бога, или проявление сверхчеловеческого в человеке, Франк писал: «Во мне в качестве последней, глубочайшей основы моего собственного существа светит, как «искорка», луч, исходящий из центрального Солнца Бытия» (35, с. 335). Тем не менее, мне более близка точка зрения Бердяева на человека как существо духовное, которое обладает духовной энергией, но не имеет объективной духовной природы, духовной субстанции, в противоположность душевной и телесной (5, с. 233). Наше телесное, или

физическое, начало есть только форма, удерживающая наше душевное и духовное содержание. Тело является специально сконструированным механизмом, обеспечивающим возможность бытия духа и души в мире времени и пространства. Такое понимание заставляет глубже задуматься над известным представлением трехуровневой природы человека как существа духовного, душевного и телесного. Объединение в одной формуле духа и тела является результатом объективации духа, т. е. как раз результатом того, против чего выступал Бердяев. Объединять таким образом дух и тело — это то же самое, что полагать, что литературное произведение есть совокупность содержания книги и ее материальной формы (переплета, страниц, шрифта, иллюстраций и т. д.). Конечно, книга предполагает наличие как содержания, которое может заставить нас сопереживать героям, смеяться или плакать, так и формы, которая позволяет подать это содержание в удобном для его восприятия виде, но роман, тем не менее, не есть совокупность сюжета, переплета и страниц. Человек, несмотря на то что обладает телом, душой и способностью к одухотворению, также не должен рассматриваться как их механическое соединение. Допуская такое соединение, мы создаем иллюзию того, что дух есть некоторая часть человека, которая, подобно другим частям, может находиться в определенном месте его тела.

Полагание в одном ряду тела, души и духа, как равноправных составляющих, на мой взгляд, не столько проясняет, сколько затемняет понимание человеческой природы. Как пример можно привести известное всем утверждение: «В здоровом теле — здоровый дух». Чтобы проникнуть в его суть, я обратился к словарю синонимов русского языка. И каково было мое удивление, когда я обнаружил, что эквивалентом слова «дух» являются такие слова, как «запах» или «зловоние». Никто не будет спорить с тем, что здоровое тело пахнет лучше или имеет более приятный дух, чем не совсем здоровое или больное тело. Очевидно, что понимание духа как запаха позволяет допустить наличие здравого смысла в приведенном утверждении. Но не менее очевидно, что такая трактовка духа не имеет никакого отношения к духу в вы-

соком понимании этого слова. Не хотелось бы думать, что в подобном отношении к слову «дух» проявляется специфика русского национального сознания, но ничего подобного вы не найдете, например, в английском языке. Конечно, на любом языке можно сказать, что нехорошие или подлые мысли человека дурно пахнут, но из этого не следует, что существует прямая связь физической формы и внутреннего содержания человека. Среди моих знакомых есть не очень здоровые, и даже больные люди, которые, тем не менее, обладают выдающимися умственными и душевными качествами. В то же время можно обладать физически совершенным телом, но при этом быть совсем неумным и абсолютно бездуховным человеком. На этот счет в русском языке также есть высказывание, которое гласит: сила есть — ума не надо. Для меня совершенно очевидно, что такие характеристики тела, как размер, вес, плотность или запах, невозможно соотнести с тем, что мы можем помыслить как качества души (доброта или злобность) и духа (стремление к творчеству).

Исходя из вышесказанного, я считаю целесообразным внести изменения в традиционную трехчленную формулу человека. Это надо сделать не потому, что эта формула в принципе неверна, но для того, чтобы избежать неадекватного ее прочтения, позволяющего рассматривать человека как механическое соединение тела, души и духа. Человек, безусловно, есть существо телесное, душевное и духовное. Но, поскольку тело есть субстанция, имеющая совершенно иную природу, нежели душа и дух, они не могут рассматриваться на одном уровне подобно сущностям одного и того же порядка. Тем не менее, было бы неправильно утверждать, что душа и дух вообще не связаны с нашей телесной природой. Как говорил Будда, без идеально здорового тела человек не может познать блаженства (17, с. 118). В отличие от очевидного приоритета тела в высказывании «в здоровом теле — здоровый дух», буддистская традиция исходит из того, что здоровье или физическое состояние человека предопределяется его духовной основой. Так или иначе, от нашей физической природы или от нашего тела мы избавиться не можем. Я вижу выход в выделении тела как самостоятельного уровня природы человека:

$$\begin{aligned}\text{Человек} &= \text{Душа} + \text{Дух} \\ \text{Человек} &= \text{Тело}\end{aligned}$$

В отличие от исходной трехчленной формулы здесь подчеркивается принципиальное различие между человеком на уровне природы телесной (физической) и человеком на уровне природы душевной и духовной.

Важно уточнить, что под природой телесной я понимаю не только наше физическое тело, но и сознание человека. Я знаю, что не все согласятся с таким пониманием. Поэтому постараюсь кратко его обосновать. Как уже отмечалось, говоря о сознании человека, я имею в виду отнюдь не мозг, являющийся составной частью нашего физического тела, но понятийные и образные структуры, а также различные техники, которыми человек оперирует в процессе мышления. Каждый человек имеет свое индивидуальное сознание, отличное от сознания другого человека. В отличие от души и духа его можно представить как вполне привычный объект изучения, т. е. можно моделировать, структурировать, анализировать и т. п. На сознание можно воздействовать, им можно манипулировать. Это говорит о том, что, несмотря на то что наше тело и наше сознание представляют собой совершенно разные вещи, и то и другое может быть объективировано, или представлено, как реально существующий объект. Это есть первое необходимое условие, позволяющее отнести тело и сознание к общему для них физическому уровню человеческой природы.

Продолжая сравнение с компьютером, можно сказать, что каждое живое существо имеет свое программное обеспечение, которым и является то, что мы называем сознанием. Есть ли душа у животных — вопрос, окончательно не разрешенный до сих пор. Но мало кто сомневается, что у животных есть сознание. Можно задаваться вопросом, что собой представляет сознание муравья или пчелы, но то, что оно у них есть, сомнений не вызывает. Еще сложнее помыслить человека только как тело, как некий материал без проблеска мысли, т. е. того, что является продуктом

работы сознания. Мы, конечно, можем представить такое состояние, но то существо, которое будет в нем пребывать, вряд ли можно назвать человеком. Принципиальное отличие сознания человека от сознания других живых существ заключается не в его сложности, а в степени свободы выбора или, если хотите, в полипрограммности и в наличии механизма переключения с одной программы на другую. Если согласиться с этим, то становится очевидным, что любое живое тело без наличия сознания есть просто биологический материал, неспособный к существованию, точно так же как компьютер без программного обеспечения есть просто груда металла. Тело само по себе, как набор костей, мышц, нервов и внутренних органов, еще не есть человек и само по себе существовать не может. Необходимо еще нечто, что не только координирует работу всех этих частей, но и позволяет организму выживать в природной и социальной среде. Этим нечто является сознание.

Принципиальная невозможность существования человека в физическом плане бытия только как тела, т. е. тела без сознания, является вторым, на мой взгляд, достаточным условием, позволяющим рассматривать сознание как сущность, которая так же, как тело человека, принадлежит к уровню физической природы:

$$\begin{aligned}\text{Человек} &= \text{Душа} + \text{Дух} \\ \text{Человек} &= \text{Тело} + \text{Сознание}\end{aligned}$$

На этом трансформация исходной формулы еще не закончена. Как уже отмечалось, душа и дух также являются сущностями разнотелесными и в силу этого не должны располагаться на одном уровне схемы. Всем известны выражения «болит душа», «радуется душа» или «ликует душа». Когда мы ощущаем душевную боль или горечь, переживая незаслуженную обиду, мы, как правило, чувствуем физическую боль или тяжесть во вполне определенном месте нашего тела. Не знаю, как у вас, а у меня при этом возникают весьма отчетливые ощущения в области сердца. Но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь жаловался на то, что у него болит

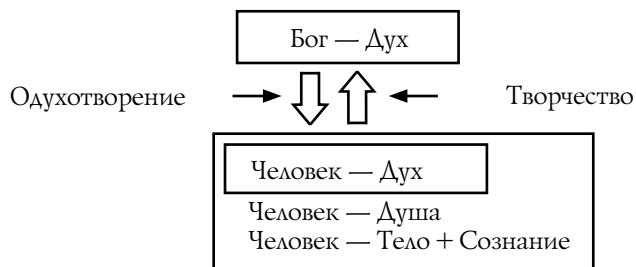
дух или радуется дух. На мой взгляд, это можно объяснить тем, что дух имеет принципиально иную природу, нежели тело и даже душа человека, природу не физическую и не чувственную. Многие люди, как уже говорилось, не только не ощущают своего духовного начала, но и никогда не вспоминают о таковом. Но если дух осчастливил нас своим присутствием, то мы ощущаем его физически, что выражается в подъеме жизненных сил и творческой активности. Душа, оплодотворенная духом, ощущает его, радуется и ликует. Душа и Дух настолько различаются по своей природе, что никак не могут находиться на одном уровне. Поэтому пришлось переписать, а вернее, видоизменить формулу человека еще один раз. В этой формуле выделяются три уровня бытия или природы человека, соотносимых с духом, душой, телом и сознанием.

Человек = Дух — божественная природа человека

Человек = Душа — чувственная природа человека

*Человек = Тело + Сознание — физическая
природа человека*

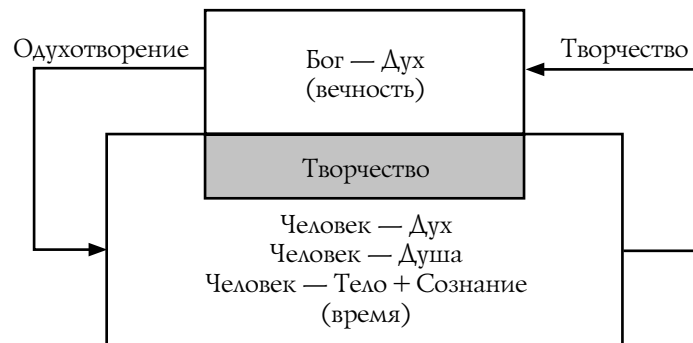
Я разделяю точку зрения Н. Бердяева на дух как высшее качество существования по сравнению с душевным и телесным существованием. Такое представление о духе заставляет произвести еще одну трансформацию формулы человека.

Поскольку дух человека, по С. Франку, есть «искорка» луча, исходящего из центрального Солнца Бытия, то должен быть введен еще один уровень, без которого понять природу духа невозможно. Это уровень Солнца Бытия, или уровень

Бога. Стрелка от уровня Бог—Дух к уровню Человек—Дух означает нисхождение Духа, или процесс одухотворения. Это движение из вечности во время. Стрелка в противоположном направлении обозначает переход из времени в вечность, восхождение или возвращение человеческого духа к Богу, процесс, который и является творчеством.

И наконец, последний шаг преобразования формулы предполагает структурирование данной схемы путем выделения в ней разных пространств, изображающих действительности вечности, времени и творчества: пространство Бога — Высшего Духа (1), пространство человека (2), пространство творчества (3), находящееся на пересечении первых двух пространств.

Бог пребывает в вечности, а бытие человека протекает во времени. В пространстве одухотворения время «встречается» с вечностью, земное — с небесным, человеческое — с божественным. Именно здесь происходит «обручение» души и духа — таинство, описанное многими мистиками, в частности Терезой Авилакой, как таинство, происходящее вне времени и пространства. Такое представление проливает свет на тайну творчества и позволяет понять, в силу чего результаты труда земных творцов становятся бессмертными произведениями, которые навсегда закрепляются в золотом фонде человеческой культуры.

Последнее изображение в отличие от исходной трехчленной схемы представляет собой модель, в которой не только указаны различные элементы или составляющие человека,

но и введены иерархические и процессуальные отношения между ними. Оно дает возможность представить взаимоотношение Бога и Человека, место и роль творчества в этом взаимодействии. Эта модель позволила мне прояснить собственные представления о том, что́ есть дух, душа, сознание и тело, осмыслить отношение бытия во времени и бытия в вечности и, наконец, вникнуть в суть выражения «Человек есть образ и подобие Божье».

* * *

Когда я пришел к заключению о трехуровневой природе человека, у меня появилось ощущение, что наши далекие предки знали и понимали то, что́ есть дух, одухотворение, духовность и творчество, значительно лучше, чем знаем и понимаем мы. Ведь не мы, а они придумали все эти слова. Думаю, что, в отличие от нас, для них это были не просто слова — они вкладывали в них какой-то иной смысл. Наши праотцы и праматери не просто слепо верили в Бога — они знали, что Бог есть не только Высший Дух, Создатель, но и Творец всего сущего. Здесь важно подчеркнуть принципиальную разницу между Создателем и Творцом. Первый создает нечто, подобно ремесленнику, всю свою жизнь produцирующему одни и те же изделия. Основной смысл деятельности Творца — самосовершенствоваться, развивать или сотворять самого себя. Наши далекие предки знали, что центральным, или ядерным, процессом не только для Вселенной, но и для всего Универсума является постоянное самосовершенствование и развитие Духа, процесс творения или Божественного творчества. Они знали, что Вселенная, или мир физический, мир времени и пространства, существует как механизм, обеспечивающий этот процесс. Ключевая роль в этом механизме отведена человеку, который находится на пересечении природы божественной и природы физической, или телесной.

Подобное представление мы находим у гностиков, которые разделяли людей на три категории согласно их уровню самопознания: гилики (hylíkoí), психики (psychicoí) и пневматики (pneumaticoí) (37, с. 100—101). Гилики, или «материалисты», отождествляют себя с телом, психики — с психе, или

душой, пневматики понимают, что являются духом. Подавляющая масса людей принадлежит к гиликам. В языческих, иудейских и христианских традициях, для того чтобы стать психиком или пневматиком, необходимо было пройти специальные ритуалы посвящения, обеспечивающие доступ к особым эзотерическим знаниям. Таким образом, гностики полагали, что душа и дух не являются обязательным достоянием любого человека, но истинное обладание ими дается только избранным, способным осознать в себе присутствие души и духа. Психики обладали более высоким уровнем знаний, чем гилики, но более низким, чем пневматики. Только последние, осознавая свою непосредственную причастность к Духу Божьему, могли судить обо всем.

ГЛАВА 6

ДОБРО И ЗЛО

Я образую свет и творю тьму,
делаю мир и произвожу бедствия;
Я, Господь, делаю все это.

Исайя (45), Библия

Что есть добро и что есть зло? Зачем вообще нужно зло? Может ли существовать мир без зла? Трудно найти вопросы, которые бы во все времена больше занимали умы людей. И не только высоколобых мыслителей, но и самых разных людей, занятых своими повседневными заботами и весьма далеких от философствования. Спросите ваших друзей или знакомых, что они думают об этом, и вы увидите: этот вопрос заинтересует многих из них. Хотя люди, как правило, стараются уклониться от серьезного его обсуждения, некоторые все-таки выскажут свои соображения. Большинство полученных ответов будут весьма схожими: добро — это то, что хорошо и полезно для меня и моих близких, а зло, соответственно, все то, что вредно для нас. Возможны и другие ответы. Они, скорее всего, будут выражать весьма разные точки зрения. Наконец, обратитесь к самому себе и постарайтесь предельно честно ответить, что вы понимаете под добром и злом. Думаю, это окажется не совсем простым делом. Хотя вопрос о сути добра и зла относится к вечным вопросам, я убежден: ответ на него давно дан. Представьте себе, что желаемый ответ вам подадут «на блюдечке с голубой каемочкой». Как человек мыслящий, вы вряд ли сможете принять его как истину в последней инстанции. Но много ли вы знаете действительно мыслящих личностей? Реалии таковы, что подавляющее большинство, особо не задумываясь, принимает преподносимые им в готовом виде представления. На мой взгляд, именно полное отсутствие привычки самостоятельно мыслить является одной из главных причин умножения зла в мире. Хорошо известно, к чему ведет убеждение какой-либо группы людей, что их

религия есть самая верная или истинная и что только их вера ведет по пути добра. С их точки зрения, все другие религии и верования являются заблуждением и ересью, а люди, их исповедующие, — носителями зла или неверными. К сожалению, мы очень хорошо знаем, сколько крови пролито и продолжает литься и поныне в религиозных войнах и столкновениях. Уверен, наше личное понимание добра и зла предопределяет все наши поступки, наше отношение к действиям других людей, отношение к самим себе и к миру, в котором мы живем. Именно поэтому я делаю попытку самостоятельно разобраться в этих вопросах.

Одно дело — размышлять над каким-либо предметом, другое — записывать свои мысли, и уж совсем особое занятие — записывать их с определенной осознанной целью. Только с этого момента начинается действительно серьезная мыслительная работа, во всяком случае для меня. Размышлять о том, что есть добро и что есть зло, я начал давно. Так давно, что и не помню, когда это впервые случилось. Записывать свои мысли я начал относительно недавно, когда приступил к работе над книгой. Довольно скоро мне стало ясно: понять природу мироздания и, что для меня одно и то же, построить свою модель мира совершенно невозможно, не уделив должного внимания проблеме добра и зла. Вы, конечно, можете спросить: а в чем, собственно, проблема? Жил ты себе большую часть своей жизни, не обращая на это особого внимания, а теперь вдруг — проблема! В том-то и дело, что такой проблемы не существует до тех пор, пока вы сами ее не поставите, пока не осознаете, что понимание природы добра и зла принципиально важно лично для вас. Но уж если это произошло, т. е. вы стали размышлять об этом, то считайте, что проблему вы имеете. И это есть ваша личная проблема.

Сейчас я уже знаю, как много мыслительной энергии было затрачено на разработку понятий добра и зла в течение многих столетий. Но когда глава только задумывалась, я слабо ощущал всю сложность этого вопроса. Теперь я хорошо себе представляю, насколько мала вероятность того, чтобы добавить что-то новое и, тем более, интересное к тому, что

уже написано по данному вопросу. Поэтому, когда пришла мысль о том, что присутствие злого начала в мире есть такое же необходимое условие его существования, как и наличие добра, я был уверен, что совершил великое открытие. И оно действительно было сделано, но открытием это было только для меня. Как оказалось, такие представления уже есть и, более того, они существуют с самых древних времен. Тем не менее, время было потрачено не зря. Ведь я никогда бы не узнал об этом, если бы не стал сам интересоваться этой извечной проблемой. Когда я делюсь с друзьями своими мыслями и наработками, то оказывается, что эти давно открытые истины им неизвестны. Мои слова они воспринимают как некоторое откровение. Это говорит о том, что не просто можно, но даже необходимо обсуждать проблему добра и зла в наше время. И не только в наше. Пока будет существовать разум во Вселенной, эта проблема всегда будет волновать умы.

ЧТО ЕСТЬ ДОБРО И ЧТО ЕСТЬ ЗЛО?

— Ты любишь змей? — Вопрос Даниила застал меня врасплох.

— Нет, хотя и понимаю их особенную красоту, — осторожно ответил я, еще не понимая, куда он клонит.

— А почему ты их не любишь?

— Наверное, потому, что образ змеи я связываю с опасностью. Змея воспринимается мною как символ угрозы и поэтому как символ зла.

— Но представь себе, что будет, если извести всех змей на Земле, всех акул или всех вредных насекомых. Не будет ли это еще большим злом, чем их присутствие в нашем мире? Когда-то китайцы попытались уничтожить всех воробьев, и к чему это привело? Все имеет свое предназначение, и поэтому любая тварь имеет право на жизнь.

— Согласен. Но представь, что змея заползла к тебе в дом или крысы с комфортом обосновались на твоей кухне, а в постели завелись кровососущие паразиты. Ты будешь с ними бороться, убивать их?

— Буду!

— Но как же тогда быть с твоим утверждением, что все твари земные имеют право на жизнь? Получается, что маньяки-убийцы, похитители детей, насильники и вообще подонки всех мастей тоже имеют право на жизнь? Следуя твоей логике, они имеют это право, так как тоже созданы Творцом.

— Да, имеют! Именно поэтому человечество идет по пути отказа от смертной казни.

— Но представь себе, что на твоих глазах убивают твоих родителей, жену или детей. Как бы ты себя вел в этой ситуации?

— Убил бы гада! — не задумываясь, выпалил Даниил.

И дальше пошел разговор об относительности добра и зла. Мы оба поняли: нет в мире ничего такого, что однозначно можно было бы считать злом или добром. Все зависит от конкретной ситуации и от нашего душевного состояния. Любое явление или живое существо, любой предмет, который мы привыкли считать безусловным добром или олицетворением зла, при определенных обстоятельствах может обратиться в свою противоположность. Как же тогда быть с дьяволом, как воплощением и прародителем вселенского зла? И как относиться к Богу как изначальному и всеобъемлющему источнику добра? Ведь это он сотворил лань и тигра, кролика и удава. И то, что есть добро для тигра и удава, есть зло для лани и кролика.

После этого разговора до того момента, когда я писал эти строки, прошло почти три года. За это время, как мне кажется, я существенно продвинулся в своем понимании природы добра и зла. Но тогда я ощутил легкое головокружение по причине того, что усомнился в своих представлениях. Я понял: чтобы разобраться во всем этом, надо начать с самого начала, т. е. с того момента, который мы можем помыслить как исходную точку появления добра и зла в мире. Если можно вообще допустить существование такой точки, то вполне уместно задать вопрос о причине возникновения этих двух противоположных сущностей, вопрос о том, кому и, главное, зачем это было нужно.

МОЖЕТ ЛИ СУЩЕСТВОВАТЬ МИР БЕЗ ЗЛА?

Может ли существовать мир без зла, без всего того, что омрачает нашу жизнь: убийств и насилия, лжи и измен, зависти и коварства? Именно такую картину мы находим в описаниях рая, сказках и преданиях практически всех времен и народов. Мир, в котором нет места злу, — это прекрасная, но недостижимая мечта или возможная реальность? Может ли такое в принципе быть? Давайте представим себе такую возможность. Что случилось бы с человечеством, если бы оно по мановению волшебной палочки очутилось в раю? Именно таким размышлениям мы, я с моим другом Виталием Патровым, предавались в один из теплых осенних вечеров на брайтонском пляже.

— Хотел бы ты провести остаток твоей жизни в раю? — спросил я моего друга.

— А как это?

— Как на Гавайских островах. Лежи себе сколько хочешь на пляже под пальмой. Все у тебя есть, работать не надо и вообще ничего делать не надо. Тебя никто и ничто не трогает, ты никому не мешаешь, жена не пристаёт, мухи не кусают. Одно занятие — наслаждаться жизнью.

— Вообще-то неплохо было бы, — мечтательно сощурился Виталий, — но...

— Что «но»?

— Но долго бы не выдержал.

— Почему?

— Скучно.

Честно говоря, другого ответа я и не ожидал. Слишком хорошо я знаю моего друга. Он не совсем нормальный или, вернее, совсем ненормальный. Действительно, разве может нормальный человек отвергнуть перспективу райской, беззаботной жизни? Нормальный, т. е. представитель большинства, не может. Но для личности творческой такая перспектива означает остановку в духовном развитии, а значит, равносильна смерти.

Тем не менее, я уверен, что подавляющее «нормальное» большинство безо всяких колебаний и с восторгом согласилось бы поменять свое существование на жизнь в раю.

Я далек от мысли, чтобы осуждать кого-то. Но что случилось бы с человечеством, если бы оно предпочло жизнь в раю суете земного бытия? Для меня ответ очевиден. Оно просто перестало бы существовать как сообщество, наделенное разумом, деградировало бы до уровня животных. Именно поэтому изгнание Адама и Евы из рая было не наказанием за первородный грех, а закономерным, т. е. предусмотренным Богом и единственно возможным для человечества началом. Как сказано у Екклесиаста, пожирает сердце свое глупец, сидящий праздно: «Кто наблюдает ветер, тому не сеять; и кто смотрит на облака, тому не жать».

Бог сотворил Вселенную и все, что в ней есть, в том числе добро и зло. Бог ничего не делает случайно. Все переплетено в едином орнаменте Универсума. Все подчинено жесткой, непостижимой для смертных, логике Творца, логике взаимосвязи жизнедеятельности Природы и Человека. У Екклесиаста сказано, что участь сынов человеческих и участь животных — участь одна, и что нет у человека никаких преимуществ, потому что все — суета! Все идет в одно место; все произошло из праха и все возвращается в прах. Я категорически не приемлю сие утверждение. Мир был сотворен Богом. Следовательно, все произошло от Бога. Путь Вселенной и путь человечества лежит от Бога к Богу. Это путь от вечности через многочисленные циклы рождение—жизнь—смерть—рождение на земном, пространственно-временном, плане к вечности. Этот путь предполагает восхождение к Богу — Абсолюту совершенства.

Человек не есть чистая, понимаемая в физическом контексте, материальная субстанция. Человек — это, прежде всего, дух, и поэтому он вечен. Человек есть человек только потому, что он способен творить. Творить мир вокруг себя и творить самого себя. Творить — значит развивать и развиваться самому. Творчество невозможно в условиях, когда человек надежно огражден от любой мыслимой опасности, испытывает чувство полной удовлетворенности и умиротворенности. Хотите развиваться, получите трудности. Хотите сеять, выйдите из укрытия, подставьте лицо ветру и делайте свое дело. Но трудности и опасности, как правило, отождествляются со злом. Поэтому хотите развиваться, знайте, что вы

выбираете дорогу борьбы. Эту дорогу невозможно пройти без риска столкновения с трудностями, без встречи со злом в самых разных его проявлениях. Именно это — главная мысль, которая лежит в основе всех мифов и народных сказаний. Вспомните сказки, в которых рыцарь или богатырь, доехав до развилки дорог, получает сообщение о том, какая судьба его ожидает на каждой из них. Естественно, он выбирает наиболее опасный путь. За всем этим скрыта не просто идея вечной борьбы добра и зла, но идея пути Человека к Богу. Человек сознательно выбирает этот путь, предпочитая его менее опасным вариантам. Он точно знает, что в этом случае столкновение со злом неизбежно. Но он также знает, что это единственный путь, ведущий к Богу.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К ЕККЛЕСИАСТУ: ЦАРЬ СОЛОМОН О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Мне кажется, что я не принадлежу какому-то одному времени, какой-то определенной эпохе. Стоит мне закрыть глаза, и я мысленно легко переносюсь из одного времени в другое, из нашего мира, где время летит с ужасающей быстротой, не давая возможности остановиться и оглянуться назад, туда, где прошлое сливалось с настоящим в единый временной континуум, а будущего, как отличного от настоящего, вообще не было. Такое ощущение времени мы находим в книге

Екклесиаста, написанной, по преданию, царем Соломоном: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было; и Бог воззовет прошедшее» (6, Еккл., гл. 3, 15). В своих снах я вижу себя то в толчее средневековой крепости или в таинственном полумраке феодального замка, то под ярким солнцем античного города. Может быть, именно поэтому мне всегда была интересна история Средних веков и Древнего мира. Может быть, наоборот, причина моих ночных полетов во времени скрыта в моем увлечении историей. Не знаю. Знаю только одно: чем дольше я живу, тем сильнее меня тянет в глубь веков. Все сильнее ощущение того, что, будучи вовлеченными в стремительный поток технического прогресса, одуряющую бытовую суету, ослепленные желанием получить как можно больше благ и сиюминутных удовольствий, мы безнадежно оторвались от прошлого, разучились думать о вечном и в силу этого плохо представляем, что нас ждет в будущем.

Такие мысли заставили меня снова вернуться к Екклесиасту, к его рассуждениям о вечном поиске смысла человеческой жизни. Я обращался к нему, когда начинал эту книгу, и сейчас, когда ее завершение уже близко, опять возвращаюсь к этому источнику древней мудрости. Именно к нашему времени, которое для меня начинается с рождением XX века, казалось бы, во всей полноте можно отнести слова: «Суета сует, — все суета» (6, Еккл., гл. 1, 2). Но этот же век дал жизнь величайшим открытиям, и именно XX век стал переломной эпохой в истории человечества. Это говорит о том, что и в нашей противоречивой эпохе, как и во все другие времена, есть место для высокого творчества, разрывающего удушающие границы суеты.

Древний мудрец как бы ведет дискуссию с самим собой. С одной стороны, он утверждает, что не стоит напрасно тратить силы в этой скоротечной жизни на созидание, т. к. все есть суета. С другой — призывает к активной жизни:

«Утром сей семя твое
и вечером не давай отдыха
руке твоей» (6, Еккл., гл. 11, 6).

Он явно осуждает лень как главный порок, замораживающий любой порыв к творчеству:

«Кто наблюдает ветер,
тому не сеять;
и кто смотрит на облака,
тому не жать» (6, Еккл., гл. 11, 4).

Я связал мысли Екклесиаста о бессмысленности суеты мирской и противостоящей ей ценности активной жизни с моими мыслями о противоборстве добра и зла. Лень безусловно ведет к умножению зла. Активная, созидательная позиция побуждает творчество, развитие духовности, т. е. ведет к Богу, что само по себе есть добро. Но так ли это очевидно? Если все так просто и однозначно, тогда зачем было бы такому мудрецу, как царь Соломон, вообще рассуждать на эту тему и порождать смятение духа мыслителей многих поколений? И в те дальние времена лень была общепризнанным пороком и, как настаивает Каббала, главным грехом человеческим. Активную деятельность, труд издревле почитали как добродетель. Чтобы еще раз указать на это, не надо было разводить изощренное философствование.

Многие читали эту книгу или слышали о ней. Но задайте себе вопрос: о чем она? Уверен, что подавляющее большинство не сможет ответить на этот вопрос. Недавно я спросил об этом одну из своих знакомых. Ответ меня поразил — она сказала, что эта книга о том, что все в мире изменяется. Скорее всего, она не читала Екклесиаста или была знакома только с выдержками из него. Но она была бы очень удивлена тому, насколько ее ответ близок к истине. Большинство считает, что речь в этой книге идет как раз об обратном — о том, что ничего в мире не меняется, о том, что все, что будет, уже когда-то было:

«Род проходит,
и род приходит,
а земля пребывает вовеки.
Идет ветер к югу
и переходит к северу,
кружится, кружится
на ходу своем,
и возвращается ветер
на круги свои...» (6, Еккл., гл. 1, 6)

Так о чем же эта книга? Какую цель ставил перед собой ее создатель? Какую главную мысль он стремился донести до читателя? Можно предположить, что он осуждает суету нашей жизни и рассматривает эту суету как зло, противопоставляя ей созидательный труд как добро. Получается тогда, что суетиться — плохо, а созидать — хорошо. Здесь уместно задать вопрос: что мы понимаем под суетой и что под созиданием? Оказывается, что зачастую трудно провести границу между суетой и активной жизнью, наполненной трудами и заботами. Можно все время что-то делать, постоянно быть занятым и, тем не менее, погрязать в рутине, т. е. суете. Можно выполнять работу, которую принято считать однообразной, скучной, т. е. рутинной, но относиться к ней творчески. Можно творчески относиться к делу, но результаты этого дела могут быть использованы во зло людям. На самом деле нам никуда не деться от рутины, но совсем не обязательно погружаться в нее с головой. Кто-то должен заниматься тем, что принято считать неинтересным, далеким от всякого творчества занятием, а кто-то призван творить и продвигать вперед человеческую мысль. Общество, в котором есть место только рутине, не может существовать точно так же, как общество, состоящее из одних творцов. Поэтому здоровое общество предполагает оптимальное соотношение того, что мы называем рутинной, и того, что мы называем творчеством. Это говорит о том, что то, что мы называем суетой, или рутинной, не всегда есть зло и, соответственно, то, что мы называем активной деятельностью, или творчеством, не всегда можно однозначно отнести к добру.

С моей точки зрения, главная коллизия Екклесиаста разыгрывается между двумя принципиально разными типами отношения к жизни. С одной стороны, речь идет скорее не о жизни, но о бесцельном существовании без осознания смысла и ценности человеческого бытия вообще. Именно такое отношение в книге Екклесиаста называется суетой. У людей с такой установкой возникает вопрос: зачем к чему-то стремиться, если все суета, все из праха вышло и все во прах уйдет? К сожалению, это весьма распространенная позиция, оказывающая гипнотизирующее воздействие, оправдывающая безразличие ко всему на свете, кроме своих шкурных

интересов и удовлетворения своих физических потребностей. Такие люди, как правило, отождествляют себя со своим телом и не мыслят себя как сущность духовную. Попробуйте заговорить с такими людьми о смысле жизни, об осознании своей миссии в этом мире и т. п. В лучшем случае на вас как-то странно посмотрят, а в худшем могут и побить.

С другой стороны, такой позиции противостоит позиция осмысленного, я бы сказал, действительно творческого отношения к жизни, предполагающая осознание своих целей и своего предназначения.

Все мы когда-то делаем свой выбор, который предопределяет нашу жизнь. Но жизнь — не сказка. Она намного сложнее. Легко сделать выбор между добром и злом, если точно известно, что есть что. Значительно труднее распознать, что есть истинное добро и что есть настоящее зло. То, что в одной ситуации мы считаем добром, в другой может обернуться злом. Свой выбор я сделал — по своей природе я творец, и жить, не созидая, для меня значит не жить вообще. В то же время я спокойно отношусь к необходимости выполнения т. н. рутинных дел. Правда, я и в них стараюсь привнести элемент творчества. Когда это мне удастся, все преображается магическим образом: суета исчезает, рутина перестает быть рутиной, нудные повседневные обязанности превращаются в весьма интересные занятия, которые мне не в тягость, а в удовольствие.

Когда я впервые прочитал Екклесиаста, мне показалось, что сам автор безнадежно запутался и что эта книга является самым противоречивым литературным произведением всех времен и народов. Теперь я знаю, что это не так. Мудрость Екклесиаста заключается в том, что он не впадает в нравоучительный тон, не навязывает нам свое видение правильного жизненного пути, свое понимание того, что он считает добром и злом. Именно этим эта книга привлекает к себе постоянное внимание и заставляет нас размышлять и биться над разгадкой великой тайны: конфликтом между суетой нашей скоротечной жизни и вечностью духа.

Выше я изложил свою трактовку содержания Екклесиаста. Очень может быть, что сам автор мыслил не совсем так

или совсем не так. Как и любая настоящая литература, это произведение обладает множественностью смыслов. Оно как многогранник с неопределенным числом граней. Всегда можно найти грань, через которую содержание проявляется в новом свете. Моя трактовка была предопределена моим пониманием природы добра и зла как двух взаимосвязанных и взаимодополняющих начал. Не могу утверждать, но полагаю, что аналогичное понимание было и у творца Екклесиаста. Именно это, с моей точки зрения, позволило ему представить столь интригующим образом конфликт между признанием факта суетности мира, убивающем всякое желание творить, и стремлением к созиданию, между временным и вечным, между телом и духом. Он прямо не противопоставляет добро и зло, не навязывает свою мораль, но заставляет читателя самостоятельно делать свой выбор. Эта книга не является наставлением. Это рассуждение о том, что все в нашем мире относительно, в т. ч. добро и зло.

СТОЛКНОВЕНИЕ МИРОВ: МОЖНО ЛИ ЗАРАЗИТЬ ЗЛОМ?

Как это не раз случалось, исходной точкой и в этом случае стали мои вечерние разговоры с сыном. Несколько лет назад, еще до того, как у меня появилась мысль о написании этой книги, Даниил довольно серьезно увлекся литературным творчеством. Не могу сказать, что меня всегда радовало его видение мира, которое, как в зеркале, проявлялось в его стихах и коротких рассказах, но должен признать, что в его творениях были проблески таланта. Но, увы, молодости присуща быстрая смена интересов. Вот и сын мой, увлеченный стремительным потоком поисков самого себя, вскоре забросил литературу и с головой погрузился в новое увлечение — «транс»-музыку, которая на несколько лет завладела им полностью. Хотя он практически перестал писать, но читать по инерции все еще продолжал. Поэтому время от времени в наших разговорах мы так или иначе затрагивали литературу, делились друг с другом впечатлениями о прочитанном. Однажды у нас зашел разговор о творчестве В. Сорокина, по поводу которого наши мнения сильно разошлись.

Это не было дежурной дискуссией по поводу нового имени в литературе. Почитав Сорокина, я понял, что в его прозе содержится квинтэссенция того негативного отношения к миру как средоточию зла, проявление которого меня очень огорчало в литературных пробах моего сына.

Должен признаться, что с творчеством В. Сорокина я знаком весьма поверхностно. Если бы не Даниил, я, скорее всего, никогда бы не открыл его книги, несмотря на ажиотаж, поднятый вокруг этого имени прессой и телевидением, а может быть, именно по этой причине. Но я считаю, что родители должны быть в курсе интересов своих детей. Поэтому, когда Даниил мне говорит о каком-либо новом авторе, мне всегда интересно знать, кто и что занимает мысли моего сына. С его подачи я познакомился с творчеством Пелевина и Лепскерова, за что весьма признателен своему сыну. Я также благодарен ему и за знакомство с Сорокиным. Ведь, если хочешь понять, как устроен этот мир, нельзя ограничиваться созерцанием только того, что тебе нравится, и только того, что соответствует твоему собственному видению и мироощущению. Надо принимать этот мир, брать существующую действительность во всем ее многообразии.

Лично с В. Сорокиным я никогда не встречался и никаких прямых дискуссий с ним не вел. Впрочем, как и со всеми философами и писателями, которых я упоминаю в этой книге. Кто-то из них здравствует и ныне, кто-то ушел из жизни относительно недавно, а кого-то нет уже в этом мире сотни или тысячи лет. Тем не менее, все они являются моими собеседниками и реально присутствуют в моем мыслительном или воображаемом пространстве. Когда-то мой Учитель (Г. П.) на одной из дискуссий привел точку зрения Платона по какому-то вопросу. Прозвучало это так, как будто он только вчера говорил с древним философом у себя на кухне. Кто-то спросил его: «Вы что, с Платоном по ночам общаетесь?» На что Г. П. просто ответил: «Да».

Открыв первую попавшуюся мне книгу Сорокина (это было «Голубое сало»), с первых страниц я ощутил, что попал в совершенно чуждый мне мир. Как будто какая-то неведомая сила выбила меня из привычной реальности. Я как бы совер-

шил переход в другую, враждебную мне действительность, погрузился в пространство черно-серых тонов, пропитанное гнилостными миазмами разлагающегося сознания. Это был мир пессимистического кошмара, в который не пробивается ни один луч надежды, мир тотальной паранойи и хронической депрессии. Не надо воспринимать эту характеристику как объективную оценку. Я передаю здесь лишь мое личное впечатление о творчестве этого писателя. Сорокин часто пишет о времени, в котором прошла большая часть его и моей жизни. Мы оба жили в одной и той же стране, называвшейся СССР, и оба принадлежим одной и той же эпохе. И тем не менее, я не могу принять его картину окружающего нас мира. А вот Даниил, выросший совершенно в другое время и лишь слегка ощутивший на себе дыхание советского тоталитаризма, воспринимает ее если не как нечто вполне естественное, то как некоторое откровение, раскрывающее глаза на истинную природу общества и человека. Он считает, что рисуемая этим писателем действительность и есть истинная, неприкрытая правда.

Нельзя отрицать, что в мире присутствует зло и, к сожалению, его немало. Вряд ли удастся найти эпоху или период в истории человечества, в котором бы не было несправедливости, насилия и нищеты, предательства и страшных болезней, жестокости и опустошительных кровавых войн — всего того, что мы считаем злом. Но точно так же история не знает времени, не отмеченного примерами высочайшего самопожертвования и милосердия, взлетами творческого гения и высочайшей поэзии, примерами проявления доброты и заботы не только о себе и своих близких, но и о человеке вообще, т. е. проявлением всего того, что мы считаем добром. И конечно, было бы неправильным утверждать, что все, о чем пишет Сорокин, является ложью или клеветой на наше светлое прошлое. К сожалению, мы жили и живем в мире, очень далеком от совершенства. Стоит только заглянуть в газету, включить радио или телевизор, как на тебя обрушивается поток криминальных новостей, информация о горячих точках планеты или развлекательные программы, открыто пропагандирующие культ грубой силы. Вы, конечно, можете переключить канал, найти другие передачи,

увидеть нормальные, не искаженные ненавистью и звериной похотью лица, узнать, что кроме жажды насилия и желания как можно быстрее и любыми способами разбогатеть есть еще под этим небом место для нормальных человеческих отношений, любви, дружбы и бескорыстного стремления к творчеству. Оказывается, что кроме бандитов, религиозных фанатиков и извращенцев есть еще и другие люди, которые просто трудятся и производят разные нужные вещи, занимаются своими повседневными делами и воспитывают детей, видят смысл жизни в получении нового знания, в творении прекрасного. Причем они не просто вынуждены делать это изо дня в день, но даже получают от этого удовольствие. Я полностью разделяю мысль о том, что сказать не всю правду, а только часть правды — значит солгать. Именно это делают писатели и художники, которые как бы вырезают из действительности один из ее аспектов и абсолютизируют какую-то одну сторону нашей жизни.

Трудно не согласиться с тем, что мир разнообразен, что в нем есть привлекательные и отталкивающие стороны, что в нем есть место добру и есть место злу. Тем не менее, мои оппоненты не могут так просто сдать свои позиции. И тут они выкладывают свой главный козырь: «Вы что, выступаете против свободы мышления и творчества?! Да, мир разнообразен, — наступают они, — но это личное дело художника, что он считает достойным быть отраженным в его творчестве. Руки прочь от свободы творчества!» Так и слышу возмущенные голоса «творцов»: «Я так вижу этот мир! И мне плевать, как вы к этому относитесь!» Что тут возразить? Я, конечно, ничего против свободы творчества не имею. Я двумя руками «за». Но я не хочу некритически принимать чужое видение мира, неважно, какому гениальному перу или чьей кисти оно принадлежит. Я также имею право на свободу слова, т. е. право высказать свое мнение по отношению к любому творчеству. Именно это свое право я сейчас и реализую.

Я не приемлю видение мира как тотального царства Зла. Поэтому мой мир активно сопротивляется воздействию мира, созданного Сорокиным. Срабатывает инстинкт самосохранения. Внутри меня включается специальная программа, главная задача которой — не допустить дисбалан-

са как результата агрессии чуждого мне мира. Первое, что делает эта программа, она анализирует цели сорокинской экспансии. И делает она это очень просто путем наложения матрицы одного мира на матрицу другого. В каждой из матриц отпечатана, прежде всего, структурная схема соответствующего мира. Несхожесть и противоречие выявляются немедленно. Мой мир предполагает наличие Добра и Зла как двух взаимодействующих подсистем, обеспечивающих его развитие. Мир Сорокина — единая система Зла. Чисто теоретически развитие моего мира непредсказуемо до конца — на разных этапах может побеждать то или иное начало. А вот в мире Сорокина побеждать всегда может только одно начало — Зло. Ему даже побеждать нечего — ведь это Абсолют Зла. Если злу ничего не противостоит, то оно может трансформировать и воспроизводить только само себя. Если я ошибаюсь, буду очень признателен, если вы покажете мне тот внутренний механизм, который противоборствует всепроникающему злу в мире, созданному Сорокиным. Его просто нет! Именно поэтому неважно, какую из его книг и в каком месте вы откроете — везде вы погрузитесь в безграничное, всеобъемлющее пространство зла.

«Вы просто не чувствуете поэзии и красоты этой литературы!» — не унимаются мои оппоненты. «Да, он вскрывает наши отвратительные гноящиеся язвы, но как красиво он это делает! Неужели вы не понимаете эстетику уродливого?» — вижу в их глазах укор и даже сострадание по поводу моей непроходимой эстетической тупости. Я, конечно, допускаю эстетику уродства. Настоящий мастер все может изобразить красиво. Мне не хотелось бы здесь дискутировать на тему формы и содержания в искусстве. Скажу только, что для меня подлинное искусство всегда предполагает их единство. Содержание всегда несет в себе определенный заряд духовной энергии. И если эта энергия исключительно черная, то она не менее опасна по своему разрушительному воздействию на души людей, чем энергия ядерного оружия для человеческого тела.

«Но вы не можете отрицать то новое, что есть в творчестве Сорокина!» — не сдаются мои оппоненты. Я знаю, что их, оппонентов, довольно много. Слышу хор возмущен-

ных голосов: «Вы отрицаете колоссальный пласт мирового искусства и литературы, главной целью которого является разоблачение пороков нашего общества. Вспомните произведения великого Гойи или Пикассо, Дали и сюрреализм вообще, средневековое христианское искусство и немецкий экспрессионизм. Наконец, вспомните такого общепризнанного классика, как Кафка!» Отвечу на это следующим образом. Я ценю творчество Гойи и Пикассо. Да, их произведения отличаются резко обличительным пафосом. Но в целом они были весьма далеки от того, чтобы изображать мир одной черной краской. Я признаю гений Дали, хотя считаю, что многое в его творчестве было вызвано не столько стремлением познать истину, сколько эгоистическим стремлением эпатировать публику и самоутвердиться любым способом. Я не считаю, что гению все позволено. Наоборот, признак истинной гениальности есть осознание личной ответственности перед Богом и людьми. Я преклоняюсь перед христианским средневековым искусством. Да, оно перенасыщено образами человеческих пороков и мучений; да, это искусство огромное внимание уделяло теме смерти и греховности человеческой плоти. Мы находим в нем поражающие своим натурализмом картины мученичества святых и изощренных пыток грешников в аду. Но разве это же искусство не озарено ярким сиянием божественной благодати? Разве оно не дает нам картину сияющей красоты не только мира горнего, но и мира дольного? Разве в нем нет места пусть идеальной, но возвышенной поэзии куртуазной любви? Конечно, искусство средневековья несло на себе всю ограниченность современного ему христианского видения мира, но это было и есть великое искусство, которое несло в себе целостный образ мира как постоянной борьбы двух начал: Добра и Зла. Эпиграфом же любой книги Сорокина могла бы быть надпись на вратах ада из «Божественной комедии» Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий».

Как всегда, когда я пытаюсь понять природу того или иного феномена, на первый план выходит вопрос о целях. Ставит ли Сорокин, перед тем как взяться за перо, какие-нибудь цели? Если да, то что это за цели? Например, возможно,

он руководствуется целью сделать карьеру в литературе или заработать много денег. И это, с моей точки зрения, вполне нормальные цели, которые я вовсе не осуждаю — любой творец не может не заботиться о плоти своей грешной. Но я уверен, что это не есть его приоритет. Может быть, главной целью является раскрыть глаза людям, донести до них правду о времени, в котором они живут? Но в так называемый «период гласности» было так много всего сказано, что вряд ли Сорокин мог умножить количество этой правды. Может быть, его приоритетом является создание литературной формы, поиски новых выразительных средств? Вполне возможно, учитывая оригинальность изложения и свободу использования им нестандартной лексики или вполне стандартного мата. Но и здесь он не является первопроходцем. Так что же мы можем допустить как главную цель его творчества? Такой целью, с моей точки зрения, является стремление утвердить через литературу свое понимание природы мира человеческого как единственно верной картины бытия. Это делает практически каждый серьезный художник, справедливо возразите вы и будете совершенно правы. Но разве я говорил, что Сорокин не является художником? Безусловно, этот писатель обладает литературным даром. Тем не менее, я считаю его творчество ущербным, прежде всего потому, что он пытается выдать одну из проекций мира за целостную его картину. Я не психоаналитик, но думаю, не ошибусь, если допущу, что Сорокину мог бы быть поставлен диагноз, роднящий его с Кафкой и маркизом де Садом. Всех этих, конечно же, талантливых людей роднит параноидальное восприятие действительности, которое является следствием болезненного дисбаланса их внутреннего мира, централизованного исключительно на идее вселенского зла, его абсолютного приоритета и непобедимости. Кроме этого, все они в своем творчестве выражают маниакальное стремление утвердить свое видение как единственно нормальное и убедить в этом всех инакомыслящих.

И все-таки Сорокин является творческой личностью. Как уже отмечалось, заслуга его не в том, что он дал нам новое знание о неблагоприятных деяниях человеческих, и не в том, что до него не было писателей подобного типа. Его

творчество проявилось в том, что созданный им обобщенный образ человека и мира людского по своей силе и тяжести воздействия превзошел практически все, что я читал ранее. Он как бы отжал все добро из нашего мира, оставив ему одно зло и породив ощущение бессмысленности борьбы с ним и полной безысходности. При этом снимаются все ограничения в использовании т. н. нелитературного языка. В ряде произведений Сорокина матерщина захлестывает читателя, резко усиливая кровавое изуверство описываемых им сцен. И эта сорокинская «правда», несущая идею тотального, всепроникающего зла, захватывает читателя и окрашивает его душу в черный цвет.

Использование ненормативной лексики стало нормой современного литературного творчества. Почему-то считается, что именно мат дает возможность максимального самовыражения автора. Я не отношу себя к ханжам, которые никогда не употребляют крепкое словцо. Мы находим матерные слова у Пушкина, А. Толстого и у других известных авторов. Но эти слова употребляются ими крайне редко и действительно уместно. В целом для их творчества они не характерны. А можете ли вы представить себе прозу Сорокина без мата? Вопрос риторический — конечно же, не можете. Мат является важнейшей атрибутивной характеристикой его стиля. Когда со страниц книги на вас низвергается грохочущий поток матерщины, не знаю, как у вас, у меня появляется физическое желание куда-нибудь спрятаться. Вполне допускаю, что некоторые люди испытывают при этом противоположные чувства и получают удовольствие. Ну, как говорится, каждому свое. Надо отметить, что в западной культуре совершенно другое отношение к выражениям подобного рода. И здесь, в Америке, вроде бы все к этому уже привыкли. Речь, которая раньше считалась прерогативой уголовных элементов и отбросов общества, сегодня захватила все его слои. Хорошо это или плохо? Ведь слово — только сочетание букв и звуков. К любым словам можно привыкнуть и вообще не замечать их. В конце концов, употребление тех или иных слов — это дело общественной договоренности или принятых в данном обществе норм поведения. В Америке революционные изменения в разговорной речи, так же

как и сексуальная революция, случились раньше, чем в бывшем Советском Союзе. Может быть, ничего плохого в этом нет и надо принимать вещи такими, как они есть? С этим тяжело не согласиться. И тем не менее, я предпочитаю общество, в котором ругаться матом по-прежнему считается дурным тоном.

Конечно, все это есть моя личная проблема. И вы можете сказать, что, не принимая норм общения в современном обществе, я уподобляюсь Дон Кихоту, сражавшемуся с ветряными мельницами. Возможно, это и так, но ничего с этим поделать не могу — мне всегда был симпатичен этот литературный герой. Я убежден, что слова не являются простым сочетанием звуков. Каждое слово есть выражение определенной мысли-идеи, которая обладает определенной энергетикой. И разговаривая, обмениваясь словами, мы не просто передаем информацию, но оказываем друг на друга энергетическое воздействие. Мне очень близко отношение Зора Алефа к проблеме слова: «Мы вообще должны быть очень осторожны со словами. Если ты не можешь произнести слово с любовью, то его незачем произносить вообще. Слово складывается из четырех великих сил: веры, воли, воображения, осторожности и пятой силы — любви, которая вращает этот крест. Если твое слово иное, то в нем нет смысла. Многие люди болеют, наработав карму неосторожного слова. Неосторожное слово — это страшная вещь. И наоборот — человек может излечиться от ряда болезней, зная, как произносить слова, обращаясь к своему ближнему, — наполняя их верой, волей, воображением, осторожностью и любовью» (18, т. 1, с. 302). Такое отношение к слову совпадает и с точкой зрения Е. Блаватской: «Произнести слово — значит вызвать мысль и сделать ее существующей... Слово (глагол) или речь каждого человека совершенно бессознательно для него является благословением или проклятием; вот почему наше настоящее невежество относительно свойств и атрибутов мысли, так же, как и о свойствах и атрибутах материи, часто губительны для нас. Да, имена (и слова) или благодетельны, или зловредны. Они в некотором смысле являются или ядовитыми, или приносящими здоровье, согласно скрытым воздействиям, данным Высочайшей Мудростью их

элементам, т. е. буквам их и числам, соответствующим этим буквам» (8, с. 154).

Все мы знаем, что в условиях политического и военного противостояния писатели тратили много сил и творческой энергии на формирование образа врага. При этом они выполняли определенный социальный заказ. По сути, Сорокин тоже формирует образ врага. Но отличие в том, что он не служит какой-либо системе политической пропаганды. И никакого заказа он не выполняет, а делает все в полном соответствии со своими убеждениями, как говорится, по зову сердца и по велению своей души. В качестве врага в его произведениях выступает не некоторое четко очерченное зло, всегда противостоящее такому же ясному добру началу, но весь наш мир в целом.

И об этом Сорокин откровенно заявляет в «Путь Бро». Несмотря на то что здесь практически нет нецензурной лексики, в этой книге ему удалось предельно ясно выразить свое духовное кредо. Суть его заключается в том, что планета Земля есть великая ошибка Света. Мозг человека есть не что иное, как огромная опухоль, в которую развился верхний позвонок. Человек был величайшей ошибкой, как и все живое на Земле, т. е. то, что было порождено водой. Земля стала настоящим адом, уродливой опухолью, раком Вселенной. Человек есть «мясная машина», которая в принципе не может быть в гармонии с окружающим миром. И этой «ошибке природы», т. е. человечеству как детям воды, автор противопоставляет детей Света, обладающих истинным знанием и истинным бессмертием. Их миссией является исправление допущенной ошибки, т. е. уничтожение Земли мясных машин и восстановление гармонии Вселенной.

— Ну и что? — скажете вы. — Еще одна безобидная фантастическая история. Кому она может принести вред?

Можно, конечно, и так отнестись к этой литературе и успокоиться на этом. Тем более что подобные мифы, утверждающие безусловный приоритет одних существ над другими или одной истины над другой, встречаются не так уж редко и не являются чем-то новым в истории человечества. С моей точки зрения, сорокинский вариант по сути своей мало чем

отличается от мифа об арийской нации, положенного в основу идеологии нацизма. Если внимательно присмотреться, то миф гегемонии пролетариата имеет ту же исходную установку, только с перевернутым пропорциональным отношением — здесь власть и право вершить судьбы мира, казнить и миловать отдавались большинству. И как мы знаем, мифы эти оказались совсем не безобидными. Я бы поставил «Путь Бро» на одну полку со всеми такого рода литературными произведениями, рядом с «Майн кампф» и «Манифестом коммунистической партии». Вроде бы все эти книжки и разные по своему содержанию, но близкие по духу. Не случайно же так много общего мы находим у Гитлера и Сталина. Реки крови пролились в результате реализации идей, пропагандируемых этими «безобидными» мифами. Вроде бы они все разные, но глубинная суть их одна и та же: противопоставление и столкновение различных социальных групп, одна из которых наделяется исключительным правом на обладание истиной в конечной инстанции и в силу этого на утверждение этой истины любыми средствами, вплоть до полного уничтожения всех несогласных.¹

Видение мира каждым отдельным человеком есть проекция его внутреннего, душевного и духовного, состояния на жизнь или, как принято говорить, объективную действительность, существующую вне нас. Поэтому добрая душа видит мир добрым, а душа, зараженная злом, не может узреть в мире ничего, кроме зла. Наши картины мира являются не чем иным, как зеркальным отражением нашей души. И я не согласен с моим сыном, когда он пытается убедить меня в том, что Сорокин открывает людям глаза на мир такой, какой он есть на самом деле. В картине, рисуемой этим

¹ Я ловлю себя на мысли о том, что, возможно, я просто не понял цели и замысла автора. То, что я воспринимаю как пропаганду зла и насилия, таковым не является, и на самом деле книга преследует совсем иные цели: «Путь Бро» есть памфлет, в гротескной форме вскрывающий истинную человеконенавистническую суть такого рода литературы. Во всяком случае, мне бы очень хотелось, чтобы так оно и было. Но я совсем не уверен, что эта книга воспринимается большинством читателей Сорокина как памфлет. И даже, наоборот, уверен, что в условиях активизации националистических сил она вполне может выступить как идеологический катализатор реакции возгонки ненависти к чужакам и инородцам.

писателем, я не вижу ни моей жизни, ни жизни моих родителей, которые прошли немало тяжелых испытаний, но сохранили бесконечно доброе отношение к жизни. Я не нахожу в ней своих друзей, и нет в ней места ни с чем не сравнимому чувству радости совместного творчества. Нет в ней места ни прелести первой любви, ни крепкой бескорыстной мужской дружбе, ни счастью общения с детьми — всему тому, ради чего стоит жить. Когда я смотрю в зеркало этого мрачного мира, я не вижу в нем своего отражения. Меня там нет!

Точно так же я не нахожу себя в сладко-приторных мирах, нарисованных исключительно в розовых, пастельных тонах. В то же время полное исключение или недооценка присутствия зла в мире — такое же искажение реальности, как и то, что делает в своем творчестве В. Сорокин. В мире есть все. Трудно выразить эту мысль лучше, чем С. Вивекананда, который говорил, что там, где есть добро, там непременно есть и зло, а где есть зло, там должно найтись и добро; за всякой жизнью, как тень, следует смерть, за каждой улыбкой следуют слезы и наоборот. И это непреложно. Мы можем мечтать найти такое место, где будет существовать одно добро, без зла, где будет только смех, где неизвестны слезы. Но это невозможно в силу самой природы вещей. Невозможен ни мир совершенного добра, ни мир совершенного зла.

Мои размышления окончательно убедили меня, что зло можно уподобить болезни. Это заболевание может быть врожденным, и это есть самая опасная его форма. Причем опасная не только для самого носителя «вируса зла», но и для всех, кто вступает с ним в контакт. На примере творчества В. Сорокина я попытался проанализировать возможность распространения зла через литературу или, шире, посредством негативной энергии, аккумулируемой в речи и даже отдельно взятом слове. Надо сказать, что не только литературное произведение, но и любое произведение искусства может иметь негативное или злое воздействие и без использования дурных слов. Самое главное, какой образ мира нам пытается передать тот или иной писатель или художник и какая система ценностей стоит за всем этим. Другими словами, любое произведение искусства, книга, картина, ки-

нофильм и т. д. являются с этой точки зрения способами передачи информации о мировоззрении или картине мира их создателя. Не всегда можно получить представление об этой картине по отдельно взятому произведению. Для того чтобы быть уверенным в оценке мировоззрения мастера, необходимо ознакомиться с его творчеством в целом. Если все или большинство его произведений несут одну и ту же главную весть, можно поставить довольно точный диагноз. Если в творчестве того или иного художника создается картина мира, в котором есть место раю и аду, прекрасному и уродливому, умиротворенности и борьбе, добру и злу, то такой художник, с моей точки зрения, здоров. В противном случае, независимо от того, рисует ли он мир исключительно как средоточие зла или как обитель добра, такой художник демонстрирует явные признаки духовного нездоровья. Это — опасное заболевание, и называется оно **нарушение целостности картины мира**. В этом случае произведения, порождаемые таким больным сознанием, будь то даже общепризнанные шедевры, являются воротами, через которые зло проникает в души людей.

ЧТО ЛУЧШЕ: ОПТИМИЗМ ИЛИ ПЕССИМИЗМ?

Я привык считать себя оптимистом. В то же время я согласен, что быть законченным или стопроцентным оптимистом, это почти то же, что быть полным идиотом. Под этим словом здесь понимается не оскорбительная характеристика, а медицинский диагноз. Что же я имею в виду, когда столь опрометчиво заявляю о своей безусловной оптимистической ориентации? С моей точки зрения, оптимист — это не тот постоянно улыбающийся индивид, смотрящий на мир через розовые очки, не тот, кто не видит недостатков и темных сторон жизни и, как страус, прячет голову в песок, пытаюсь убежать от действительности в воображаемые картины идеального вымышленного мира, свободного от зла и насилия. Оптимист — это человек, который ясно видит и четко осознает все несовершенство нашего бытия, но верит в существование сил, которые способны преодолеть его. И не только верит, т. е. занимает пассивную позицию, но и живет

и действует так, чтобы его вера стала реальностью. Такие люди излучают светлую энергию. К ним тянутся, с ними хотят общаться. Они как добрый огонь, притягивающий другие души, огонь, который согревает, но не обжигает. Может быть, это не совсем скромно, но я отношу себя именно к этой категории рода человеческого. И весь мой жизненный опыт подтверждает сказанное. У меня всегда есть добрые приятели и даже друзья, близкие мне по духу. Доброжелательное отношение к людям и миру вообще я унаследовал от моей семьи. Моя мать была участковым врачом, и мне не раз приходилось слушать, как ее больные говорили о ней, что как только она переступает порог их дома, они сразу чувствуют облегчение. Когда я шел с ней по ее участку, все ей улыбались, старались с ней поговорить. И эти разговоры касались не только их здоровья, но и самых разных жизненно важных для этих людей проблем. Доброта таких людей не уходит вместе с ними. Она продолжает согревать этот мир даже после того, как имена их стираются с памяти человечества. Энергия добра вечна. Я не смешиваю здесь понятия доброты и оптимизма. Но это две вещи, неразрывно между собой связанные. Видели ли вы когда-нибудь злых оптимистов? Или встречались ли вам добрые пессимисты? Я никогда не видел и не встречал подобного чуда. За всю свою жизнь я встретил несколько человек, точнее, шесть персон, с которыми я не просто не мог найти общего языка, но ясно ощущал стену, преодолеть которую было совершенно невозможно. Вы, конечно, догадываетесь, что все они были ярко выраженные пессимисты. Я всех их очень хорошо помню. Все они, и мужчины и женщины, если не на одно лицо, то с явно выраженными общими чертами: надменное выражение, колючий, недобрый взгляд, опущенные уголки губ. Радует то, что такие люди на моем жизненном пути встречались крайне редко.

Но можно ли категорически заклеить пессимизм как нечто безусловно негативное, недоброе, злое? Интересна характеристика пессимизма, данная Е. Блаватской: «На самом деле пессимизм не является философией; это скорее систематическое злословие по поводу жизни и существования, желчные излияния желудочного больного или же неизле-

чимого ипохондрика» (7, с. 96). И еще: «Пессимизм — это хроническое подозрение во всем скрытого зла» (7, с. 98).

В противовес апологетам оптимизма можно привести массу примеров пессимизма многих известных и даже великих личностей. Также можно сослаться на расхожие высказывания насчет наивности тех, кто воспринимает мир исключительно в светлых пастельных тонах в то время, когда в этом мире не прекращаются войны и льются реки крови невинных людей, когда множество людей умирают от голода и нехватки самых необходимых лекарств. Представьте себя участником диспута между командами оптимистов и пессимистов. На чьей стороне вы бы предпочли выступать? Я бы записался в ряды оптимистов. Но значит ли это, что представители противной команды априори неправы? Совсем нет! Например, пессимизм охватывает меня, когда я слышу рассуждения о научно-техническом прогрессе как о главном факторе светлого будущего человечества. Казалось бы, история уже должна была бы научить нас тому, что само по себе развитие технической и знаниевой мощи автоматически не обуславливает всеобщего прогресса человечества. Уже давно было замечено, что по мере того как наши силы и знания непрерывно растут, непрерывно утрачивается духовность. Я также испытываю острый приступ пессимизма, когда слышу разговоры о чудесном переходе стран с тоталитарными режимами и идеологией религиозного фанатизма к демократическим принципам государственного устройства. Пессимизм овладевает мной, когда я слышу речи государственных мужей и политических деятелей, которые, прикрываясь популистскими идеями ложного гуманизма, на самом деле обеспокоены только возможностью заполучить или удержать власть, быть переизбранными на следующий срок и урвать лично для себя как можно больше привилегий. Трудно оставаться оптимистом, когда видишь в центре Вашингтона нахально развалившихся бомжей, защищенных псевдогуманистическим законодательством. Это зрелище напоминает мне вывернутое наизнанку отношение к священным коровам в Индии. Вывернутое наизнанку потому, что в Индии оно обусловлено глубоким религиозным чувством, а в Америке ложными идеями всеобщего равенства.

Ложными потому, что не может быть равенства между человеком, который всю жизнь учится, работает и исправно платит налоги, и паразитом, который сознательно ничего не делает для общества, но живет за счет этих налогов, т. е. за наш с вами счет. И уж совсем захлестывает меня волна пессимизма, когда я представляю судьбы планеты в руках политиков, заигрывающих сегодня с террористами. Самое страшное зло — это зло, которое прячется за маской добра.

Этот перечень я мог бы продолжить. Тем не менее, я отношу себя к команде оптимистов, т. к. верю в predeterminedную высшими силами миссию человека. И эта вера основана не на стремлении выдать желаемое за действительное, не на тотальном отрицании присутствия и вездесущности зла, но на понимании добра и зла как двух противоборствующих сил, обеспечивающих развитие и прогресс человечества. Все приведенные выше примеры моего пессимистического настроения ни в коем случае не являются отказом от моего оптимистического мировоззрения. Наоборот, все это полностью укладывается в понимание оптимизма, которое созвучно представлениям Е. Блаватской. Как вы уже поняли, ее трудно заподозрить в пристрастии к пессимизму. Тем не менее, демонстрируя объективный подход к данному явлению, она выделяет две разные формы пессимизма: пессимизм невежды и пессимизм духовного человека. «Пессимизм — это хроническое подозрение во всем скрытого зла, но он также имеет двойственную природу. Пессимизм — естественная черта физического человека, становящаяся для невежды сущим проклятием. Для человека духовного это благо, ибо заставляет вернуться на верный путь и ведет к открытию другой столь же основополагающей истины — все в этом мире — лишь подготовка, ибо является преходящим» (7, с. 98).

С моей точки зрения, неверно было бы соотносить оптимизм исключительно с добром, а пессимизм рассматривать как безусловное порождение и причину зла. И здесь я полностью разделяю взгляды С. Вивекананды: «Обычно люди держатся двух разных подходов к миру. Одни — пессимисты и говорят: как ужасен этот мир, как он порочен! Другие — оптимисты и утверждают, что мир прекрасен и удивителен! Кто не научился властвовать над своим умом,

для того мир либо полон зла, либо в лучшем случае представляет собой смешение добра и зла. Этот же мир станет для нас таким, каким его видит оптимист, если мы научимся властвовать над своим умом. Ничто нам не покажется ни хорошим, ни дурным, мы увидим гармонию во всем» (13, с. 5). Пессимизм и оптимизм — это два полюса, между которыми находится все многообразие нашего отношения к миру. По своему воздействию на окружающий мир и тот и другой подход может быть как деструктивным, так и конструктивным. Поэтому не надо впадать в крайности. Как говорится, лучше держаться золотой середины. Тем не менее, для меня лично предпочтительнее, чтобы центр тяжести смещался в сторону оптимизма. Это и для общества лучше, и для своего здоровья намного полезнее. Я понимаю, что здесь я не полностью соответствую высшему идеалу Карма-йоги, но идеал на то и идеал, чтобы быть недостижимым.

ГЛАВА 7

ПОИСК ВИНОВНОГО

ТЕОДИЦЕЯ И «ВИРУСНАЯ» ТЕОРИЯ ДАНИИЛА

Теодицея. Не скрою, мне нравится звучание этого слова. Есть в нем какая-то музыка, сродни мелодичным названиям экзотических цветов. На самом деле оно не имеет никакого отношения к царству флоры. Теодицея — это апология Бога, защита его от обвинений в создании Зла и его повелителя — дьявола. Красивое определение этого понятия дал Дж. Б. Рассел: теодицея — это попытка осознать отношение Бога к страдающему космосу (26, с. 48). Последнее определение, расширяя рамки понятия, существенно отличается от данного выше, т. к. предполагает, что это отношение может быть не всегда сострадательным, и позволяет относить к теодицее не только апологию Создателя, но и обвинение его в сотворении Зла. На протяжении тысячелетий не прекращаются ожесточенные баталии вокруг этого вопроса. И это есть на самом деле величайшая проблема, ибо от того, как мы представляем себе Бога, зависит не только теоретическая картина мироздания, но и само бытие человечества и жизнь каждого из нас со всеми нашими бедами и радостями. С одной стороны, мы знаем, что Бог — всеблагой, т. е. он — абсолютно благ или абсолютно добр. С другой стороны, мир утопает во зле, что во все века повергало людей в отчаяние, порождало сомнения в благости Бога и заставляло роптать на него. Спектр различных концепций отношения Бога к добру и злу весьма разнообразен. Но все множество мифов, повествующих о происхождении Зла и его повелителя — Дьявола, распределяется между двумя полюсами:

Полюс первый: Бог — всеблагой и поэтому не имеет отношения к созданию зла и не несет никакой ответственности

за его возникновение. Зло существует помимо его воли, как ошибка мироздания или как порождение внешней враждебной по отношению к Богу силы.

Полюс второй: Бог есть Абсолют. Он — Творец всего сущего. Следовательно, несет полную ответственность за все, в том числе за возникновение и существование добра и зла. Добро и Зло — взаимодополняющие стороны Бога. Мир не может существовать вне борьбы добра и зла.

Я не буду останавливаться здесь на многовековой традиции теодицеи, т. к. все равно не сумею это сделать обстоятельнее и лучше, чем Дж. Б. Рассел в своей книге «Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества». Он посвятил двадцать лет своей жизни этой проблеме. На мой взгляд, это самое интересное и полное исследование, с которым я имел счастье познакомиться. Тем не менее, некоторые его выводы показались мне несколько расплывчатыми и недостаточно убедительными. Отмечая, что радикальное зло как сила, превосходящая человеческое понимание, не может быть предметом рационального анализа, Рассел считает, что нельзя отказываться от его познания. В заключении он ставит вопрос: «Каков же Дьявол, если он действительно существует?» И дает вполне определенный ответ: «Дьявол — это традиционный Князь тьмы, могущественная **личность, наделенная сознанием и волей**, чья энергия направлена на разрушение космоса и причинение страданий существам этого космоса. Он — воплощение радикального зла...» (26, с. 444). Для меня это означает, что сам Дж. Б. Рассел, допуская существование дьявола как **личности**, противостоящей Богу, по сути, отрицает концепцию всеблагого Бога и концепцию Бога как Абсолюта. Он признает возможность ошибки творения и ответственность Творца за присутствие Зла во Вселенной. Допуская, что Бог создал зло, мы отказываемся от представления о всеблагом Боге. Если мы признаем другую возможность — существования зла помимо воли Творца, то тем самым мы отрицаем концепцию Бога как Абсолюта. Такое понимание существенно расходится с моими представлениями. Я убежден, что Бог не является создателем Зла, впрочем, как и Добра, в нашем, т. е. человеческом, по-

нимании этих понятий. Поэтому я решил продолжить свои собственные попытки разобраться с этим вопросом и построить свою теодицею. То, что я делаю, не есть теодицея в смысле апологии Бога — Бог не нуждается в нашей защите. Моя теодицея — это моя собственная попытка осознать отношение Творца к своему творению — Вселенной — и к человеку как ее средоточию.

Почему в названии этого раздела я поставил рядом теодицею и «вирусную» теорию Даниила? Во-первых, потому, что, как и любая другая концепция добра и зла, его теория продолжает традицию теодицеи. Во-вторых, как будет видно из дальнейшего изложения, Даниил не стоит на месте — его понимание добра и зла меняется, формируя историю его собственной теодицеи. И в-третьих, поскольку я являюсь постоянным оппонентом моего сына, то, благодаря нашим нередко ожесточенным спорам, развиваются не только его, но и мои представления.

Впервые он поделился со мной своими идеями о природе возникновения зла в мире земном, когда я только начинал писать эту книгу. Собственно, этот разговор и пробудил мой интерес к теме добра и зла. Тогда я четко осознал, что картина, нарисованная им, совершенно не совпадает с моим видением. Мне пришлось очень сильно призадуматься: если Даниил прав, то все мое понимание добра и зла в корне неверно и требует радикального пересмотра; если он ошибается, тогда я должен признать, что допустил серьезные ошибки в воспитании сына. Я не оговорился — именно в воспитании, т. к. понимание добра и зла определяет наше отношение к миру, к нашим друзьям, близким, людям вообще и в конечном счете всю нашу жизнь.

С точки зрения Даниила, Земля является живым организмом. Некогда она была инфицирована вирусом зла. Летела она в космосе, не ведая, что зло вообще имеет место быть, и вдруг катастрофа: зло проникает в наш мир, и с этого момента начинается история всех бед людских, история борьбы Добра и Зла. Он сравнил болезнь Земли с недугом отдельного человека, начав историю болезни со времен Римской империи. С его точки зрения, Рим являлся главным очагом, по-

раженным зловредным вирусом. Даниил объяснял это тем, что Рим с его развитыми бюрократическими институтами и юриспруденцией, его установкой на мировое господство и самой мощной армией в мире, последовательно осуществлял насилие над процессами эволюции социума. Поэтому во времена римского господства впервые проявляется конфликт между изначальным, или естественным, природно-социальным началом и стремлением к реорганизации мира, или искусственным воздействием, полностью игнорирующим это начало. Именно грубое вмешательство Рима в установленное Богом равновесие человека и природы обусловило такие события, как нашествие варваров, крушение империи и необходимость прихода Христа. Миссия Спасителя заключалась в лечении Земли — в восстановлении нарушенного баланса искусственного и естественного. Противопоставив установке на насилие идею всеобъемлющей любви, Сын Божий должен был, укрепив естественную составляющую процесса эволюции планеты, изменить вектор развития человечества и тем самым излечить угнетенный вирусом зла страдающий мир земной. Тем не менее, миссия Христа не увенчалась полным успехом, и болезнь продолжала прогрессировать. Далее Даниил перенесся в Древнюю Русь, которая, приняв христианство, подхватила эстафету у Византии и по замыслу Провидения должна была преградить распространение римской заразы на Восток. Но силы зла оказались сильнее — Московское царство само оказалось проводником имперской идеи и в силу этого само стало рассадником вируса зла, превратившись из противника в преемника Рима. В Новое время центром распространения инфекции стал Лондон, унаследовавший римскую культуру и право и вместе с ними установку на мировое господство. Главным носителем зла в современном мире являются Соединенные Штаты, исполняющие роль «мирового жандарма». Если они и не имеют своей целью захват колоний, то явно стремятся установить мировое господство путем навязывания своих идеалов и принципов общественного устройства. Таким образом, центральной мыслью «вирусной» теории Даниила является заражение нашего мира вирусом зла, направляемым и контролируемым некоей **внешней** волей, целью которой

является если не физическое уничтожение, то установление полного контроля и превращение Земли в царство зла.

Теория как теория, не хуже многих других. Радует широкий исторический охват и умение устанавливать связи между столь разными эпохами. Представления, аналогичные «вирусной» теории, мы находим во всех признанных церковью трактовках библейской картины сотворения мира. Разве не об этом повествуют мифы о первородном грехе и о падшем ангеле Люцифере? И конечно же, власть предающая с незапамятных времен использовали эти идеи для достижения своих политических целей. То, что Рим был источником мирового зла, мысль не новая. Утвердившаяся христианская церковь всеми возможными способами насаждала представление о языческом Риме как о царстве Зла. И сегодня подобные высказывания, но уже в адрес других государств, совсем не редкость. Еще недавно Р. Рейган закрепил титул «империи зла» за Советским Союзом. После распада СССР акцент сместился на другие государства, объединенные термином «ось зла». Довольно часто можно услышать те же обвинения, но уже по отношению к США. Это говорит не столько о том, что всегда был единственный, главный носитель вируса зла, сколько о том, что противостоящие силы во все времена обвиняли в этом противную сторону.

По сути, «вирусная» теория является не чем иным, как еще одной интерпретацией ветхозаветного мифа. Согласно этой теории, мир был создан изначально добрым, но были допущены определенные ошибки, которые сделали этот мир уязвимым для «вируса зла». Кем были допущены ошибки? Если таковые были, то ответственным за них мог быть только Создатель этого мира. Но тогда следует, что сам Творец несовершенен и, как уже отмечалось, в этом случае к нему неприменимо понятие Абсолюта. Если Бог не допустил никаких ошибок, то кто тогда мог нарушить его замысел? Рассуждая таким образом, легко прийти к мысли о том, что есть некоторая сила, которая стоит за всеми бедами людскими и которая способна противостоять Богу как независимое от него начало. Именно независимое, ибо если признать ее зависимость от Бога, тогда защита Творца в непричастности к

созданию зла становится делом практически невозможным. Становясь на эту позицию, мы также вынуждены отказаться от понятия Бога как Абсолюта.

Многие, я бы сказал подавляющее большинство, разделяют или готовы принять подобное видение проникновения зла извне в наш изначально добрый мир. Неважно, откуда и каким образом попало зло к нам: то ли это происки Сатаны, козни инопланетян или просто вирус некоторого абстрактного, непонятно откуда взявшегося, космического зла. Важно то, что при этом вина за все беды человечества вообще и каждого его представителя в отдельности перекладывается на какую-то внешнюю силу. «Вирусная» теория Даниила, признавая изначально стерильность мира земного и утверждая идею проникновения зла извне, по сути своей является теорией «внешнего врага». Во всех такого рода концепциях присутствует разделение человечества на «наших» и «не наших», противостояние которых является выражением борьбы высших, или космических, сил. Это арийцы и все остальные у Гитлера, это правые и неверные во всех религиозных противостояниях, это «дети Света» и «дети Воды» у В. Сорокина и т. п. С одной стороны, носители высшей истины, выступающие в роли спасителей человечества, с другой — все остальные, зараженные вирусом зла. Как известно, внешний враг, олицетворяющий дьявола или подвластные ему демонические силы, всегда появляется на исторической арене, когда нужно отвести гнев народный от истинных носителей зла.

Вирус зла поражает прежде всего душу человека. Мы становимся марионетками тех сил, которые с помощью этого вируса направляют и контролируют наши действия. Опасным следствием любой теории внешнего врага является неспособность принимать на себя всю полноту ответственности за свои поступки. Можно ли обвинять человека, который совершает свои поступки как бы не по своей воле, а по наущению таинственной внешней силы? Ведь такой человек заражен вирусом зла, а какой спрос с больного человека? Эта мысль умело эксплуатируется самыми темными силами нашего общества. При этом применяется, надо сказать, не без успеха, одна и та же базовая технология. В не

отягощенное мышлением сознание обывателя внедряется мысль о некотором коварном враге, плетущем сети заговоров с целью полного уничтожения всего для этого обывателя самого дорогого. Затем провоцируются конфликты, демонстрирующие самые подлые намерения этого внешнего врага. Например, известное дело Бейлиса, обвиненного в убийстве христианских детей. Сюда же можно отнести убийство в Сараеве эрцгерцога Фердинанда, послужившее искрой, позволившей раздуть пламя Первой мировой войны; поджог нацистами Рейхстага; «дело врачей», инспирированное Сталиным, готовившим выселение евреев в Сибирь; миф о жидомасонском заговоре в постперестроечной России и т. д. Во всех подобных ситуациях использовалась **модель Добра и Зла с внешним врагом**, носителем зла, атакующим мир добра (**концепция внешнего врага**). Эта модель-матрица прекрасно укладывается на хорошо подготовленный религиозной мифологией материал обывательского сознания. И это понятно, т. к. куда проще признать виновной во всех бедах человечества какую-то внешнюю силу, чем обратить взгляд внутрь себя и тем самым признать свою личную ответственность за зло, творимое в мире.

Интересно тему внешнего врага раскрывает Гарри Гаррисон в фантастической повести «Неукротимая планета». На одной из планет в далеком космосе земляне-колонисты ведут отчаянную борьбу за выживание. Им противостоит вся природа планеты. С точки зрения колонистов, все представители местной флоры и фауны выступают как внешний враг, одержимый стремлением уничтожить пришельцев. Агрессивность его нарастает по мере совершенствования средств обороны землян. Постепенно колонисты осознают, что вся враждебная активность управляется из одного центра. Приходит понимание того, что им противостоит сама планета — разумное существо, которое сопротивляется вторжению землян и их попыткам подчинить планету своим шкурным интересам. Кто же здесь враг и на чьей стороне правда? Автор подводит нас к мысли о том, что истинный враг есть зло, которое заключено в нас самих, которое живет в наших душах. И этот внутренний враг иногда страшнее внешнего врага. Можно сказать, что мы действительно несем

в себе некий вирус зла. Это зло проявляется прежде всего в нашем эгоизме, нашем нежелании считаться с интересами и нуждами других людей, нашем варварском отношении к природе и миру вообще. Мы не столько жертвы, сколько источник заражения злом. Как правило, люди, чье видение мира окрашено темными тонами, сами не отличаются великой добротой. Чем злее человек, тем больше зла в его картине мира. Мир — не злой и не добрый. Он такой, каким мы его видим. А наше видение зависит от баланса добра и зла в нас самих.

Теория «врага рода человеческого» не является изобретением моего сына. Но если подобные мысли столь широко распространены, то почему они меня так поразили в интерпретации Даниила? Дело совсем не в том, что я считаю, что его концепция является повторением чего-то уже существующего. Я давно уже понял глубокий смысл утверждения, что все новое есть хорошо забытое старое. Особенно если речь идет о попытках проникновения в тайны мироздания. Если мой сын сам познает мир, сам строит свои представления о нем, он утверждает себя как творческую личность, независимо от новизны полученных им результатов. Именно в этом — в попытке самостоятельно познать природу вещей, — а не в схожести наших взглядов и нашего видения природы мироздания я вижу наше подобие.

Может быть, меня удивило то, что картина мира, которую изображает Даниил, существенно отличается от моей? Но я совсем не считаю, что обладаю истиной в конечной инстанции. Я также далек от мысли о том, что его представления должны быть близки моим или отличаться особой оригинальностью только потому, что речь идет о моем сыне. С моей стороны это было бы проявлением отцовского эгоизма, полагающего, что сын обязательно должен унаследовать от меня логику и направленность мышления. Он не копирует меня, он самостоятельно мыслит и идет своим путем. Немного поразмыслив, я понял — меня поразило, прежде всего, не содержание «вирусной» теории Даниила, а то, что он является сторонником такого рода идей. Мне просто стало страшно, ибо я хорошо понимаю, какое разрушительное

воздействие концепции внешнего врага могут оказать на душу того, кто действительно верит в их истинность.

Что здесь страшного? — спросите вы. Люди спокойно живут с подобными представлениями, и это не мешает многим из них быть добрыми и душевными, быть в ладу с собой и окружающим их миром. Не могу с этим не согласиться. Но люди на то и люди, чтобы отличаться друг от друга. Если они в массе своей и знакомы с теми или иными концепциями добра и зла, то мало кто задумывается над их содержанием. Как правило, эти концепции принимаются как нечто само собой разумеющееся, особенно если они подкреплены авторитетом религиозных доктрин. Только единицы подвергают их критическому анализу и принимают их как основу для построения своих собственных моделей мира. Эти немногие не просто задаются вопросом о смысле жизни, природе добра и зла, но сознательно творят свои миры и подчиняют свою жизнь их законам. Это позволяет им подойти к осознанию тайн бытия, недоступных для простых смертных. Но есть здесь и потенциальная угроза как для создателей этих моделей, так и для тех, кого судьба сталкивает с ними на их жизненном пути. Именно эту мысль пытался донести Ф. Достоевский в «Преступлении и наказании». Его герой, философствующий студент Р. Раскольников, разделил людей на великих мира сего, которым дано право вершить суд над людьми, и бессознательную, серую массу. Стремясь доказать правоту своей теории, он совершает убийство с единственной целью доказать свою исключительность. Все последующее повествование является размышлением о душевных терзаниях героя, которые и являются самой страшной мукой и наказанием за преступление. Здесь мне важно выделить только одну мысль — прямую связь между теориями мироустройства и жизненными реалиями. Достоевский предельно ясно показал прямое воздействие, казалось бы, безобидных философских идей на сознание и душу человека. Он показал, каким образом зло, скрывающееся за маской теоретических концепций, проникает в нашу жизнь, трансформируясь в реальные злые деяния.

Конечно, приводя пример с Раскольниковым, я сильно драматизирую ситуацию. Но я делаю это сознательно, по-

тому что меня действительно беспокоит возможное негативное воздействие представлений Даниила о добре и зле на его жизнь, на взаимоотношение с друзьями, коллегами и, конечно же, родителями. Увлечение концепцией «вируса зла» легко может привести к мысли о том, что противостоять злу можно, только сделав прививку вируса зла самому себе. Хочешь выстоять в борьбе со злым миром, стань злым сам. Здесь я вижу большую опасность в передозировке, что может привести к тотальному заражению злом. Я знаю, у моего сына доброе сердце, но в последнее время он не всегда замечает, когда причиняет душевную боль и страдания самым близким ему людям. На мой взгляд — это есть верный симптом вируса зла. Я убежден, что есть прямая связь между пониманием природы добра и зла и нашей способностью сострадать другим.

Когда Даниил поделился со мной своей теорией заражения нашей планеты вирусом зла, я понял, что это не просто случайные игры разума — Даниил излагал свое жизненное кредо. Тогда я спросил его, что он считает главным злом. Оказалось, что это — государство. Именно государство с его корпоративной системой как институт подавления свободы личности. Он считает, что все функционеры государственного механизма в той или иной степени заражены этим коварным вирусом. Дальше все просто — источник зла обозначен, и теперь его надо уничтожить и расчистить путь в светлое будущее. Сам Даниил, во всяком случае в то время, когда он изложил мне свою теорию, осознавал свою миссию как борца с этим злом. Каждому молодому поколению присуще обостренное чувство социальной справедливости и стремление к переустройству мира. Механизм общественного устройства кажется простым и понятным. И они, представители молодежного авангарда, убеждены в своем праве и способности исправлять этот злой и несправедливый мир. Главное — точно обозначить врага, а его уничтожение — дело техники. Именно такими идеями руководствовались все борцы за счастье и свободу, революционеры всех времен и народов, героические образы которых с детства мы храним в нашей памяти. Это и Марат с Робеспьером, и романти-

ки-декабристы, и революционеры-террористы всех мастей, и Че Гевара, героический облик которого смотрит на нас с маек молодежной тусовки. Для современного мусульманского мира таким героем является Бен Ладен. Все они считали и считают себя борцами со Злом и все они были убеждены, что цель оправдывает любые средства. В «Статском советнике» Б. Акунин дает четкую оценку деятельности борцов за всеобщее счастье. Когда главному герою, Эрасту Фандорину, был задан вопрос о его отношении к революционерам, он назвал их дровосеками — лес рубят, кровавые щепки летят. Все эти борцы за немедленное светлое будущее руководствуются красивыми, но, на мой взгляд, ложными идеями радикальной перестройки мира, не понимая, что человечество неоднородно и что перестройка сознания людей занимает значительно больше времени, чем слом существующих форм социальной организации. К сожалению, все это можно отнести в полной мере и к политике правительства Джорджа Буша в Ираке. Я, конечно, не ставлю американского президента в один ряд с Бен Ладеном. Но его стремление осчастливить другие народы путем навязывания им демократии, с моей точки зрения, не выдерживает никакой критики. Лучшие умы всегда понимали, что насилие над естественным процессом развития общества приводит только к умножению зла. Можно в относительно короткие сроки изменить строй мысли отдельно взятого человека, но невозможно в одночасье изменить сознание нации или народа. Недаром Моисей водил сорок лет свой народ по пустыне после исхода евреев из Египта. Весь опыт XX столетия свидетельствует о том, что идея прививки идеалов демократии не готовому к этому общественному сознанию совершенно бесперспективна и крайне опасна. То, что годится для одних народов, может оказаться совершенно неприемлемым для других. И не потому, что они глупее или злее, чем те, которые считают себя более прогрессивными, а потому, что они просто другие — принадлежат к более молодым цивилизациям, которые еще не созрели до принятия идеалов демократии. Но почему-то все благодетели человечества считают, что именно они смогут осчастливить мир реализацией своих безумных идей. Декларируя борьбу со злом, все исторические персонажи такого рода не замечали,

как сами они превращались в носителей зла, проливая реки крови и принося неисчислимые беды не только тем, против кого они выступали, но и тем, за кого они боролись.

Замечательно в этой связи сказал Омар Хайям:

Чем за общее счастье без толку страдать —
Лучше счастье кому-нибудь близкому дать.
Лучше друга к себе привязать добротой,
Чем от пут человечество освобождать.

Идея искусственного переустройства общества без учета естественных механизмов его развития порочна в своей основе и предельно опасна. Тем не менее, то, что Даниил равнодушен к несправедливому устройству нашего мира, безусловно, характеризует его с хорошей стороны. Как сказал один мудрый человек, если человек в молодые годы не разделяет идеалы демократии, у него нет сердца, если в зрелом возрасте он не проникся консервативными идеями — у него нет ума. Не берусь утверждать, что дословно передал содержание данного высказывания, но по смыслу это очень близко к оригиналу.

* * *

С тех пор, когда Даниил поделился со мной своей «вирусной» теорией, до того времени, когда я писал эти строки, прошло не меньше трех лет. За это время его представления о природе добра и зла претерпели серьезную, я бы сказал радикальную, трансформацию. Раньше он полагал, что зло есть некоторая внешняя сила по отношению к изначально доброму миру. Позже у него появилась новая концепция, согласно которой добро и зло, наподобие Инь и Ян, выступают как взаимодополняющие силы, как две стороны единого Бога. Если в соответствии с «вирусной» теорией Зло-Дьявол является внешней по отношению к Добру-Богу силой, то новая картина мира исходит из того, что дьявол — это обратная сторона Бога. По словам Даниила, дьявол — это зеркало, в которое смотрит Бог. Эти представления, как и «вирусная» теория, имеют долгую историческую традицию и многих приверженцев. «Вирусная» теория, безусловно, привлекательна для философски ориентированной публики, т. к. в основе

своей имеет тезис о единстве и борьбе противоположностей, который трудно оспаривать. Действительно, если есть верх, должен быть низ, без правой стороны нет левой и, конечно же, если существует добро, должно существовать и зло. Но и в этой концепции есть свои «подводные камни». Безусловно, верный сам по себе принцип относительности добра и зла может привести к стиранию границ между ними. Еще недавно и я был приверженцем подобного представления о добре и зле.

Анализируя эволюцию представлений моего сына о добре и зле, я понял, что он проходит те же стадии осознания отношения добра и зла, которые проходил я сам. Мы оба развиваемся, и моя картина мироустройства также претерпела серьезные изменения. В следующем разделе я попытаюсь изложить свое понимание, или свою теодицею. А пока только выражу принципиальное несогласие со всеми концепциями, исходящими из того, что Творец оперирует теми же понятиями и представлениями, что и мы, люди, и приписывающими Богу мышление в категориях добра и зла. Все подобные концепции являются антропоморфными, т. к. полагают, что бытие Создателя подобно бытию человека, в жизни которого очень часто встречаются ситуации, когда необходимо принимать оценочные суждения, что есть хорошо и что есть плохо, что есть добро и что есть зло. Как известно, все эти понятия **относительны**: то, что хорошо и добро для одних, будет плохо и зло для других. Употребление понятий добра и зла всегда предполагает отнесение к конкретным морально-этическим ценностям, присущим человеку, который живет в данном месте и в данное время. Я полагаю, что эти понятия являются порождением человеческого разума, ограниченно-го нашим пониманием пространства и времени и, что особенно важно, нашими представлениями о смерти и жизни. Понятия «добро» и «зло» нужны только для того, чтобы дать возможность человеку оценить ту или иную жизненную ситуацию и определиться в отношении нее. Поэтому исходить из того, что Бог-Абсолют оперирует этими понятиями, значит, идти по неверному пути, ведущему в противоположном направлении от истины.

Я не думаю, что, прочитав эту главу, Даниил сразу откажется от своего видения мира, своего отношения к добру

и злу. Но я был бы рад, если бы мои мысли помогли ему выработать критическое отношение к собственным концепциям, сделать его мышление более рефлексивным. Рано или поздно это произойдет и без моей помощи. Скорее анализ и описание моих с сыном дискуссий помогли мне самому проследить эволюцию моих представлений о добре и зле, еще раз выверить логику моего собственного движения. С уверенностью могу сказать только одно: нам так и не удалось прийти к компромиссу по вопросу происхождения добра и зла. Кто является создателем Зла? Можно ли разделять происхождение Зла и создание Добра? Как зло появилось в мире земном? Находится ли зло внутри нас или вне нас? Все эти вопросы для меня остаются пока открытыми. Тем не менее, далее я попытаюсь ответить на них и изложить свой взгляд на природу происхождения добра и зла.

КТО ЖЕ ВИНОВЕН?

Кто же виновен в том, что зло присутствует в мире? Оно не просто есть, его есть много и даже очень много. Вопрос этот для христианина, как и для любого человека, даже нерелигиозного, но воспитанного в христианской традиции, звучит, в лучшем случае, как нечто, не имеющее смысла. То же самое можно отнести и к мусульманам. В священных текстах все давно расставлено по своим местам и получило свое объяснение, которое уже не одну тысячу лет вполне устраивало верующих. Прародителем зла, безусловно, является Дьявол-Сатана-Шайтан и т. д. Именно он, имеющий множество имен, но единую сущность, есть царь Зла.

Известно, что представление о дьяволе вместе с верой в единого Творца было привнесено в христианство и ислам из иудаизма. В свою очередь иудаизм позаимствовал идею дьявола в еще более древних религиях Вавилона. Об этом, правда, мало кто помнит. Получается, что опять во всем виноваты евреи. Породив новую религиозную доктрину — христианство, иудаизм в то же время послужил мостом, связавшим древний и новый мир. И, как оказалось, в этом новом мире феномен Сатаны был задействован не в меньшей, а возможно, в большей степени, чем феномен единого Творца.

Иначе, чем мы можем объяснить кровавый террор церкви в средние века? Никогда на Земле, как отмечает А. Амфитеатров, не было столько речи о Сатане и не боялись его так, как в испуганном христианском человечестве, после победы Христа над вечным врагом (1, с. 528). Создается впечатление, и, скорее всего, так оно и было, что средневековый человек значительно больше боялся Сатану, чем верил в милость Бога. Не буду здесь углубляться в глубины родословной Сатаны. Эта тема уже достаточно глубоко исследована. Скажу только, что вся история разработки этого персонажа напоминает мне поиск виновного. Не желаем мы брать на себя ответственность за весь тот океан зла, который бушует в нашем мире с момента появления в нем человека. Но если не Бог и не мы, то кто-то же должен за это ответить! И тут на сцену выходит дьявол как очень удобный персонаж, на которого можно свалить, если не всю, то значительную часть вины. Все-таки легче на душе, когда есть некая сила, которая виновата в наших грехах еще больше, чем мы сами. Вот мы и говорим: «козни Сатаны», «попутал нечистый», «попался в сети дьявола» и т. п. И создается миф о том, что мир мог бы существовать без зла, каким он и был изначально задуман. И другой миф — о возможности окончательной победы над злом в не очень отдаленном будущем. Может быть, потому, что несостоятельность скорой победы над мировым злом очень скоро стала очевидной самим отцам церкви, или по причине того, что Сатана необходим церкви, чтобы держать паству в постоянном страхе (ведь запуганное сознание легче подчинить); так или иначе, но окончательная победа над злом была отнесена на конец мира. Тем самым христианская доктрина как бы признала неизбежность присутствия зла в мире. Но вот об истинных, в моем понимании, причинах этого присутствия она предпочитает умалчивать.

И все-таки существует дьявол или нет? На этот вопрос я отвечаю утвердительно. И это мое утверждение не нуждается в каком-либо научном обосновании или доказательстве. Я просто руководствуюсь логикой построения **моего** мира. Если есть силы Добра, то должны быть и силы Зла. Если я признаю существование Будды, Христа и Мухаммеда, то какие у меня основания отрицать Сатану? Но вопрос о

том, являются ли все они проводниками своей собственной воли, или за их деяниями стоит высшая воля, воля Творца, действительно занимает мои мысли. Поэтому мне важно понять и разобраться в том, зачем нужно присутствие дьявола в системе мироздания. За этим стоит более широкий вопрос: зачем вообще нужно зло в мире?

Записал это и вижу, что завершил этот раздел тем же вопросом, что и предыдущий. Хотел перечеркнуть, но не сделал этого. Чтобы приблизиться к решению любой проблемы, принципиально важно ее правильно обозначить или поставить, особенно когда речь идет о столь серьезной проблеме, как происхождение добра и зла. Поэтому это нормально, когда в начале работы вопросов значительно больше чем ответов. Но когда их слишком много, это тоже не очень хорошо. Поэтому я не стану сразу атаковать извечную философскую проблему добра и зла. Для начала следует попытаться разобраться в том, как зло проникает в наш мир. Суть моей гипотезы заключается в том, что мы, люди, сами помогаем дьяволу в этом. Зачастую зло прячется под маской добра. Недаром ведь говорится, что благами намерениями выстелена дорога в ад. Очень часто «благие намерения» не обходятся без обвинения кого-либо в злом умысле против человечества. Это относится ко всем религиозным, национальным и другим противостояниям в нашем обществе, когда какая-либо социальная группа узурпирует право выступать от имени сил добра. При этом она обязательно противопоставляется другой группе, которая объявляется источником и проводником зла. Как правило, в ход идут ложные обвинения, целью которых является не действительное желание защитить человечество от происков Сатаны, но защита политических или экономических интересов определенной социальной группы или определенного круга людей. Именно таким образом Сатана использует низменные чувства и устремления людей, проводя свою линию в нашем мире. В частности, это в полной мере относится к ложному представлению о женщине как о «сосуде греха», источнике зла и пособнице дьявола. Именно поэтому я начинаю свои размышления о добре и зле с апологии женщины.

АПОЛОГИЯ ЖЕНЩИНЫ

Cherchez la femme.

На чьей стороне женщины? На стороне Бога или они играют за команду дьявола? Не знаю, как вам, а мне довольно часто случалось слышать, что все зло исходит от женщин. Можно, конечно, сказать, что это пресловутое выражение, как правило, произносится всуе. Тем не менее, я всегда ощущал внутренний протест против этой точки зрения, которая сама по себе всегда была и является сегодня источником зла. Интересно то, что бывают случаи, когда сами женщины проповедуют идею причастности всего рода женского к злу. Может быть, потому, что некоторым из них присуще острое желание драматизировать действительность и окружить себя волнующей атмосферой таинственности.

Так уж сложилось, что в христианском мире женщина изначально несет на себе большее бремя ответственности за то, что принято считать грехом. Можно сказать, что до сих пор существует некоторая презумпция виновности женщины. Если женщина любвеобильна, то о ней говорят, как о падшей, блуднице и т. д. и т. п. Когда речь идет о мужчине, то его характеризуют совсем по-другому. Это любитель приключений, дамский угодник, в крайнем случае, ловелас или по-простому бабник. Согласитесь, что зачастую то, что по отношению к женщине рассматривается как грех, в случае с мужчиной расценивается значительно более мягко. В абсолютно симметричных ситуациях традиция предписывает рассматривать женщину как носителя зла и пособницу дьявола, а аналогичное поведение мужчины расценивается как проявление естества или как нечто само собой разумеющееся. Конечно, в наше время представительницы «слабого» пола позволяют себе вольностей ничуть не меньше, чем мужчины. Тем не менее, презумпция виновности женщины до сих пор существует в нашей культуре. Может быть, прекрасная половина человечества на самом деле пристрастна к греху больше, чем сильная его половина? Может быть, это правильно и справедливо, что женщины, благодаря нашей общей праматери Еве, всегда несли и несут на себе клеймо

первородного греха? Очевидно, что в наши дни далеко не все согласны с таким положением вещей. Для меня совершенно ясно, что здесь мы имеем дело с явным анахронизмом.

Практически все религии, противопоставляя материю и дух, закрепляют явный и безоговорочный приоритет за духовным началом. Однако только христианство и ислам столь жестко разводят материальный мир (мир дольний) как средоточие греха и, соответственно, злого начала и духовный мир (мир горний) как обитель блага и святости. Поражает ярко выраженный антифеминистский настрой этих религий. Христианство не возникло на пустом месте. Как монотеистическая религия оно базируется на иудаизме. В то же время в христианстве можно проследить линии, связывающие его с религией Древнего Египта и античным политеизмом. Однако ни в древних, ни в других современных вероисповеданиях мы не находим ничего подобного. В этой связи Е. Рерих пишет: «Неправильны книжные утверждения, что все религии и учения полны суждения о низшей природе женщины. Все подобные суждения в них и есть именно те искажения и добавления, которые были внесены позднее властью утверждающими из своекорыстия и грубого невежества. Истинно неповинны в этом вопиющем невежестве Великие Основатели религий и учений. Примем во внимание, через сколько нечестных, алчных рук на протяжении скольких тысячелетий прошли эти Учения!» И дальше: «И Христос утверждал равенство Начал, но темны были последователи его учеников, и темнота эта, можно сказать, увеличивалась и росла не в арифметической, но в геометрической прогрессии» (27, с. 584—585). Может быть, женщина и в самом деле есть пособник дьявола, и большая заслуга христианства именно в том, что только эта религия смогла открыть нам глаза и помочь осознать это? Может быть, церковь руководствовалась истинно благими намерениями, способствуя утверждению господства мужской половины человечества над женской? В последнее время эти вопросы все больше привлекают к себе внимание. Я уверен, что, пытаясь найти ответы на них, я смогу не только утвердиться в своем сознании как борец за справедливость, но и только глубже вникнуть в христианское мировоззрение и

этику взаимоотношения полов, но и сделать еще один шаг в понимании природы добра и зла вообще.

В наше время приоритет мужчины в обществе и семье если и не совсем исчез, то явно не является столь бесспорным, как во времена, еще не столь отдаленные. Поэтому сегодня зафиксированное в Священном Писании отношение к женщине как к источнику зла не может удовлетворять не только прекрасную половину человечества, но и всех мыслящих его представителей. Отсюда возникновение и распространение феминизма, в том числе самых крайних его форм. Феминизм является одной из характерных особенностей современного общества. Но и прежние эпохи также знали проявления идеологии превосходства женщины. Вспомним легенды об амазонках — женщинах-воительницах, которые хотя и заботились о продолжении своего рода, но избавлялись от мальчиков и оставляли себе только девочек. Явная ностальгия по сильной женщине присутствует в образе нимфы Калипсо, которая удерживала семь лет в своем плену Одиссея и его спутников. Если в те времена идея приоритета женщины была данью древним верованиям и отголоском канувшего в Лету матриархата, то в наши дни феминизм является движением, направленным в будущее. Сегодня, когда искусственное оплодотворение и клонирование стало реальностью, картина будущего, в котором человечество представлено только женской его половиной, уже не кажется нам чем-то совершенно фантастичным. С моей точки зрения, если такое случится, то человечество просто перестанет существовать; но технически такая возможность существует.

В значительной мере феминистский бунт инспирирован многовековой несправедливостью отношения к женщине как источнику зла и пособнице дьявола. Сегодня это уже не отдельные проявления женского возмущения, но массовое движение, охватившее разные стороны общественной и культурной жизни. Дело зашло настолько далеко, что речь уже идет не о равноправии, а о явном доминировании женщины в современном мире. По-моему, это уже слишком, т. е. реализация такой установки приведет опять же к наруше-

нию гармонии и угнетению прав, но теперь уже мужской половины человечества. Именно эти мысли были положены в основу польского фильма «Новые амазонки», где перед нами предстает картина будущего, в котором есть место только для женщин. Авторы этой ленты убедительно показывают ущербность такого феминистского рая, ностальгирующего по мужскому присутствию. Тем не менее, пришло время покаяния. Если мы, мужчины, хотим удержать славу сильной половины человечества или хотя бы самоуважение, то надо смирить ложную гордыню и покаяться перед женщинами, признать всю ту ложь, которая тысячелетиями способствовала угнетению прекрасной его половины.

Женский экстремизм в нашем мире есть не что иное, как ответная реакция на мужской шовинизм, который мы унаследовали от прежних эпох. Что касается меня, я понимаю объективную природу этих явлений, но отношусь негативно и к тому, и к другому. Оба эти явления, безусловно, являются разными проявлениями идеологии экстремизма, которую я в принципе не приемлю. Есть Творец, и есть его творение — Человек. Мужчина и женщина суть две половинки этого творения. Не случайно древние евреи в сочетании слова «Адам» и слова «Ева» усматривали имя Бога — Яхве, Иегова (24, с. 114). Это говорит о том, что только взятые вместе, мужчина и женщина есть Человек как образ и подобие Божье. Поэтому любое неравенство между ними, на мой взгляд, есть отступление от истины и в этом смысле есть зло. И чтобы эффективно противостоять этому злу, необходимо разобратся в его истоках.

Отношение к женщине как к воплощению греховной сути плоти человеческой с особенной силой проявилось в католицизме. Одним из крайних выражений этого отношения стал celibat — положение, запрещающее духовным лицам вступать в брак. Но есть ли в этом действительное проявление духа христианского учения и был ли сам Христос приверженцем этой идеи? Как отмечают Л. Пикнетт и К. Принц, в иудейской традиции celibat совершенно неприемлемая и, более того, по сути своей греховная вещь. Даже враги Христа, раввины, никогда не обвиняли его в проповеди безбрачия.

Это говорит о том, что первоначальное, или истинное, христианство не несло в себе негативного настроя по отношению к женщине. Доктрина монашеской жизни появляется в христианстве значительно позже (25, с. 66). С этой точки зрения православие, не принявшее идею celibата, ближе к истокам, чем католическая церковь. Но в том же католицизме женское начало в образе Девы Марии возносится на такие высоты, как ни в какой другой мировой религии. Ни в иудаизме, ни в православии, ни в исламе мы не находим ничего подобного. Создается впечатление, что доминирующий культ Девы Марии, или Божественной женщины, является противовесом явно несправедливого, я бы сказал преднамеренно злого, отношения ко всей женской половине рода человеческого. Ностальгическое отношение к самой идее поклонения прекрасному женскому образу проявляется не только в плане религиозном, но и в обычной земной жизни. Подтверждением этого, в частности, является феномен искусства и поэзии куртуазной любви в культуре готики. Напомню, что подчеркнутое преклонение рыцаря перед прекрасной дамой уживалось здесь с правом того же рыцаря охранять ее целомудрие с помощью пояса верности и с другими, значительно более жестокими проявлениями мужской тирании. Конечно же, в этом я усматриваю проявление варварского лицемерия. В то же время средневековый феномен куртуазной любви оказал, на мой взгляд, безусловно положительное воздействие на всю последующую этику взаимоотношения полов в европейской культуре. Недаром ведь и сегодня мужчину, проявляющего уважение и галантность по отношению к женщине, называют джентльменом и усматривают в этом присутствие истинного рыцарского духа.

Таким образом, в христианстве сосуществуют две антагонистические идеи. Одна проповедует отношение к женщине как к пособнице дьявола и рассматривает женщину как безусловно злое начало. Другая преклоняется перед женским началом как источником мирового добра и благодати, воплощенном в образе Матери Божьей. Во всяком случае, мне представляется именно такая, с моей точки зрения, весьма противоречивая картина. С позиций самой церкви никакого противоречия здесь нет, т. к. божественная природа

Богоматери никоим образом не должна распространяться на женскую половину человечества. Поэтому, начиная с утверждения канонического христианства, церковь без колебаний сосредоточивает усилия на проведении в жизнь первой линии. Она всегда делала все возможное, чтобы удержать непроницаемую стену, возведенную ею самой между проявлением женского начала в божественном и земном планах. Именно этой цели служит канон о непорочном зачатии. Но нельзя искажать истину вечно и безнаказанно.

На всем протяжении истории христианства параллельно с основной его доктриной существовало и другое мышление, не желающее отождествлять женщину со злом. Конечно, не сами женщины были выразителями этих идей. Даже самые отъявленные феминистки не могут не признать того факта, что во все времена мужчины были не только угнетателями женщин, но и восторженными их почитателями. Причем почитателями не только красоты и других физических достоинств женщины, но и душевных и духовных ее качеств. Именно мужчины создали самые прекрасные женские образы в искусстве и литературе прошлых эпох. И естественно, что именно среди них были носители еретических идей, отрицающих особую ответственность Евы за т. н. первородный грех. Хотя это мышление вынуждено было скрывать себя, оно так или иначе прорывалось наружу, проявляя божественную природу женского начала и подчеркивая его красоту в самых разных формах. Поэтому я категорически приветствую прокатившуюся по всему миру волну интереса и, я бы сказал, ажиотажа, вызванную книгой Д. Брауна «Код да Винчи». Хочу подчеркнуть, что речь здесь не идет о выдающихся художественных достоинствах этого произведения или о принципиальной новизне информации, но о социальном феномене, сфокусировавшем небывалое внимание на новозаветной идеологии в целом и, в частности, на ее отношении к женщине.

В этой книге подвергаются сомнению устоявшиеся догмы христианского сознания, в том числе пересматриваются образы самого Христа и Марии Магдалины. Нельзя сказать, что использование религиозной, в частности библейской,

мифологии в сочетании с захватывающим действием, происходящим в современном нам мире, является большой редкостью. Достаточно вспомнить фильмы о приключениях Индианы Джонса и более поздний триллер «Мумия», сериалы об охотниках за древними раритетами, повесть У. Самбрата «Стена», таких голливудских киногероев, как Ксена и Геркулес, которые ведут беспощадную борьбу с мировым злом. Во всех этих произведениях роль мифологии сводится к созданию антуража, передающего атмосферу таинственности и переносящего читателя или зрителя от реалий повседневной жизни в загадочный мистический мир давно ушедших эпох. Особое место, конечно, занимает «Мастер и Маргарита» М. Булгакова. Также нужно упомянуть «Альтиста Данилова» В. Орлова. Казалось бы, народ уже должен привыкнуть к такого рода литературным приемам и эффектам. Тем не менее, «Код да Винчи» был воспринят в огромной степени как некоторое откровение. Не буду вдаваться здесь в анализ достоинств и недостатков книги Брауна. Отмечу лишь, что, на мой взгляд, уникальность ее заключается в том, что в данном случае содержание библейского предания уже не исчерпывается функцией событийного фона. Более того, значимость затрагиваемых автором проблем христианской религии настолько высока, что сам по себе интересный детективный сюжет не просто отходит на второй план, а вообще исчезает из круга обсуждаемых вопросов. Прежде всего, речь идет о покушении на центральный догмат о единственности Бога-Отца и Бога-Сына. Ничего принципиально нового здесь нет. Арианство, настаивавшее на том, что Иисус Христос есть только посредник между Творцом и его творением, получило широкое распространение и было осуждено как ересь еще в IV веке. Идеи арианства не умерли вместе с ним. Отрицание божественной природы Христа также было одним из главных обвинений в деле ордена тамплиеров (храмовников) в начале XIV века. Известно, что, несмотря на жестокие гонения, учение, признающее Христа как мессию, но не как единосущного Бога, существовало как тайное знание на протяжении всей истории христианства и дошло до нашего времени. Но одно дело, когда это тайное знание, и совсем другое, когда оно становится явным. Теперь

оно уже не предназначено для узкого круга посвященных, но преднамеренно открывается самой широкой читающей публике.

Прочитав «Код да Винчи», я был очень удивлен молчанием церкви. Казалось, что святые отцы растерялись и выжидают развития событий. Но молчание было недолгим. Когда рост популярности книги превысил все мыслимые до сих пор пределы, церковь выступила с ее осуждением. Думаю, что иначе она поступить и не могла. Ведь признание тех положений, на которых настаивает Браун, означало бы призыв к радикальному изменению всей ортодоксальной христианской доктрины. Не трудно представить, к чему могут привести такие изменения, если попытаться внедрить их революционным путем в устоявшуюся систему не только христианского, но любого вероисповедания. Поэтому, с моей точки зрения, Ватикан поступил мудро, не допустив резкого обвала многовековых устоев ортодоксального христианства. Как говорится, процесс пошел, и если во всем этом есть свет истины, то тьма так или иначе будет побеждена. В любом случае, ажиотаж, возникший вокруг этой книги, и развернувшаяся широкая полемика не оставляют сомнения в том, что настало время убрать завесу тайны и предоставить возможность каждому сделать свой сознательный выбор.

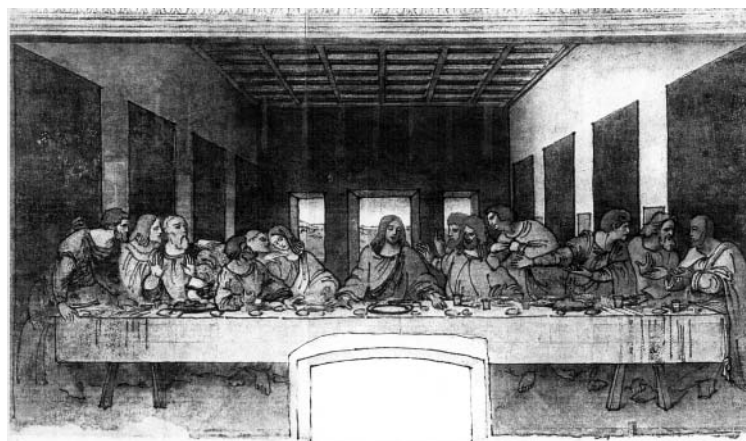
Д. Браун не является первопроходцем и не скрывает, что в своей книге он использовал информацию и идеи, почерпнутые им из различных источников, в том числе из трудов известных английских историков М. Бейджента, Р. Лея, Г. Линкольна «Священная тайна», М. Бейджента, Р. Лея «Храм и ложа», Л. Пикнетт и К. Принца «Откровение тамплиера» и др. Эти труды относятся к научной литературе, которой, как известно, интересуется относительно узкий круг подготовленных читателей. Заслуга Д. Брауна в том, что он донес эти идеи до самых широких масс. По сути, его книга послужила детонатором общественного интереса к важнейшим для современного мира проблемам реформирования канонической христианской доктрины. Люди, которые раньше понятия не имели, кто такой Бейджент, сегодня раскупают его книги, т. к. их интересует все, связанное с «Кодом да Винчи». Тайна всегда интригует и притягивает к себе вни-

мание, как свет свечи ночных мотыльков. «Код да Винчи» инспирировал не только волну читательского интереса, но и новые исследования в этой области. И это только начало. Публикация книги Брауна столь огромным тиражом и ее стремительное распространение по всему миру наводит на мысль о том, что это совсем не случайность. Допускаю, что появление этой книги является частью продуманного плана легализации тайного знания. Поэтому я совершенно не удивился, когда узнал, что один из директоров лондонской издательской компании, сыгравший важную роль в публикации нашумевшей книги М. Бейджента, является убежденным приверженцем оккультизма и, предположительно, членом масонского ордена (25, с. 42).

Высказанные в «Коде да Винчи» мысли во многом совпадают с моим собственным пониманием. Но почему, собственно, в разделе «Апология женщины» я говорю обо всем этом? Дело в том, что в своем обосновании человеческой природы Христа Браун проводит мысль о том, что ничто человеческое ему было не чуждо. Он утверждает, что история Христа и Марии Магдалины была преднамеренно искажена и их отношения имели не столь платонический характер, как об этом говорится в Писании. По версии, представленной Брауном, Христос имел детей от Марии. И более того, именно она была преемницей и духовной наследницей Христа. И речь здесь не просто идет о неизвестных фактах истории жизни Спасителя, но ставится под сомнение сам догмат о единосущности Бога. И это невероятно взрывоопасное утверждение, поскольку оно подрывает под корень всю действующую христианскую доктрину. Я не обладаю необходимым знанием, чтобы утверждать, прав в этом Д. Браун или нет. Тем не менее, я, безусловно, принимаю в целом и поддерживаю его апологию женской половины человечества.

Надо сказать, что изложенная в книге версия также не придумана автором. Конечно, можно подвергнуть сомнению приведенную им трактовку «Тайной вечери» Леонардо да Винчи. Во-первых, не так уж бесспорно, что фигуры Христа и его любимого ученика образуют букву «М». Во-вторых, эти фигуры как бы специально отдалены друг от друга и взоры

их обращены в разные стороны. Но то, что такая интерпретация евангельского предания существовала на всем протяжении истории христианства задолго до времени жизни да Винчи, т. е. до XV века, и после него, вплоть до нашего времени, не вызывает сомнения. Вспомним, что стержнем учения Христа является провозглашение постулата вселенской любви и равенства всех людей перед Богом, вне зависимости от их экономического положения, происхождения или национальной принадлежности. Эти идеи, столь противоположные как язычеству, так и ветхозаветному иудаизму, вызвали

жестокие гонения на христиан со стороны официального язычества и неприятие этого учения традиционным иудаизмом. Новая религия утверждала, что только по делам своим каждый будет судим в конце дней своих. Именно демократический дух христианства стал главной причиной его стремительного распространения и в конечном итоге утверждения как официальной религии Римской империи. По сути, первоначальное христианство исходило из того, что любое неравенство есть зло. Я никогда не мог понять, как может в христианстве уживаться универсальный принцип равенства с явной дискриминацией всего женского рода. Совершенно очевидно, что постулат изначальной женской греховности находится в явном противоречии с теми взглядами, которые проповедовал Спаситель. Поэтому откровения Дэна Брауна

для меня не были чем-то невероятным и неожиданным. Тот факт, что четыре раза Великими Мастерами (Grand Masters) такой тайной организации, как Приорат Сиона (Priority of Sion), были женщины (25, с. 54), на мой взгляд, говорит о том, что убеждения и взгляды ее членов не противоречат моему пониманию учения Христа. В этом смысле идея равенства мужчины и женщины, которая явно проявляется в «Тайной вечере» Леонардо да Винчи, понятнее и ближе мне, чем антифеминизм официальной церкви.

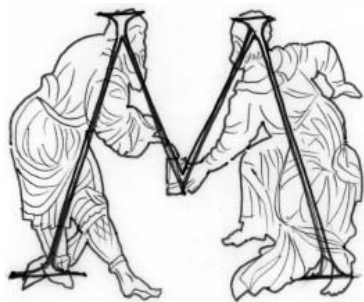
Далее я привожу результаты моего собственного небольшого исследования, со всей очевидностью показывающие, что «Тайная вечеря» Леонардо есть не единичный пример измышлений гениальной личности, но одна из многих интерпретаций неортодоксальной версии истории Христа и Магдалины. Все те же знаки, указывающие, что любимым учеником и первым среди апостолов была женщина, мы находим в творчестве выдающихся представителей европейской культуры на всем протяжении, начиная со времен создания «Тайной вечери» Леонардо и до нашего времени.

В том, что великий Леонардо был не единственным мыслителем, исповедовавшим подобные взгляды, и в том, что мы отнюдь не первые, кто после него, благодаря Брауну, проник за покров тайны, я еще раз убедился во время одного из моих посещений Метрополитен-музея. В тот раз я вместе с Виталием и Ириной Патровыми был на очередной выставке. Проходя один из залов, Ирина привлекла мое внимание к гобелену, на котором была изображена Тайная вечеря. Конечно, я и раньше видел этот гобелен, но в этот раз мне открылась совершенно новая картина: кроме Спасителя здесь присутствуют не двенадцать персонажей, как это должно быть по канону и как изображено на картине Леонардо, а тринадцать. И самое главное, не вызывает никакого сомнения, что фигура, сидящая по правую руку от Христа, есть женщина. Мне очень трудно представить мужчину, который бы облокотился на своего учителя как на спинку кресла. Я уже не говорю о том, что этот учитель в глазах своих учеников, апостолов, был Богом. Какое может быть сомнение, если Христос не просто обнимает своего ученика, но весьма уверенно возложил руку на грудь этого пер-

сонажа. Автором гобелена является Бернар Ван Орли, и он был изготовлен между 1520 и 1530 годами, т. е. после смерти Леонардо в 1519 году. Изображенная версия Тайной вечери в значительно большей степени отличается от канонической трактовки, чем фреска да Винчи. Кроме отмеченного выше, неортодоксальный ее характер специально подчеркивается двумя фигурами на переднем плане по оси изображения. На мой взгляд, здесь происходит весьма странное действие. Один из персонажей наливает вино другому под столом. Художник как бы дает нам знак, что остальная компания занята чем угодно, но имеющим мало общего с питьем вина. Иначе зачем кому-то скрывать то, что все остальные делают открыто. Нелепость поведения этих двух участников священного действия сразу привлекла мое внимание. Я предположил, что

они не относятся к ученикам. Скорее всего, это слуги. Тогда получается, что художник изобразил не двенадцать апостолов, как это должно быть в соответствии с канонам, а только одиннадцать. Что бы я ни делал, в последующие несколько дней две фигуры, занятые разливом вина, стояли перед моими глазами. И я вспомнил фрагмент из книги Г. Гурджиева «Беседы Вельзевула со своим внуком», в котором речь идет об идее передачи тайного знания отдаленным потомкам (14, с. 349). Суть состоит в том, что это знание не должно быть доступно каждому. Поэтому оно должно быть определенным образом зашифровано или закодировано и размещено в таких местах, которые всегда на виду у широкой публики. Наилучшим образом для этого подходят известные произведения искусства, архитектуры или литературы. Зашифрованные фрагменты этих произведений должны содержать в себе ключ для их разгадки. В качестве такого ключа, по мнению Гурджиева, предполагалось вводить такие неточности или отклонения от нормы, которые обязательно привлекут к себе внимание знатоков. Конечно же, разлив спиртного

под столом, да еще на первом плане в изображении Тайной вечери, является именно такого рода отклонением, я бы сказал, дерзким вызовом общепризнанному канону. Осознав это, я увидел, что эти две фигуры есть не что иное, как огромная буква «М», которая прямо указывает на то, что персонаж, наиболее близкий Христу, есть не кто иной, как Мария Магдалина. Ту же букву «М» мы находим в Тайной вечере Леонардо да Винчи. Здесь она также присутствует в самом центре изображения и, как утверждает Дэн Браун, ясно прочитывается в фигурах Христа и Магдалины.

Гобелен такого размера — это не картина, написанная по настроению. Такие предметы роскоши стоили очень дорого и были доступны далеко не каждому ценителю прекрасного. Они создавались годами, как правило, по эскизам выдаю-

щихся мастеров целой бригадой ремесленников-ткачей. Очевидно, что заказать такого рода произведение искусства мог только очень состоятельный человек. Не вызывает сомнения, что оба, заказчик и художник, понимали, что такое изображение Тайной вечери с точки зрения церкви является не просто отходом от канона, но вызывающе еретическим. О чем это говорит? С моей точки зрения, о том, что, во-первых, заказчик обладал очень высокой степенью социальной защищенности, т. е. принадлежал к высшей аристократии. Во-вторых, и художник, и заказчик придерживались общих взглядов на историю жизни Христа. И в-третьих, скорее всего они так же, как Леонардо да Винчи, были членами одного из тайных сообществ. Это ни в коей мере не может быть свидетельством истинности подобной трактовки истории Христа и Марии Магдалины. Но сам факт существования такого рода изображений свидетельствует о том, что, наряду с традиционными, и такие представления были присущи той эпохе.

Уже позже я узнал, что «Тайная вечеря» Ван Орли совсем не единственное произведение искусства, повторяющее все те же коды, которые присутствуют во фреске Леонардо. Именно такое положение фигур Христа и, как полагается, Иоанна, самого любимого из его учеников, мы находим у Альбрехта Дюрера, в его изображениях Тайной вечери. В своих гравюрах мастер явно стремится показать особое привилегированное положение одного из апостолов. Первое изображение, относимое к 1510 году, передает момент крайнего эмоционального накала и возбуждения всех участников действия. Скорее всего, здесь изображен момент, когда Иисус сообщил своим ученикам, что один из них предаст его. Ощущение угрозы подчеркивается экспрессией поз и самой композицией. Все фигуры расположены по кругу, активно жестикულიруя и взаимодействуя друг с другом. Сам Иисус, обхватив правой рукой и прижимая к груди одного из своих учеников, как бы пытается прикрыть и защитить его от невидимой нам угрозы. Эта угроза подчеркивается расположенной на переднем плане прямо перед Христом фигурой Иуды, прячущего за спиной кошелек с деньгами. Предатель отмечен еще одним особым знаком. На его спине ниже пояса четко вырисован хвост Сатаны. Интересно

отметить, что на этой гравюре кроме Христа присутствуют тринадцать персонажей, т. е. двенадцать апостолов и еще таинственный кто-то. Очевидно, что нетрадиционное количество участников вечера заставляет нас задуматься над тем, кто же эта тринадцатая персона. Так же как и на гобелене

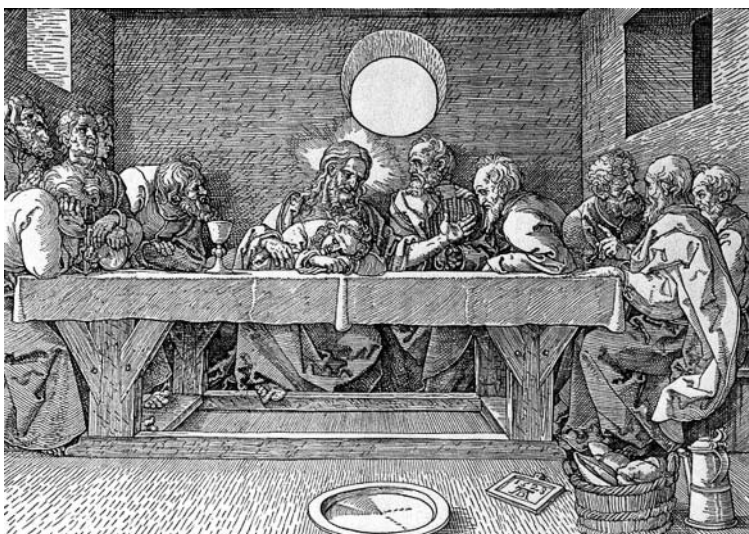

Ван Орли, привлекает внимание необычное расположение фигур — один из персонажей, находящийся на переднем плане, не проявляет никакого интереса к разворачивающейся перед нами драме. Он стоит спиной к столу и спокойно наливает вино в чашу. Если у Ван Орли две фигуры, стоящие на переднем плане, образовывали букву «М», то здесь вроде бы этого нет, но зато есть лишний персонаж. Здесь я опять вспоминаю гурджиевский ключ к тайному знанию и прихожу к выводу, что эта непонятная на первый взгляд

фигура нужна только для того, чтобы указать на присутствие некоторого скрытого содержания. И почти сразу, опять же на самом видном месте, в самом центре изображения, я замечаю букву «М». На этот раз она формируется ножками стола, находящимися прямо под фигурами Христа и его любимого ученика. Более того, вместе с единственной складкой, расположенной в центре скатерти, она образует стрелку, прямо указывающую на фигуру этого ученика.

Две другие гравюры, выполненные в 1523 году, также свидетельствуют о том, что мастер, как и в случае с первой гравюрой, самостоятельно пытался расшифровать тайный смысл Писания. На одной из них изображена другая сцена, когда присутствующие уже оправились от шока, вызванного словами Христа, и пытаются вычислить предателя. Композиция этой гравюры совершенно нетрадиционна. Иисус со своим любимцем сидит не посередине, как в большинстве изображений данного сюжета, а слева, в самом торце стола. Иуда, отмеченный все теми же знаками, помещен у правой противоположной Учителю стороны стола, что подчеркивает напряжение и создает особый драматический эффект.

Если на первой гравюре присутствуют тринадцать персон, кроме самого Христа, то на этой гравюре их уже двенадцать.

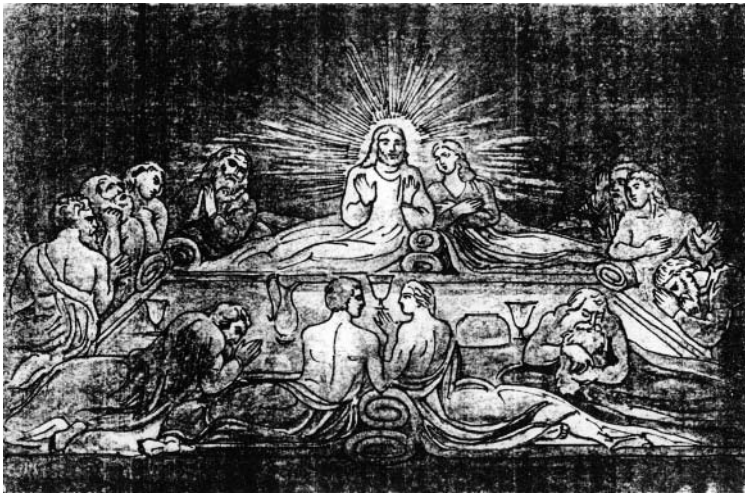
На третьей гравюре, датируемой тем же 1523 годом, Дюрер передает нам свое видение как бы уже иной сцены, следующей после описанной выше. Композиция этой гравюры наиболее близка к канонической, за исключением того, что на ней изображены только одиннадцать апостолов. Опозоренный Иуда уже покинул сцену. Каждый из учеников погружен в свои мысли. Все фигуры размещены по одной линии, в центре которой на значительном расстоянии от остальных сидит Христос со своим любимым учеником, который явно в большей степени убит горем, чем другие. Он уронил голову на левую руку своего Учителя. Как бы пытаясь его успокоить, Христос обнимает его правой рукой. Взгляд Иисуса обращен в пространство: он предвидит будущее свое и своего учения и судьбу всех присутствующих. Стол, за которым восседают все собравшиеся, практически пустой. Зато на полу стоит большой кувшин и рядом корзина с хлебом. Дюрер тем самым подчеркивает, что главный скрытый смысл его картины следует искать не в изображении таинства причащения к крови и телу Христа, но в чем-то другом. В чем же? И он опять подсказывает нам ответ. На полу рядом с корзиной

находятся еще два предмета. Назначение одного из них не вызывает сомнения. Это рамка с инициалами художника и датой создания гравюры. Но что представляет собой второй предмет, сразу понять трудно. Больше всего это похоже на пустую круглую тарелку или зеркало. Спрашивается, зачем художнику нужно было показывать эту тарелку, да еще на самом переднем плане, почти в центре, немного правее от фигуры Христа? И тут я заметил, что на тарелке странным образом пересекаются две линии, разделяя ее на четыре сегмента, один из которых заштрихован. Еще немного мыслительного напряжения, и все становится на свои места. Эти линии вместе с выделенным сегментом образуют все ту же букву «М». Причем сама тарелка как бы выполняет функцию компаса, а заштрихованный сегмент играет роль стрелки, указующей в сторону любимого ученика.

Позже я обнаружил еще одну «Тайную вечерю», которую Дюрер сотворил раньше, чем три гравюры, упомянутые выше. Здесь так же, как и на гобелене Ван Орли, любимый ученик расположился прямо на коленях Спасителя. На переднем плане сидит Иуда, сжимая свой кошель. Сначала я насчитал только десять апостолов, что само по себе привлекло мое внимание. Присмотревшись, я нашел недостающих двух. Вероятно, художник специально замаскировал их, чтобы заинтриговать зрителя. И конечно же, я нашел тайный знак, указывающий на присутствие в этой сцене Марии Магдалины. Хотя буква «М» изображена здесь в виде складок одежды апостола, сидящего на переднем плане спиной к зрителю, тем не менее она отчетливо прочитывается, не оставляя сомнения в трактовке автором данного сюжета.

Возникает вопрос: разве нечто угрожало одно-

му из апостолов больше, чем другим? Известно ведь, что пострадал, прежде всего, сам Спаситель. Почему же тогда он так печется именно об одном из своих учеников? И почему этот ученик проявляет свою тревогу столь отлично от других? Очевидно, что во всех четырех гравюрах Дюрер всеми доступными ему средствами сосредоточивает наше внимание именно на этом апостоле. Все указывает на то, что он разделял точку зрения Леонардо да Винчи, т. е. исходил из того, что одним из двенадцати апостолов была женщина, которая была приближена и любима Христом больше, чем его остальные ученики. И эта женщина, судя по всем тайным знакам, была Мария Магдалина. В описанных выше гравюрах Дюрер выразил свое явно неортодоксальное понимание истории жизни Иисуса Христа. В каждой из них он использовал особый прием для привлечения внимания зрителя к тайному содержанию, скрытому за одним из наиболее известных евангельских сюжетов.

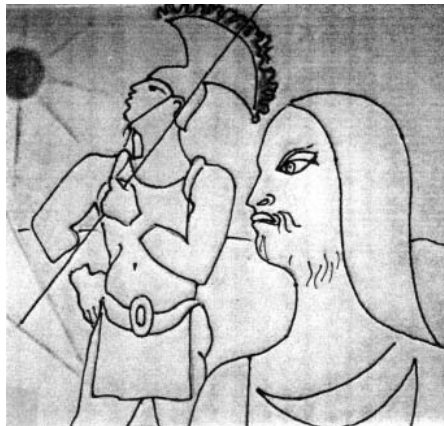
Теперь перенесемся в конец XVIII века. Оригинальную трактовку Тайной вечери мы находим у Вильяма Блейка. Его версия относится к 1799 году, т. е. была создана почти на три столетия позже, чем описанные выше произведения Леонардо да Винчи, Бернара ван Орли и Альбрехта Дюрера. Его персонажи не сидят за столом, а возлежат вокруг низ-

кого помоста или даже ковра, как это было принято в соответствии с античной традицией застолья. Сразу обращают на себя внимание две пары. Первая — это Христос со своим фаворитом. Все указывает на то, что этот ученик — женщина. Это и округлые формы, миловидная внешность, маленькие кисти рук и, конечно, одеяние. Только у этого персонажа платье выделено ярко-зеленым цветом с желтыми штрихами, в то время как у всех остальных апостолов цвета одежды значительно более блеклые, мало выделяющиеся из общего колорита картины. В зодиаке желто-зеленый цвет — это цвет Девы. Возможно, Блейк специально использовал этот цвет, чтобы еще раз подчеркнуть принадлежность любимого ученика к женскому полу. Вторая пара, обращенные друг к другу две фигуры апостолов, возлежит прямо напротив первой. Эти двое сидят спиной к зрителю и в пространстве изображения находятся прямо под Христом и его избранным учеником. Не нужно обладать изощренным воображением, чтобы увидеть, что они образуют все ту же букву «М».

Уже в XX столетии мы находим еще одно изображение, несущее в себе те же тайные коды и смыслы, обнаруженные в описанных выше произведениях искусства. На этот раз речь идет о фреске Жана Кокто, которая находится в лондонской церкви Французской Богоматери (Notre-Dame de France). Ее сюжетом является не Тайная вечеря, а распятие. Фреска была выполнена в 1960 году, за три года до смерти автора.

Детальное описание этого произведения дано Л. Пикнетт и К. Принцем в «Откровении тамплиера». Поэтому я отмечу только несколько моментов, интересных и значимых в контексте данного рассуждения. Прежде всего, надо сказать, что здесь мы имеем дело с явно неортодоксальным изображением распятия. Хотя крест расположен в самом центре фрески, очевидно, что не само распятие определяет главное ее содержание. Художник показывает нам только нижнюю часть креста. Поэтому нельзя точно определить, кто, собственно, распят — видны только ноги мученика. На переднем плане Кокто помещает самого себя и еще одного человека. Оба они стоят спиной к распятию и всем своим видом демонстрируют безразличие к происходящему событию. Кто этот второй человек, которому художник отвел столь почетное место на своей картине? Подсказку мы находим в форме его глаза, явно напоминающей рыбу. Как известно, в раннем христианстве изображение рыбы использовалось как один из символов Спасителя. Таким образом, Кокто доносит до нас свою версию, согласно которой Иисус Христос не был распят. Справа от распятия мы видим двух женщин, стоящих спиной друг к другу. Та, что моложе, находится ближе к кресту, но явно отвернулась от него. Вторая, стоящая за ней, также смотрит в противоположном от креста направлении. Эти две фигуры как бы связаны между собой тканью, своими линиями напоминающей букву «М». Кажется, что эти женщины

плачут. Но если внимательно присмотреться, то мы увидим, что это вовсе не слезы, а две симметрично расположенные половинки все той же буквы «М». Кроме того, совершенно недвусмысленное начертание этой же буквы, напоминающее знак входа в метро, повторяется на алтаре,

расположенном прямо перед фреской. Буква «М» является инициалом и Марии Магдалины, и матери Христа. Но если речь идет о Деве Марии, тогда зачем вся эта изощренная маскировка? Убедиться в том, что речь идет именно о Марии Магдалине, помогает изображение розы у основания креста. Как известно, роза является символом тайного ордена розенкрейцеров, которые отдают предпочтение евангельской версии, согласно которой Христос не был распят и его любимым учеником была женщина. Очевидно, что Кокто уже не пытается столь тщательно, как его предшественники, замаскировать тайный смысл изображения. Наоборот, он применяет самые разные знаковые средства, чтобы указать на свое видение трагедии, произошедшей две тысячи лет назад на Голгофе, и на совершенно особую роль, которую Мария Магдалина играла в жизни Спасителя.

Можно, конечно, отрицать истинность приведенной выше трактовки отношений Иисуса Христа и Марии Магдалины. Неприятие ее правоверными христианами совершенно понятно, т. к. эта версия подрывает под корень существующие ныне главные христианские догматы. Ведь если допустить, что у Христа с Магдалиной были отнюдь не платонические отношения, я уже не говорю о совместном потомстве, то есть все основания говорить, что ничто человеческое ему было не чуждо. В этом случае оказывается очень трудным делом обосновать идею непорочного зачатия. Следующий шаг в этой логической последовательности — усомнение в краеугольном догмате христианской доктрины о единственности Бога. Можно утверждать, что подобные измышления делаются исключительно с целью оскорбить и опорочить христианскую религию. Но нельзя отрицать, что носителями этих, с точки зрения церкви, безусловно еретических, взглядов были весьма почитаемые и, можно без преувеличения сказать, великие деятели европейской и мировой культуры. Также нельзя отрицать, что эти взгляды и идеи, несмотря на жестокие преследования церковью инакомыслящих, находили своих почитателей практически на протяжении всей истории христианства и существуют и в наше время.

Я верю, что Иисус Христос является исторической личностью. Но в моем понимании, несмотря на все его величие

и суперважность исполняемой им роли, он не есть Бог. Так же как Будда, Моисей и Мухаммед, Христос предстает перед нами как мессия, и это отнюдь не умаляет его роли в истории человечества. Так же как и другие известные нам мессии, он есть Спаситель человечества, проводник воли Бога в нашем мире. Именно история отношений Христа и Магдалины, несомненно, указывает на человеческую природу Христа и тем самым подтверждает мысль о его мессианском предназначении. Эта версия присутствует в ряде гностических евангелий, которые были объявлены еретическими измышлениями. И это понятно, т. к. для официально признанной церковной доктрины не могло быть ничего более опасного и, следовательно, еретического, чем идеи, подрывающие догмат о Христе как о единосущном Боге. В этом свете позиция и логика церкви по отношению к Марии Магдалине и вообще ко всему женскому роду становится совершенно понятной.

— Вы забываете о том, какое место христианство и, особенно, католицизм отводит Богородице в своем культе. Разве Дева Мария не принадлежит к женскому роду? — вопрошают мои оппоненты. — Не следует также забывать о многочисленных женщинах, возведенных в ранг святых. Можно ли, зная обо всем этом, серьезно утверждать, что христианская доктрина по духу своему является женоненавистнической религией?

— Да, это действительно так, но все эти персонажи никакого отношения не имеют к обычным земным женщинам. Когда мы возносим свой взгляд к Богородице или святым великомученицам, мы обращаемся к сущностям духовным. Любое упоминание по отношению к ним об их земной женской природе воспринимается как кощунство. Именно поэтому так важен для церкви догмат о непорочном зачатии. История любой женщины, причисленной к лику святых, связана с полным отказом от всего, что может быть прямо или косвенно связано с женским началом. Церковь на протяжении долгих веков не усматривала никакого противоречия между поклонением Богородице и резко негативным отношением к земной женщине как к источнику зла и пособнице дьявола. Очевидно, что признание возможности физической

близости Христа и Магдалины совершенно неприемлемо для современного ортодоксального христианства.

Работая над этим разделом, я знакомился с разными источниками, так или иначе затрагивающими данную проблематику. Оказывается, как я и предполагал, христианство не всегда несло в себе мощный заряд женоненавистничества. Раннее христианство было намного более последовательным и чистым учением. Как может религия, центральным, я бы сказал, ядром, содержанием которой является идея всеобъемлющей, вселенской любви, оправдывать ненависть или, скажем мягче, нелюбовь к кому бы то ни было, и особенно к женщине, которая дает нам жизнь? В контексте данного раздела мне важно было показать и доказать самому себе, что я не одинок в неприятии точки зрения, воспринимающей женщину как источник зла. Когда я начал писать, в качестве своего единомышленника я видел только Леонардо да Винчи. Но по мере моего продвижения в материале круг расширился. И как видите, я оказался в совсем недурной компании. Кроме великого Леонардо, сюда вошли Бернар Ван Орли, Альбрехт Дюрер, Вильям Блейк и Жан Кокто.

* * *

— Ну и что? — спросите вы. — Разве это в какой-то мере доказывает, что традиционная каноническая версия не является правдивым изложением жизни Иисуса Христа?

— Конечно же, не доказывает.

— И разве можно ссылкой на авторитеты доказать ложность канонизированных жизнеописаний Спасителя?

— Конечно, нельзя. Но я и не ставлю перед собой такую задачу. Мне важно было приоткрыть завесу тайны, которой церковь окутала неугодные ей версии. Единственной моей целью было получить возможность самому сравнить разные трактовки и сделать собственный выбор в соответствии с моим миропониманием и мироощущением. Поэтому, не пытаясь никого ни в чем убедить, я присоединяюсь к точке зрения, которой придерживались и которую пронесли через века упомянутые выше великие деятели европейской и мировой культуры.

Решающим моментом, заставившим меня предпринять это исследование, стало мое неприятие негативного отношения к женщине, которое христианская церковь прививала на протяжении многих столетий. Известно, что до принятия в IV веке канонической христианской доктрины существовали разные версии жизни Иисуса Христа, в том числе версия, изложенная в «Коде да Винчи». Также является историческим фактом то, что в это время были признаны истинными или боговдохновенными только четыре из них, а остальные, так называемые апокрифы, были объявлены еретическими измышлениями. Достаточно очевидно, что этот выбор во многом был предопределен целевыми установками власти предрежающей верхушки и современной политической ситуацией того времени. Не будем забывать, что все евангелия были написаны мужчинами. И судьи, определявшие, что есть истина и что есть вымысел, также принадлежали мужскому полу.

Можно ли обвинять авторов четырех канонических евангелий в том, что они не уделили должного внимания роли женщины в жизни Спасителя? Думаю, что можно. Но не надо забывать, что все они были детьми своего времени, воспитанными на ветхозаветном предании. И не они первые объявили женщину источником зла. Такое отношение к женщине во многом было предопределено существовавшей многовековой традицией, восходящей к Еве, на которую возложили всю тяжесть ответственности за первородный грех еще задолго до Рождества Христа. Поэтому, если мы хотим разобраться, в чем действительная причина зла в нашем мире, мы должны не начать с Нового Завета, а вернуться к ветхозаветной истории Адама и Евы.

Я не обладаю, впрочем, как и все, включая Д. Брауна, достоверными историческими данными, чтобы с полной уверенностью указать, какая из евангельских версий является истинной. Тем более нет никаких доказательств верности или ложности предания о первородном грехе. Поэтому я еще раз подчеркиваю, что все мои рассуждения основаны только на логике построения моей собственной картины мира и на моих собственных предпочтениях. Но вот в чем я совершенно убежден, так это в том, что мы, мужчины, ничуть

не меньшие грешники, чем женщины. И одним из наших самых главных грехов является то, что мы сделали женщину ответственной за первородный грех и, соответственно, за проникновение зла в мир человеческий.

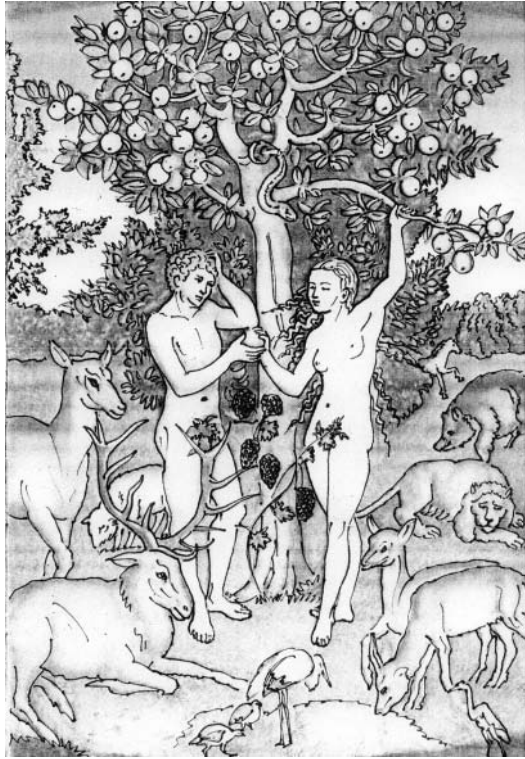
И я задаю вопрос: а виновата ли Ева?

ВИНОВАТА ЛИ ЕВА?

(Был ли первородный грех грехом?)

То, что Ева и спровоцированный ею Адам, нарушили завет Божий и вкусили запретный плод, есть некоторый факт библейской версии истории мира. Как известно, трактовка любого факта зависит от мировоззрения и позиции того, кому она принадлежит. История грехопадения не является исключением. Поэтому неудивительно, что мы встречаем ее самые разные интерпретации и иногда совершенно противоположные взгляды на последствия этого события. Одни, например, предполагают, что мужчины должны быть вечно благодарны женщинам, т. к. только благодаря Еве Адам стал человеком. Он, конечно, понес наказание за содеянное и был изгнан из рая, но разве это не было необходимым условием его очеловечивания? Естественно, что сторонниками таких взглядов являются в основном женщины. Есть и другое отношение, которое встречается преимущественно у философствующих представителей мужской половины человечества. Да, говорят они, мы стали людьми благодаря Еве, но кто ее просил об этом? Никто не поинтересовался мнением Адама на этот счет. Может быть, он вовсе не хотел отличаться от других тварей, созданных Творцом? И вполне возможно, что он был бы более счастлив, если бы никогда не осознал себя человеком, но навсегда остался в раю. Кто здесь прав, судите сами. Я лишь хочу подчеркнуть, что во всех версиях активная и, я бы сказал, лидирующая роль Евы не подвергается сомнению. Безусловно, она нарушила завет сама и подбила на это Адама. Но был ли при этом совершен грех, и можно ли возложить львиную долю вины за грехопадение на Еву?

Почему-то в существующей поныне христианской трактовке библейского мифа о грехопадении Адама и Евы забыва-

ется, что известное дерево было не только деревом познания зла, но и познания добра. По преданию, Ева, совращенная Змеем-Дьяволом, уговорила наивного Адама отведать запретный плод, и дело было сделано — грехопадение свершилось. Но почему это называется грехопадением? Ведь отведав «запретный» плод, первые люди познали и добро. Но никто не восхваляет и не превозносит Еву за это, несомненно, выдающееся и, безусловно, заслуживающее внимания деяние. Почему? Наверное, потому, что кому-то и для чего-то было очень нужно, чтобы внимание сфокусировалось на том, что известное дерево, прежде всего, было источником знания о зле. А дальше все очень просто. Грешить — значит совершать злой поступок. Естественно, следуя этой логике, Ева, как зачинщица, и была объявлена первой и главной грешницей и источником зла. Именно ее принято с тех пор считать пер-

вопричиной всех бед. Конечно, это клеймо было закреплено за всей прекрасной половиной человечества. Вдумайтесь только! Ничего не подозревавшая Ева отведала заманчивый плод, и — получите! — совершила грех! И не просто грех, но первородный, т. е. самый тяжкий из грехов, т. к. наказание за него было наложено не только на Еву и Адама, не только на всех их дочерей, но и на все последующее человечество. Не знаю, как вам, а мне здесь далеко не все ясно. С моей точки зрения, грех — это, когда есть осознанный выбор: грешить или не грешить, т. е. выбор между добром и злом. Но мы ведь знаем, что такого выбора у нее не было и быть не могло, потому что до того, как она отведала от дерева познания, она просто не могла знать, что такие вещи, как добро и зло, вообще существуют. Невозможно понять, что есть свет, не противопоставив его тьме. Точно так же нельзя получить понятие добра, не противопоставив ему понятие зла. Можно ли осознать себя человеком, если не знать, что есть на свете добро и есть на свете зло? Конечно же нельзя! И, естественно, возникает вопрос: можно ли считать так называемый «первородный грех» собственно грехом? Думаю, что здесь есть над чем поломать голову.

По-моему, и в этом случае, я имею в виду ветхозаветную историю грехопадения Адама и Евы, не обошлось без феномена кодирования тайного знания, описанного Гурджиевым. Не могу избавиться от ощущения, что в текст этого библейского мифа преднамеренно была введена не просто неточность, но явная нелепица. С точки зрения даже формальной логики здесь нарушено причинно-следственное отношение. Получается, что следствие — совершенный Евой грех — есть, а причины — осознанного выбора между добром и злом — нет, да и быть не могло. Не знаю, как для вас, но для меня это явный сигнал или знак, заставляющий остановиться и призадуматься над истинным содержанием текста.

Давайте начнем сначала. Бог создал Человека. Поместил его в специально созданные идеальные условия, но сразу же ввел запрет: нельзя есть от дерева познания добра и зла под страхом смерти. И назначил Бог наказание смертью за послушание его, т. е. самое суровое наказание в понимании обычного, т. е. смертного человека. И вот здесь надо сделать

остановку. Мог ли первый человек бояться смерти, если он понятия не имел, что это вообще такое? Только после свершения т. н. «грехопадения» Бог разъясняет человеку, что смерть есть конечное существование человека во времени: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, ибо из нее ты взят; ибо прах ты, и в прах возвратишься». Следовательно, человек не мог бояться наказания смертью, т. к. не знал, что это такое. Но мог ли Творец не предполагать, что человек этого не знает? Вопрос риторический. Конечно же нет. Мог ли человек не нарушить запрет и забыть о существовании этого опасного для него дерева? Допустим, что мог. Тогда зачем Бог вообще посадил в раю дерево познания и поместил его не где-то там, в дальнем углу сада, но вместе с деревом жизни в самом его центре? Для меня совершенно очевидно, что дерево это со всеми своими плодами предназначалось именно для человека. Это значит, что действия Евы были сознательно спровоцированы Творцом. Как говорится, если висит ружье на стене, оно обязательно должно выстрелить. Но можно ли в этом случае рассматривать употребление запретного плода как грех? Если и можно, т. к. безусловно, нехорошо нарушать Божьи запреты, то надо признать, что избежать этого греховного поступка было никак невозможно. Ведь если бы Адам и Ева не совершили этот грех, Творец не разгневался бы на них, не выгнал бы их из рая, не было бы никакого земного человечества, и мы с вами не обсуждали бы сейчас всю эту историю.

Вопрос о том, возможно ли в принципе существование человека без осознания им таких категорий, как добро и зло, безусловно, есть вопрос риторический. Получается, что вся эта ситуация, которая много веков преподносится нам как история «первородного греха», на самом деле была необходимой отправной точкой в создании рода человеческого, т. е. исполнением воли Создателя. Ничего принципиально нового в моей трактовке мифа о грехопадении нет. Еще в XIX веке изгнание из рая стало трактоваться как поворотный момент в истории человечества на пути эволюции от животного к собственно человеку. Тем не менее, в массовом сознании этот миф все еще связывается с единственной идеей — проникновением зла на Землю в результате происков дьявола. Если вспомнить, что результатом грехопадения Евы было не

только познание зла, но и познание добра, и признать, что вся эта ситуация разворачивалась в полном соответствии со сценарием Всевышнего, то, возможно, все наши представления о творении, мироздании и предназначении человека во всем этом претерпят существенные изменения. Поэтому вопрос о том, был ли первородный грех грехом, и сейчас весьма актуален.

* * *

Итак, важнейшим для меня результатом этого небольшого исследования является то, что я убедил, прежде всего, самого себя, в непричастности женщины к изначальному проникновению вселенского зла в мир земной и что вина ее в пособничестве злу ничуть не больше, чем вина мужчин. «Ну и что? — скажете вы. — Ведь зло все равно есть в нашем мире. Разве его станет меньше, если мы будем знать, что женщины не столь виноваты, как это нам представлялось ранее?» Я думаю, что, вне всякого сомнения, его станет меньше, и намного меньше. Обратитесь к истории, и вы ужаснетесь, осознав, сколько невинных женщин было замучено и уничтожено только потому, что взгляд на них как на источник зла много веков поддерживался авторитетом церкви. На самом деле истинным злом были не женщины, но сама идея их причастности и ответственности за зло, имеющее место быть в нашем мире. Настоящими распространителями зла были те, кто породил и на протяжении тысячелетий поддерживал эту идею в нашем мире. Если мы действительно хотим найти силы или даже конкретную персону, привнесшую в христианское учение женоненавистническую идеологию и тем самым искажившую истинную суть этого учения, мы должны вернуться к его истокам и поискать того, кому это было выгодно. И такие версии существуют. Одну из них мы находим в книге Л. Пикнетт и К. Принца, где предполагается, что инициатором христианского женоненавистничества был апостол Петр, святой мученик и основатель Римской католической церкви. «Он, как неоднократно отмечалось в гностических Евангелиях, ненавидел и боялся ее (Магдалину. — А. Я.), хотя, когда его господин был живой, он мог только слабо протестовать против усиления ее влияния. Несколько текстов отмечают горячие перепалки между Петром

и Марией, которым предшествовали требования Петра к Христу объяснить, почему он явно предпочитает компанию этой женщины. В одном из гностических Евангелий (the Pistis Sophia) приводятся слова Марии Магдалины: «Петр заставляет меня сомневаться: я боюсь его, потому что он ненавидит женский пол». В другом гностическом Евангелии от Томаса мы находим, что Петр говорит: «Дай Марии покинуть нас, потому что женщины недостойны жизни» (25, с. 65).

Но должны ли мы верить гностическим Евангелиям больше, чем четырем общепризнанным сегодня жизнеописаниям Христа? Не должны. И призывать к этому массы было бы сегодня неправильным. Но и продолжать укрывать от мира эти тексты сегодня нельзя, да и становится это практически невозможным делом. Мы не можем со всей определенностью заклеить апостола Петра как женоненавистника, сознательно искажившего учение Христа. Но если у нас есть здравый смысл и логическое мышление, мы также не можем не заметить странности и нестыковки в самих Евангелиях, а также явные противоречия между проповедуемыми Спасителем идеалами всеобщей любви и реальными деяниями церкви, которые искажали суть христианства и порочили его на протяжении многих веков. Для меня не столь важно, был ли это апостол Петр или какой-то другой исторический персонаж, который трансформировал свою личную неприязнь к женскому полу в один из центральных принципов новой религии. Важно было показать, что такая трансформация вообще имела место быть. Следовательно, было конкретное лицо или группа лиц, заинтересованных в том, чтобы это случилось. С моей точки зрения, в данном случае искажение истины есть зло. И это есть особое зло, потому что речь здесь идет о сознательном искажении первоначальной сути религиозного учения. Зло, как инфекция, заражая душу одного человека, расходится кругами, стремясь охватить все большее количество верующих. В определенной точке истории, когда болезнь заходит уже очень далеко, становится хронической, определить ее причину и источник оказывается делом очень сложным. Но это не значит, что надо прекратить попытки ее излечить, т. е. попытки

установить истину. С полной уверенностью можно сказать, что причиной, породившей эту болезнь, была борьба за политическое и экономическое господство. Конечно, современная церковь имеет уже совершенно другое лицо. Она значительно более терпима к женскому полу и не сжигает еретиков и ведьм на площадях во славу Господню. И тем не менее, она все еще содержит в себе семена зла, посеянные почти два тысячелетия назад. Поэтому, когда мы слышим обвинение в том, что в наших бедах виноваты женщины или евреи, мусульмане, иммигранты или капиталисты, будьте осторожны. Подумайте, кому это выгодно. За этим, как правило, прячется желание, указав фиктивного виновного, захватить как можно больше благ и отвести вину от действительного нашего врага, истинного носителя зла. Нет большего зла, чем противопоставлять и сталкивать людей по национальному, религиозному или другому признаку. И уж тем более по признаку половому.

Что происходит, когда одну группу людей объявляют виновной во всех бедах другой группы? Людям внушается мысль, что зло есть **внешнее** по отношению к их доброму миру явление. Их убеждают, что сами они есть воплощение добра, а вот те, другие, не принадлежат коренному сообществу, они чужие, пришельцы, и все зло исходит от них. У «хороших» своих создается ложное представление о том, что, как только они избавятся от чужих, «нехороших», зло будет побеждено и жить станет лучше и веселее. Но вот «нехорошие» побиты, изгнаны, уничтожены. И оказывается, что жизнь стала совсем не лучше, а еще хуже. Тогда те, кто призывал к борьбе против уже изгнанных врагов, находят другую группу, которая немедленно объявляется корнем зла, и призывают к борьбе против нового врага человечества. Как говорится, свято место пусто не бывает. Оглянитесь вокруг себя, и вы увидите все это.

Заключая свою апологию женщины, я с полной уверенностью утверждаю: не женщины вообще и не наша прародительница Ева виноваты в том, что зло было и есть в нашем мире. В то же время я знаю, что нет ничего случайного: все предопределено и целесообразно, все, что есть, для чего-то нужно и все взаимосвязано. Если это так, то должна быть

определенная причина и цель существования зла. Другими словами, мы опять возвращаемся к вопросу: кто виноват? И если мы еще не устали от всей этой детективной истории, нам ничего не остается, как продолжить поиск.

ВИНОВАТ ЛИ ДЬЯВОЛ?

Итак, кто же этот таинственный злоумышленник? Как говорится, вопрос риторический. Долго искать не приходится. Практически любой религиозный человек, да и не религиозный тоже, долго не раздумывая, скажет, что это, конечно, Царь Зла — дьявол, Сатана, Шайтан, Люцифер и т. п. Этот персонаж присутствует во всех культурах, и любая религия указывает на него как на виновника всех бед человечества в целом и каждого его представителя в отдельности. В Ветхом Завете совершенно ясно сказано, что Ева не сама решила послушаться Бога и спровоцировать наивного Адама отведать запретный плод. Она сделала это по подсказке змея, т. е. по наущению дьявола. Уже одно это вроде бы говорит о том, что зло существовало и до грехопадения, а значит, и до сотворения человека. Казалось бы, о каком расследовании и о каком поиске виновного может идти речь? Все просто и совершенно ясно — это Царь Зла, независимо от того, каким из имен его называют. Но ясно только на первый взгляд — до тех пор, пока не задан вопрос о том, кто, собственно, такой Сатана и какова его природа. При первых попытках ответить на этот вопрос вся ясность сразу затуманивается, как зеркальная поверхность пруда при легком дуновении ветерка.

Кто он, подстрекатель или утренняя звезда?

Задавшись вопросом о природе и сущности Царя Зла, я открыл «Энциклопедию мифов» и нашел статьи «Люцифер» и «Сатана». Обе статьи подготовлены А. Аверинцевым. Не буду лукавить, их содержание для меня не было неожиданностью, но уверен, большинство читателей будут если не шокированы, то удивлены тем, что они узнают об этих персонажах. Несмотря на сжатость текста, эти статьи позволяют представить себе неоднозначность и противоречивость личности подследственного. Сатана в переводе с арамей-

ского означает «противник в суде, в споре или на войне, препятствующий, противоречащий, обвинитель, наушник, подстрекатель» (23, т. 2, с. 412). С кем может спорить Сатана, кому противиться? Вроде бы очевидно, что он является оппонентом Бога и всех стоящих за ним сил Добра. Но, оказывается, есть совершенно другое значение одного из имен дьявола. Речь идет об имени Люцифер, которое по латыни (23, т. 2, с. 84) означает «утренняя звезда», т. е. планета Венера. Славянским эквивалентом этого слова является Денница, в христианской традиции одно из обозначений Сатаны. Одно сопоставление таких характеристик, как противник, наушник, подстрекатель, с одной стороны, и утренняя звезда, с другой, вызывает недоумение. Как могут к одному лицу или одной сущности относиться такие противоположные по своей сути определения, как царь Тьмы и носитель Света? Недоумение усиливается, когда мы узнаем, что византийская церковная поэзия сравнивает Деву Марию со звездой, являющей солнце, а Ориген употребляет слово «денница» по отношению к Иоанну Крестителю. В новозаветных текстах Христос именуется себя самого звездой светлой и утренней (6, Апокалипсис, 22, 16). Как отмечает автор, употребление совершенно противоположных по смыслу имен не могло не быть парадоксальным.

Аверинцев отмечает, что обозначение Сатаны как Денницы, которое он соотносит с именем Люцифер, восходит к ветхозаветному пророчеству о гибели Вавилона (6, Исайя, 14:12—15). Тем самым он как бы предполагает довольно древнее происхождение имени Люцифер. Это противоречит точке зрения Е. Блаватской. В своем «Теософском словаре» она утверждает, что до Джона Мильтона, т. е. до XVII века, имя Люцифер никогда не было именем дьявола.¹ Если госпожа Блаватская права, тогда происхождение этого имени следует рассматривать совершенно в другом историческом контек-

¹ В другом месте Блаватская, на мой взгляд, допускает неточность и противоречит сама себе, отмечая, что в Библии и книге Иова он (Сатана) назван «Сыном Бога», яркой звездой раннего Утра, Люцифером. В книге Иова Сатана действительно отнесен к сынам божьим, но имя Люцифер при этом не упоминается, и согласно самой Блаватской не могло упоминаться, т. к. впервые появляется только в XVII веке.

сте, принадлежащем эпохе, следующей за Возрождением. Именно в это время (XVII—XVIII вв.) происходит существенная трансформация образа Сатаны. Как отмечает сам Аверинцев, только после романтизма, в струе либерализма и антиклерикализма, образ Сатаны как вольнолюбивого мятежника может стать однозначно положительным, обретая черты идеализированного греческого божества (23, т. 2, с. 414). Но кого сегодня по большому счету интересуют все эти тонкости? В обыденном сознании имена дьявола Сатана и Люцифер воспринимаются как синонимы. В Российском энциклопедическом словаре сказано четко и ясно: Люцифер — в христианстве падший ангел, дьявол. С моей точки зрения, подобная простота как раз и затуманивает картину до полной беспросветности. Может быть, это именно то, что требуется для обыденного сознания? Скорее всего, так оно и есть. Меня такая неопределенность явно не устраивает, поскольку делает задачу понимания происхождения добра и зла практически неразрешимой. Сатана и Люцифер, хотя и являются именами одного и того же персонажа — дьявола, тем не менее, являются выражением совершенно разных и одновременных представлений о нем.¹ Это говорит о том, что образ Царя Зла не является чем-то неизменным, но формируется и трансформируется в сознании человека по мере его эволюции.

¹ Существуют разные взгляды на многообразие имен Сатаны. Как отмечает Аверинцев, отношение между Сатаной и такими «начальниками» и «князьями» бесов, как Азазель, Велиар и Вельзевул, остается неясным; они или тождественны ему, или его соратники. Зор Алеф полагает, что за этими именами стоят разные демонические силы, хотя и связанные общим принципом разрушения. С первого взгляда, это утверждение, безусловно, противоречит точке зрения, согласно которой эти и другие имена относятся к одному и тому же персонажу, но принадлежат разным культурам или разным историческим эпохам. Но в картине мира Зор Алефа, так же как и у Д. Андреева, есть такое понятие, как «эгрегор». Под эгрегором понимается «иноматериальное образование, возникающее из некоторых психических выделений человечества над большими коллективами» (2, с. 143). Если Зор Алеф прав и существуют разные эгрегоры, как некоторые иноматериальные представления о дьяволе, сложившиеся в различных культурах и в разные исторические эпохи, то можно допустить, что за разными именами Царя Зла скрываются разные эгрегоры или разные демонические силы.

Сатана — божество или ошибка творения?

В самом начале статьи «Сатана» Аверинцев указывает на существование фундаментального противоречия в трактовке Сатаны, определяемое наличием двух основных подходов к пониманию его природы и предназначения. В обеих концепциях Сатана предстает как существо, воля и действия которого есть центр и источник мирового зла. Противоречие состоит в следующем. В первом случае «Сатана противостоит Богу не на равных основаниях, не как божество или антибожество, но как падшее творение Бога, мятежный подданный его державы, который только и может обращать против Бога силу, полученную от него же...» (23, т. 2, с. 414). Другими словами, Сатана выступает здесь **как сила, хотя и порожденная Богом, но существующая вопреки его замыслу**, как некоторое случайное отклонение от него, ошибка или брак творения. Во втором случае, практически во всех древних религиозных системах, в древнеегипетской и древнеиранской мифологии, в Каббале — мистической части иудаизма, Сатана или подобная ему сущность, являющаяся олицетворением мирового зла, есть не непредвиденная погрешность, но **сознательно включенная и необходимая составляющая полноты божества и его творения**. При этом зло, будучи в постоянном и неразрывном единстве с добром, образует диалектическую пару, подобно таким движущим силам процесса развития Универсума и Вселенной, как Инь и Ян. Так кто же такой Царь Зла и Князь Тьмы?

Обе концепции исходят из того, что Сатана, как и всё в этом мире, был создан Богом. Отсюда начинаются все разногласия и вопросы. Самое главное из них есть противоречие между утверждением, что Бог есть абсолютное Добро и Благо, и признанием того, что он же является творцом Сатаны — Царя Зла. С точки зрения привычной логики такого быть не может, потому что не может быть никогда. Мои размышления над этим противоречием не следует понимать как самонадеянную претензию на овладение конечной истиной. Текст, который предлагается вашему вниманию, следует рассматривать как описание попытки разобраться со своими собственными представлениями, и не более того.

Здесь я только ставлю перед собой вопросы и пытаюсь их осмыслить. Прежде всего, это вопрос о том, является ли Сатана необходимым механизмом осуществления Божьего замысла, или он есть непредвиденная ошибка творения, вообразившая себя равной Творцу или даже превышающей его?

Противоречие, подчеркнутое Аверинцевым, очень четко проявляется при сравнении Ветхого и Нового Заветов. В Ветхом Завете присутствует, казалось бы, ясное понимание того, что все, в том числе добро и зло, происходит от Яхве, единого Бога: «Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия» (6, Исая, 45,7). Совершенно противоположное утверждение мы находим в новозаветном тезисе: «Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы» (6, Иаков, 1, 5). Заметьте, что оба эти, казалось бы, взаимоисключающие тезиса присутствуют в Библии, Священном Писании христианской религии. В этом месте можно возразить, указав на то, что в соответствии с каноном Троицы речь здесь идет о Боге Отце и Боге Сыне как о разных ипостасях единого Бога. Но утверждение того, что Бог Сын есть только добро, на мой взгляд, позволяет говорить о его частичности по отношению к Богу Отцу, что противоречит самой сущности монотеизма. Как отмечает А. Донини, несмотря на декларируемую христианством приверженность идее единобожия, христианство было и остается глубоко дуалистичным, поскольку отводит демоническим силам самостоятельное, вечное существование, плохо совместимое с монотеистической теологией (16, с. 34). Я бы сказал, что в Ветхом и Новом Заветах речь идет о двух разных богах, весьма мало похожих друг на друга. Казалось бы, христианская религия должна была отказаться от почитания ветхозаветного Бога евреев, но этого не случилось. Это противоречие не очень волнует самих христиан, хотя бы потому, что многие из них вообще не подозревают о его существовании, а если и подозревают, то не желают утруждать себя размышлениями такого рода. У меня одна мысль о наличии в Библии взаимоисключающих представлений о Боге и о дьяволе вызывает головокружение и, как следствие, непреодолимое желание разобраться и найти путь к истине. Может быть, на самом деле никакого противоречия здесь нет? Как говорится, дорогу осилит идущий.

Давайте еще раз попытаемся вникнуть в приведенные в Ветхом Завете у пророка Исайи слова Бога: «Я Господь, и нет иного. Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия. Я Господь, делаю все это» (6, Исая, 45—7, 8). Как я уже говорил, в этих словах проводится мысль о том, что Господь является творцом всего сущего. В принципе, я с этим согласен, но что-то заставляет меня еще и еще раз вчитываться в эту фразу. «Свет» и «тьма» напрямую соотносятся здесь с «миром» и «бедствиями». Как правило, слова «тьма» и «бедствия» используются для обозначения зла. И напротив, такие слова, как «свет» и «мир» отождествляются с добром.

Считается, что такие вещи, как бедствия, стихийные и социальные, наводнения и засухи, бури и извержения вулканов, голод, войны, болезни и смерть, — все то, что чревато угрозой для жизни человека, является безусловным злом. Если исходить из того, что Бог, в принципе, не может быть создателем зла, то получается, что он есть Творец не всего мира, а только его части, попадающей под понятие добра. Осознание того, что Бог, творящий исключительно добро, не является Абсолютом, что это есть как бы частичный, неполный Бог, со всей необходимостью ведет к поискам утраченной полноты картины мира. Невозможно отрицать присутствие зла, но если оно действительно есть, кто-то должен быть в ответе за его порождение и существование. Такая логика обуславливает выдвижение на первый план такой фигуры, как Князь Тьмы, Царь Зла, Сатана или дьявол. Несмотря на множество оговорок о слабости дьявола и возможности полной победы над ним, эти две фигуры, Бога и дьявола, обеспечивают полноту новозаветной картины мира. Создается мифология, согласно которой мир может развиваться двумя разными путями в соответствии с замыслом Бога, целью которого является Царство Света-Добра, и замыслом Сатаны, в соответствии с которым весь мир должен быть обращен в Царство Тьмы-Зла.

После долгих размышлений над приведенной выше цитатой из Исайи у меня возникла мысль о том, что в этих словах уже было предчувствие грядущего пришествия новозаветного Бога. Можно сказать, что Исайя жил как раз посередине исторического пути, который человечество прошло от на-

чала формирования библейской мифологии до появления Иисуса Христа в соответствии с хронологией Нового Завета. Книга пророка Исайи была написана в VIII веке до нашей эры, тогда как комплекс текстов Ветхого Завета предположительно формировался начиная с XV века до н. э. Как я уже отмечал, своими корнями ветхозаветные мифы уходят в значительно более глубокую старину. Поэтому позволю себе предположить, что в цитате из пророка Исайи, которую я привел, мы находим смешение представлений, присущих разным эпохам. Первая часть «Я Господь, и нет иного. Я образую свет и творю тьму», взятая сама по себе, отражает более раннее понимание процесса творения и природы мироздания. Но в сочетании со второй частью «делаю мир и произвожу бедствия» появляется новый смысл, позволяющий соотносить свет и тьму напрямую с добром и злом и отражающий более поздние представления о Всевышнем. Богу у Исайи все еще тот же единый Творец — Яхве, отделивший свет от тьмы. Но здесь уже присутствует будущее видение Бога только как Творца света-добра. Здесь уже сквозь образ ветхозаветного Бога — Творца всего сущего — проступают контуры всеблаготворного Бога света, добра и любви, Бога, борца с тем, кто несет в мир тьму и зло, просвечиваются контуры грядущего новозаветного разделения на Бога Отца и Бога Сына. И здесь же проступают черные контуры Князя тьмы, повелителя мирового зла, Дьявола-Сатаны.

Ветхозаветное понимание света и тьмы как необходимых вечно взаимодействующих исходных начал мироздания исключает прямое соотнесение света с добром и тьмы со злом. С этих позиций совершенно бессмысленно рассуждать о возможности победы воинства света над воинством тьмы, сил добра над силами зла. Существование дьявола как могущественного существа, оспаривающего у Бога власть над миром, в этом случае также представляется маловероятным. Творец мира, Господь есть Абсолют, Создатель всего сущего, в том числе света и тьмы. Новый Завет, напротив, заостряет внимание на противоборстве света и тьмы, которые воспринимаются как синонимы добра и зла. Всеблаготворный Бог становится во главе воинства света, соответственно дьявол как олицетворение зла и ненависти выступает как предводи-

тель сил тьмы. Все персонажи вселенской битвы переносятся из трансцендентного плана в план земного бытия, со всей необходимостью облекаясь в соответствующие физические формы. Метафизические коллизии таких начал, как свет и тьма, переходя в план земной, трансформируются в значительно более доступную человеческому сознанию борьбу добра и зла. При этом предполагается обязательная и полная победа над мировым злом — дьяволом.

С одной стороны, я понимаю, что полная и окончательная победа над Сатаной невозможна в принципе. С другой — очень хочется верить в то, что мировое зло можно если не искоренить полностью, то хотя бы существенно его ослабить. Ощущаю себя на развилке дорог перед указателем, одна из стрелок которого указывает в сторону Ветхого Завета, а другая — в сторону Нового Завета. Каждая из дорог ведет к своему пониманию Бога, света и тьмы, добра и зла. Чем дольше я стою на этом распутье, тем больше мне кажется, что Сатана не есть божество, не есть ошибка творения, а есть порождение человека, сбившегося с пути в поисках Бога.

ГЛАВА 8

КАК ИЗМЕНЯЛИСЬ МОИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОБРЕ И ЗЛЕ

Чем дальше назад, тем ярче свет.

Д. Мережковский

К моменту начала работы над этой главой я уже располагал определенным материалом по истории развития представлений о добре и зле. Ознакомившись с трудами А. Амфитеатрова, Дж. Б. Рассела, Е. Блаватской, М. П. Холла и других авторов, пытавшихся разобраться в сути проблемы и проследить историю Зла на Земле, я почувствовал, что попал в весьма затруднительное положение. Все они вполне профессионально подходили к этой теме и отвели ее разработке весьма значительное время. В отличие от них я не имею таких временных резервов, т. к. могу заниматься этим только в свободное от основной работы время. Совершенно очевидно, что у меня нет никакой возможности обнаружить неизвестные факты или материалы, проливающие новый свет на проблему, да и выискивать таковые, честно говоря, не было никакого желания. Другими словами, обычный путь исторического анализа в этой ситуации для меня был закрыт. В то же время я ощущал и даже был уверен, что у меня есть некий потенциал, позволяющий внести свой вклад в развитие представлений о добре и зле.

Что я могу противопоставить профессионализму ученых мужей? Что такое особенное есть в моем арсенале, что позволит мне не впасть в дилетантизм и избежать очередного «изобретения велосипеда»? Ответы на эти вопросы не сразу стали для меня очевидными. После ряда попыток использовать наработанные методы исторического исследования я наконец понял, что главное отличие моей работы определяется спецификой цели и объекта изысканий. Многие из тех, кто когда-либо занимался проблемой добра и зла, действо-

вали как ученые в привычном понимании этого слова. Они исходили из того, что есть некоторый объект изучения, в данном случае — добро-зло, и есть исследователь-историк, наблюдающий и фиксирующий из внешней позиции изменения, происходящие с этим объектом. Полагая существование абсолютного зла в лице дьявола, как некое неоспоримое положение, они исследовали как бы реально существующие его проявления. При этом в качестве материала выступали различные жизненные ситуации, которые, с их точки зрения, явно свидетельствовали о существовании злых сил. Такой подход мы находим в книге М. Орлова «История сношений человека с дьяволом». Более интересными для меня являются работы А. Амфитеатрова «Дьявол в быту, легенде и литературе средних веков» и Дж. Б. Рассела «Князь тьмы. Добро и зло в истории человечества», в которых анализируются не сами силы добра и зла, но наши представления об этих силах и их эволюция.

В отличие от них я не изучаю добро и зло как нечто, принадлежащее внешнему по отношению ко мне миру. Я также не занимаюсь исследованием развития представлений о добре и зле в истории человечества. Я преследую совершенно иную цель — меня интересует не столько действительная эволюция представлений о добре и зле, сколько те изменения, которые происходили со мной самим по мере освоения самой разной информации по этому вопросу, начиная с детских лет и до настоящего времени. Это особый случай, когда **объектом изучения является нечто, принадлежащее не внешнему миру, но я сам, т. е. мой внутренний мир, а точнее, метаморфозы, происходящие с ним в процессе осмысления таких сущностей, как добро и зло.** Здесь важно подчеркнуть, что я не рассматриваю самого себя как некоторый застывший, остановившийся в своем развитии объект. Эволюция моего видения добра и зла не завершена. Поэтому обращение к своей личной истории нужно мне не потому, что эта история ценна сама по себе. Оно необходимо мне как важная часть продвижения к более полному пониманию добра и зла как краеугольного камня моей духовности.

ДОБРО И ЗЛО КАК ЯДЕРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДУХОВНОСТИ

Что имел в виду И. Бунин, говоря о том, что только человек размышляет о своем собственном существовании, тем самым отличаясь от всех других существ, «которые еще в раю, в недумании о себе»? (10, с. 353). Почему животные, по его мнению, пребывают в раю, тогда как человек был изгнан оттуда и был обречен на все тяготы земной жизни? Ветхий Завет дает прямой ответ на этот вопрос: потому что только человек, вкусив запретный плод, познал добро и зло и, соответственно, только он является единственным существом, способным творить добро и зло сознательно. У животных нет и быть не может представлений о добре и зле, и они не знают, что такое грех. Другими словами, они безгрешны и поэтому вечно пребывают в раю.

Совершая нечто, животные руководствуются инстинктом, или заложенной в них на генетическом уровне жесткой программой, которая обеспечивает выживание и воспроизводство данного вида. Если львы начнут рассуждать, хорошо или плохо убивать ланей, является ли убийство злом, то очень скоро такие львы исчезнут с лица планеты. В отличие от животных, которым не дано мыслить на эти темы, человек не может не думать об этом, т. к. он единственное существо, которое обладает тем, что мы понимаем под совестью, и имеет представление о грехе.

Все живое, и вообще все сущее во Вселенной, сотворено духом Божиим, дающим любой твари саму возможность жизни. Но только человек наделен духовной энергией в таком количестве, которая позволяет ему иметь идею Бога, осознавать непосредственную связь с Творцом. Главное отличие человека от всех остальных существ состоит в том, что он не только является порождением Божественного духа, но и осознает себя его частицей, единственным существом, созданным по образу и подобию Божьему. В отличие от животных, обладающих достаточной духовной энергией для того, чтобы жить и воспроизводиться, следуя заложенной в них программе, количество духовной энергии, данной человеку, позволяет ему осознавать свою духовность, обеспечивает

свободу воли и дает ему возможность выбора между добром и злом. Как следует из Ветхого Завета, получение знания о добре и зле было тем необходимым условием, которое позволило человеку стать человеком, т. е. обрести неведомую другим существам степень духовности. Тот факт, что именно этот момент отмечается как отправная точка человеческой истории, позволяет допустить, что **представление о добре и зле является тем ядерным содержанием, которое предопределяет особенности духовного мира человека.** Поэтому эволюцию изменения моей собственной духовности я связываю в первую очередь с изменением моих представлений о добре и зле.

СТАНОВЛЕНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МОЕГО ПОНИМАНИЯ ДОБРА И ЗЛА. СТРУКТУРА ГЛАВЫ

Разбивка этой главы на разделы оказалась совсем не легким делом. В отличие от мемуарного жанра, где все легко размещается по временным полочкам, эволюция духовности плохо укладывается в хронологические рамки. Для меня важно не столько зафиксировать временную последовательность, сколько понять, каким образом изменялись мои собственные представления о добре и зле и как это влияло на мой духовный мир. Поэтому за основу периодизации я принимаю такие качественно отличные состояния этого процесса, как **становление, формирование и развитие.** Так как эти понятия четко или однозначно не определены, я считаю необходимым ввести свое понимание.

Становление я понимаю как состояние, когда человек еще не задумывается над своей духовностью и не фиксирует происходящие с ней изменения. Это состояние можно сравнить с состоянием плывущего в лодке без весел и руля по бурной реке. Вода в ней просто движется, но в каждый новый момент она уже другая. Движение ее то ускоряется, то замедляется, в одних местах она широко разливается, в других сужается. Мимо проносятся берега. Поля сменяются лесами, а леса лугами и селениями. Что-то задерживается в

памяти, а что-то исчезает навсегда. В каждый следующий момент человек, плывущий по реке, переходит в новое состояние, и прежнее состояние сразу же перестает существовать. Меняется река, меняется и сам пловец, но он даже не подозревает об этом. Становление можно уподобить наложению матрицы на материал — новые представления оставляют след в сознании, формируют его во многом независимо от нашей воли. При этом человек не задается вопросами о том, кто он, откуда и куда идет, не утруждает себя размышлениями о своем предназначении и смысле жизни. Он просто плывет по течению.

Состояние **формирования** духовности предполагает наличие некоторых идеалов или ценностей, на которые ориентируется человек, выстраивая свой жизненный путь. В отличие от становления, когда он движется, полностью подчиняясь силе потока, в состоянии формирования он сам выбирает, куда ему плыть — по течению или против него. В первом состоянии, полностью отдаваясь течению, пловец тратит меньше сил, но вполне возможно, что река вынесет его совсем не к тому берегу, куда бы он желал попасть. Во втором расход энергии значительно больше, но зато вероятность оказаться в нужном месте также существенно возрастает.

Обязательным условием перехода к состоянию **развития** является крайняя неудовлетворенность самим собой. Представьте себе человека, который всю жизнь стремится к некоторому идеалу, но в какой-то момент он разочаровывается в нем. Он плыл по реке жизни, преодолевая все невзгоды и препятствия на пути к своей цели. И вот он ступил на заветный берег. Он видит, что это именно тот берег, о котором он мечтал, но понимает, что этот берег ему больше не интересен. В подобной ситуации одни люди не находят в себе сил, чтобы искать другой берег, смиряются с судьбой и остаются на этом берегу навсегда. Другие принимают эту ситуацию как вызов, не устают искать новые ориентиры и новые дороги, ведущие к ним. Они строят новые более мощные корабли и устремляются к неведомым берегам. Это и есть состояние развития, состояние истинного творчества, когда человек на пути к своей цели перестраивает сам себя.

Оглядываясь на свое прошлое и оценивая свое настоящее, я отчетливо вижу фазы становления, формирования и развития своей духовности. В то же время определить четкие временные границы каждой из этих фаз практически невозможно. Поэтому распределение материала настоящей главы между ними весьма условно. Тем не менее, поскольку я рассматриваю здесь мою личную историю, а понятие истории предполагает отнесение ко времени, я все-таки задаю некоторые временные ограничения.

СТАНОВЛЕНИЕ

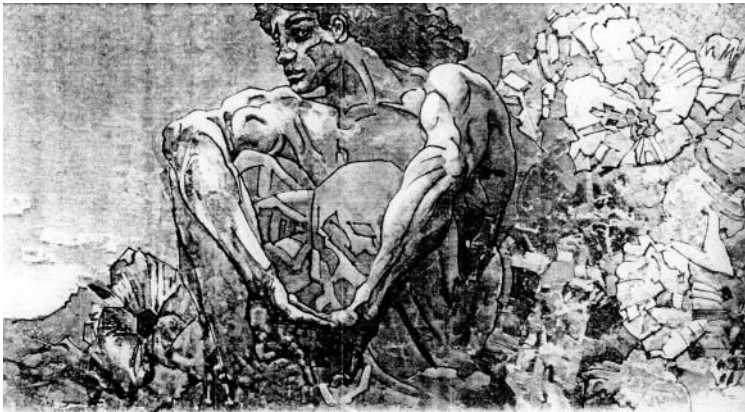
Становление духовности, в частности представлений о добре и зле, приходится на мое детство, юность, школьные и студенческие годы. Первую информацию о добре и зле, о нечистой силе мы получаем в раннем детстве, когда мамы и бабушки хвалят нас за хорошие и наказывают за плохие поступки, рассказывают или читают нам сказки. Силы добра и силы зла предстают перед нами в разных, но всегда четко обозначенных обликах. Добрые герои всегда умные и красивые, даже тогда, когда они маскируются под дурачков. Злые персонажи, такие как змей Горыныч, баба Яга, лешие, водяной со своей подружкой кикиморой и т. д., — хитрые, коварные и, как правило, уродливые. Я не помню, чтобы кто-либо из этой братии когда-либо заставлял трепетать мою детскую душу. За их образами не угадывалась некоторая всемогущая, непреодолимая сила. Скорее наоборот, в подавляющем большинстве все они были похожи на мелких пакостников, с которыми можно и нужно бороться и которые всегда получают по заслугам. Иногда я даже сочувствовал им. Ироничное и, я бы сказал, жалостливое отношение проявляется в образах бесенка и старого черта у А. С. Пушкина в его «Сказке о попе и о работнике его Балде». А чего стоит гоголевский кузнец Вакула, который просто издевается над чертом, всячески запугивает его и даже использует его в качестве воздушного транспорта с бесплатным проездом. И наконец, эта традиция находит свое выражение в образе старушки-затейницы Шапокляк из любимого всеми детьми мультика о Чебурашке и его друзьях. Хотя эта старушенция

была намного изобретательнее своих литературных предшественников в организации разных пакостей, она оставляла довольно милое впечатление и не могла ассоциироваться с настоящим злом. Будучи воспитанным на подобных образах, я, как и подавляющее большинство моих сверстников, не мог испытывать настоящего ужаса по отношению ко всей этой братии, как правило, весьма недалекой и легко уязвимой. И даже образы злобных колдунов у того же Пушкина, Андерсена, Гофмана и других сказочников не ложились тяжким грузом на наши неокрепшие души и воображение, т. к. добро, как правило, брало верх над злом. Таковы были мои детские представления о нечистой силе.

Я, как и многие мои сверстники, рос и воспитывался в атмосфере тотального атеизма, утверждавшего, что вера в Бога, религия и есть истинный источник зла — опиум для народа. И хотя в это время существовали действующие церкви, мы практически в них не заглядывали. Если это и случалось, то, как правило, во время посещения исторических или архитектурных музеев. Религиозную литературу, включая Библию, не говоря уже о Торе или Коране, мы не читали. Естественно, что информацию о Боге и Дьяволе и других потусторонних силах мы черпали, главным образом, из художественной литературы и изобразительного искусства. Так, мои ранние представления об Адаме, Еве, Боге, их создавшем, и о дьяволе-искусителе я получил из книги «Сотворение мира» Жана Эффеля и одноименного мультфильма. Во многих домах можно было встретить рядом с культовой статуэткой Дон Кихота фигурки Мефистофеля или потешных чертей. Помню пепельницу на столе у моей бабушки в виде лица рогатого черта. Каждый мог прижечь глаз или нос этого несчастного, нисколько не задумываясь о возможном возмездии. Конечно, не всем посчастливилось иметь безоблачное детство, но я здесь говорю о своем личном жизненном опыте и схожем с ним опыте моих друзей. Нам прививали отношение к силам тьмы как к чему-то на самом деле не существующему. Им не было места в жизни моего поколения. Поэтому я совершенно не удивился, когда попал в музей чертей в Каунасе. Никакого священного ужаса

или самого обыкновенного страха я при этом не испытал. Понятно, что, воспитываясь в таких условиях, мы могли относиться к чертям, дьяволу и их многочисленным собратьям только как к пережиткам давно ушедших времен или как к литературным персонажам.

Школа также мало способствовала расширению моих знаний о религии и вообще о чем-то, находящемся за пределами материалистической картины мира. Подход к изучению литературы в советской школе не отличался широким охватом не только мировой, но и отечественной классики. Поэтому с Гете и Булгаковым нам приходилось знакомиться самостоятельно. Я бы сказал, что именно ограниченность школьного курса как ничто другое подогревала жажду познания всего того, что выходило за его рамки. В целом 60—70-е годы двадцатого столетия в СССР были годами тотального дефицита и блата. Это относилось практически ко всему: продуктам питания, одежде, книгам и т. д. Тем не менее, никто в моем окружении не голодал и при большом желании каким-то непонятным образом находил или, как тогда говорили, доставал дефицитные вещи. В те времена шутили: в магазинах ничего нет, но у всех всё есть. Так или иначе, многие дети, по крайней мере из интеллигентных семей, в которых на книжных полках можно было найти не только техническую, но и художественную литературу, обладали достаточно широким литературным кругозором. Тогда я был весьма далек от рассуждений о добре и зле. Меня больше увлекали герои А. Дюма, Жюль Верна, Майн Рида и приключения отважных покорителей космоса. Но мое воспитание не позволяло мне ограничиваться только остросюжетной литературой или, как сейчас говорят, триллерами. Во многом интересом к классике я обязан своей матери, которая была большим ценителем литературы и собрала вполне приличную для того времени домашнюю библиотеку. Как я сейчас понимаю, тот разнообразный литературный материал, который я относительно бессистемно поглощал в мои школьные годы, не осел ненужным балластом на дне моей памяти, а стал необходимым сырьем для будущего формирования моей духовности.

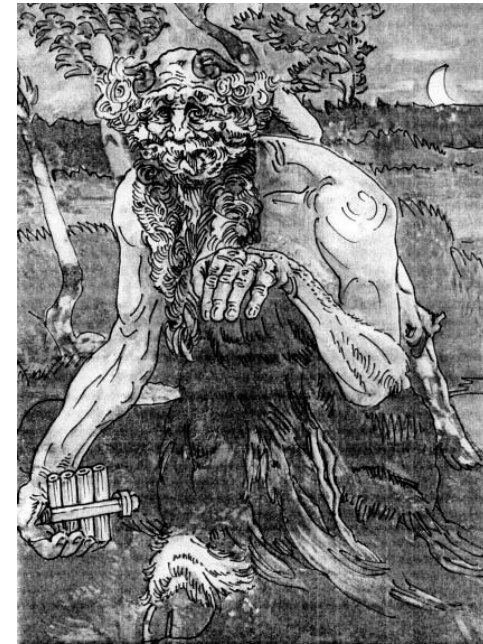
«Фауста» Гете я прочитал, когда мне было около четырнадцати лет, не в силу какого-то особого интереса к этому произведению, а потому, что было просто неприлично показать свое незнание с ним. Примерно в это же время я прочитал «Демона» Лермонтова. Значительно раньше, во время моей учебы в детской художественной школе, я был очарован образом врубелевского демона, которого я всегда считал иллюстрацией к поэме Лермонтова. Достаточно взглянуть на прекрасную фигуру «гордого духа», устремленные в никуда огромные глаза, наполненные безысходной тоской и горечью разочарования, на безвольно опущенные могучие руки, как на память приходят строки:

Он сеял зло без наслажденья,
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья —
И зло наскучило ему.

И еще:

То не был ада дух ужасный,
Порочный мученик — о нет!
Он был похож на вечер ясный —
Ни день, ни ночь, — ни мрак, ни свет.

Эти же черты я нашел в Пане Врубеля. Это был тот же Демон, только постаревший. Я сочувствовал и даже сострадал этим героям. Невозможно было поверить в то, что за прекрасными образами скрываются злобные и коварные

исчадия ада. Речь здесь даже не о том, верил я или не верил в существование потусторонних сил. Это сейчас я могу рассуждать о том, что в романтических образах, созданных замечательными писателями и художниками, зло перестает быть злом и Сатана превращается в свою противоположность. Тогда я вообще не утруждал себя размышлениями о природе этих существ, просто принимая их такими, какими они представляли передо мной, и тем самым как бы надевал на себя мировоззрение их создателей.

С «Мастером и Маргаритой» Михаила Булгакова я познакомился, будучи уже студентом архитектурного факультета. К этому времени я был уже подготовлен к встрече с Воландом, который если и не являлся в моем понимании полным двойником Мефистофеля, то унаследовал основные черты его характера и даже облика. Было бы неправдой, если бы я сказал, что образ Воланда потряс меня или так уж сильно привлек мое внимание, как, впрочем, и сам роман по первому его прочтении. Безусловно, он способствовал

формированию представления о Князе Тьмы, но не более чем как об одном из литературных героев. Тем не менее, отношение к Воланду как к личности, обладающей острым, ироничным умом, несомненно, эстетом во всех проявлениях, силе, «что вечно хочет зла и вечно совершает благо», крепко отпечаталось в моем сознании. Недавно в «Булгаковской энциклопедии», на которую натолкнулся в Интернете, я прочитал, что Воланд является первым дьяволом в мировой литературе, который наказывает за несоблюдение заповедей Христа. С этим утверждением никак не могу согласиться, т. к. в моем понимании дьявол всегда выполнял эту важную и необходимую функцию — карал людей за их грехи, т. е. за непослушание Богу. И это прекрасно было продемонстрировано в «Божественной комедии» Данте, прочитанной мною в довольно раннем возрасте, еще до того, как я познакомился с Мастером и Воландом. Понятно, что в условиях не омраченной бытовыми тяготами жизни, в окружении любящей семьи и под влиянием всех этих образов, созданных гением великих мастеров, у меня сложилось романтизированное представление о силах тьмы вообще и о дьяволе в частности. Хорошо обобщил феномен трансформации Сатаны как злой космической силы в доступную нашему пониманию личность А. Амфитеатров: «Восемнадцатый век, погасивший костры ведьм и обративший дьявола в философскую идею, увенчанную, после многих второстепенных немецких «Фаустов», гениальным синтезом в «Фаусте» Гете, окончательно очеловечил Сатану. А протестующий романтизм XIX века усилиями Байрона, Альфреда де Виньи, Лермонтова и др. настолько облагородил и возвысил его, что Люцифер, Демон, Мефистофель становятся излюбленными владыками-символами человеческой мысли, решительно торжествующими в воображении бунтующего человека над своими исконными небесными врагами» (1, с. 554).

О существовании сил добра и зла я узнавал не только из литературы и изобразительного искусства, но и из других источников. Мне было пять лет, когда мама взяла меня на вечерний сеанс кинофильма «Кармен» просто потому, что некому было за мной приглядеть дома. По сравнению

с тем потоком насилия, который в наши дни обрушивается с экранов, ничего ужасного в самом фильме не было. И все же я испытал настоящий шок. Меня потрясла даже не сама сцена убийства Кармен, но момент подготовки к нему, когда я увидел руку, сжимающую нож, и вдруг осознал, что сейчас в самом деле произойдет что-то ужасное — кого-то убьют. Было ощущение, что нечто страшное холодной рукой сжало мою детскую душу и не хочет отпускать. Я ни с кем не разговаривал до следующего утра. Родные не могли понять, что со мной происходит. Я так и не поделился с ними своими переживаниями, но запомнил этот случай на всю жизнь. Нечто подобное произошло с моим сыном, когда он случайно увидел на телеэкране документальные кадры, где немецкие солдаты, ворвавшись на крестьянский двор, закалывают поросенка. Кровь из раны била фонтаном. Ребенок пережил настолько сильное эмоциональное потрясение, что пришлось лечить его от заикания. Как я сейчас понимаю, это происходит потому, что зло в кино, в отличие от зла сказочного, выглядит и воспринимается не закаленными еще душами детей как зло реальное или зло настоящее.

Об ужасах гражданской войны и еврейских погромах, о зверствах фашистов и о холокосте я узнал довольно рано от моих родных, которые сами все это пережили. Старший брат моего деда был замучен белогвардейцами и сброшен с железнодорожного моста во время гражданской войны. Его родную сестру и ее мужа расстреляли немцы в годы Второй мировой войны. Брат моей бабушки погиб на фронте. О сталинских репрессиях мне рассказывал мой дед, который сам служил в ЧК и контрразведке «Смерш», был награжден многими орденами и медалями. Первые дни Отечественной войны он встретил в Бресте и остался жить только потому, что был серьезно ранен и вывезен в тыл. Мой отец мальчиком ушел на фронт и дошел до Берлина. После войны он стал военным летчиком и погиб, когда мне не было еще трех лет. Уже в детские годы я знал о том, что такое государственный антисемитизм, с которым самым непосредственным образом столкнулась моя семья. Хотя я и знал обо всем этом, не было ощущения, что все это зло имеет ко мне непосредственное

отношение. Наверное, потому, что я всегда был окружен вниманием и любовью близких, оно воспринималось мною как нечто, существующее где-то в прошлом или далеко от меня. Добро всегда присутствовало в моей жизни как нечто само собой разумеющееся, как естественный антураж. Можно сказать, что добро и зло были реалиями жизни моей и жизни моей семьи, но не были чем-то таким, что заставило бы меня специально фокусироваться на этих понятиях. Я воспринимал окружающую действительность как нечто хорошее или плохое, приятное или неприятное, опасное или безопасное, как то, что можно делать и чего делать нельзя. Все это откладывалось в моем сознании, накладывало отпечаток на мою душу. Если бы меня тогда спросили, что есть добро и что есть зло, я бы, конечно, нашел что ответить. Тем не менее, я не утруждал себя мыслями на эту тему.

Как я уже говорил, мое воспитание и обучение базировались на атеистическом фундаменте, предполагавшем, что добро и зло являются исключительно результатом наших поступков и деяний. В то же время литература и искусство заложили в мое сознание другое представление, согласно которому добро и зло выступали как проявления деятельности некоторых мистических, внешних по отношению ко мне и вообще к людям сил. Безусловно, верх брало атеистическое видение мира. Поэтому вполне естественно, что знакомые с ранних лет образы сказочных глуповатых чертей, ироничных интеллектуалов Мефистофеля и Воланда, добродушного Пана, могучего и печального Демона, как и других многочисленных обитателей Преисподни, Ада, Аида и Тартара, воспринимались мной не как отражение реально существующих сил, управляющих Вселенной, но только как литературные персонажи. Таким образом, на этапе становления моей духовности в моем сознании закладывались две противоборствующие картины мира и, соответственно, накапливался материал для разделения зла реального и зла книжного. Оглядываясь назад, я вижу, как все это происходило, но тогда, в те счастливые, не отягощенные мышлением времена, просто шел естественный процесс накопления жизненного опыта, процесс становления моей духовности.

ФОРМИРОВАНИЕ

Начало этапа формирования моих представлений о добре и зле я отношу ко времени завершения обучения в институте и старта моей профессиональной карьеры. Препятствия жизни были безмятежной и безоблачной, в ней практически не было событий, которые хоть в какой-то степени побуждали бы меня задумываться над этими вопросами. Она протекала в сильно укрепленной крепости родительского дома, мощные стены которой надежно защищали от всех бед и несчастий. Только последующая самостоятельная жизнь дала мне предостаточно реальных поводов для размышлений. Этот этап охватывает значительную часть моей жизни до того времени, когда я начал работать над этой книгой.¹

Первая фаза этапа формирования, которую можно назвать накоплением опыта самостоятельной жизни, пришлось на 70-е и 80-е годы, до защиты кандидатской диссертации. Это были годы брежневского правления и горбачевской перестройки, время перехода от эфемерной стабильности к динамике социальных реформ, когда то, что ранее тщательно скрывалось, под лозунгами плюрализма мнений и гласности шокирующей волной захлестнуло сознание обывателя, в том числе и мое. Казалось, силы тьмы и света столкнулись в открытой битве, и было твердое убеждение, что скорая победа добра над злом предreshена и неизбежна. Для меня это было время первой любви и жестоких разочарований, время осмысления научных интересов и создания своей семьи, время пересмотра ценностей и представлений об устройстве мира. В эти годы я потерял самых близких мне людей, испытал на себе коварство коллег, горечь разочарования в любимой женщине и долгую разлуку с моей дочерью. В эти же годы я обрел новую семью, познал счастье общения с сыном, радость настоящей дружбы и невыразимое ощущение творческого вдохновения. Для меня это было счастливое время увлечения концептуальным проектированием, время

¹ Как уже отмечалось, задать четкие хронологические границы процессов становления, формирования и развития практически невозможно. Движение духовности — процесс многоуровневый. В одном уровне можно наблюдать моменты развития, в то время как на других продолжается процесс формирования и даже становления.

теоретических поисков и экспериментирования в архитектурном обучении, время активного участия в работе ММК (Московского методологического кружка) и общения с выдающимися мыслителями, время перехода от ортодоксального атеизма к серьезным сомнениям в материалистической картине мира. Не могу сказать, что тогда я был человеком верующим, но и неверующим уже точно не был. Много несчастий обрушилось на меня в этот непростой период, но я не относился к ним как ко злу, как к проявлению внешней по отношению ко мне злой воли, а воспринимал все это как нормальную жизнь во всех ее проявлениях. Причину своих жизненных неурядиц и проблем я всегда пытался найти в самом себе, в своих мыслях и действиях.

Несмотря на то что значительная часть моей сознательной жизни прошла в условиях т. н. «брежневского застоя», мое мышление развивалось весьма активно, во многом благодаря сопричастности к методологическому движению. Я не помню, чтобы на наших семинарах обсуждалась проблема добра и зла непосредственно. Тем не менее, полученные представления и навыки мыслительной работы предопределили направление не только моей теоретической работы, но и моих будущих философских размышлений.

Вторую фазу (конец 80-х — середину 90-х годов) я бы назвал временем реализации. В это время я продолжал заниматься методологией, но скорее по инерции. На первое место вышла преподавательская деятельность. Большую часть своих сил и времени я отдавал разработке новых методик преподавания архитектурного проектирования, подготовке лекционных курсов по истории архитектурной профессии, истории архитектуры и искусства средневековья. Именно в культуре этой эпохи, особенно в готике, извечная борьба добра со злом высвечивается во всем ее драматизме. С одной стороны, это был злой мир, в котором повсюду вздымалось пламя ненависти и насилия, повсюду была несправедливость, мир, где черные крыла Сатаны покрывали тьмою всю землю. С другой — это была эпоха, предшествующая Ренессансу, в искусстве которой, как писал Йохан Хейзинга в своей «Осени средневековья», мы находим яркое отображение стремления к благородной гармонии и желание прекрасной

жизни (38, с. 33, 11—12). На этом отрезке своей жизни я не только значительно расширил свои познания в философии и истории религии, но и подошел вплотную к осмыслению проблемы соотношения добра и зла в этом мире.

Самым важным событием, ставшим началом третьей фазы этапа формирования (1996—2002 гг.), стала иммиграция в Соединенные Штаты. Это было время очередного самоопределения и пересмотра ценностей, поиска смысла жизни и новых путей реализации творческого потенциала. Меня терзала мысль о том, что я никогда больше не обрету того уровня творчества, который у меня был в прежней жизни. Все стало на свои места, когда я начал работать над этой книгой. Я иногда даже думаю, что именно эта работа, ставшая важнейшим для меня делом, была той скрытой причиной, которая побудила меня переехать в другую страну. В первые годы иммиграции мы столкнулись со многими трудностями, которые, как я сейчас это вижу, были даны только для того, чтобы испытать нас. Они закаляли нас, делали более приспособленными к жизни в новых условиях. Было трудно, иногда даже очень, но эти трудности сами по себе не были злом. Тем не менее, именно здесь, в иммиграции, мы увидели, что такое настоящее зло. Я имею в виду бессмысленное, с моей точки зрения, разрушение и убийство множества ни в чем не повинных людей, когда на моих глазах 11 сентября 2001 года религиозные фанатики взорвали Всемирный торговый центр. Я своими глазами видел весь этот ужас, видел, как горели и рушились обе башни, как люди выпрыгивали из пылающих огнем окон. Подобное варварство мне приходилось видеть только на киноэкране, но непосредственное наблюдение столь нечеловеческой жестокости в один миг перенесло меня из области абстрактных рассуждений в реальную действительность зла. Это событие навсегда избавило меня от иллюзий и окончательно утвердило в мысли о том, что до победы над мировым злом еще очень и очень далеко.

Все эти годы шло замещение чуждой, навязанной мне картины мира моими собственными представлениями о смысле и природе бытия. Я искал ответы на вопросы, кото-

рые не давали покоя пытливым умам во все времена: зачем существует Вселенная, какова роль человека, кто я такой и что я делаю в этом мире. Этот процесс не завершен и по сей день. Если сегодня мое видение мира в основных чертах уже сложилось, в то время оно только закладывалось и формировалось. Было бы неправдой, если бы я сказал, что в те годы мои представления о добре и зле существенно изменились. Я все еще глубоко не задумывался над этим. Жизнь была настолько насыщенной интересными делами и событиями, что на отвлеченные философские размышления просто не было времени.

Возникает вопрос: если в то время у меня не было сознательной установки на познание добра и зла, то могу ли я говорить об этом периоде моей жизни как об этапе формирования моей духовности в плане познания этих сущностей? Если я не могу ответить на этот вопрос положительно, то получается, что в своем движении я сразу перехожу от этапа становления к этапу развития. Но так не бывает — для того чтобы развивать что-то, оно должно уже быть, т. е. должно к этому времени сформироваться. Могу с уверенностью сказать, что необходимая установка у меня присутствовала — все эти годы шло не только накопление материала, но и формирование моего представления о добре и зле. Я как бы нащупывал мои будущие интересы, подготавливал себя к тому, чем живу сегодня, в частности к работе над этой книгой.

Мне очень повезло — я не стал узким специалистом и не ограничился рамками одной из областей архитектурной практики, а испытал себя в проектировании и преподавании, научно-теоретической и методологической работе. Пришлось заниматься разными вопросами и проблемами, на первый взгляд не имеющими прямого отношения друг к другу. Только сейчас я отчетливо вижу, что все они, как разноцветные кусочки мозаики, складываются в единой картине моего духовного мира. Во время работы над диссертацией и, позднее, над курсами лекций по истории архитектуры и искусства средневековья я не мог даже подумать о том, что когда-нибудь проблема добра и зла выйдет для меня на первый план. Сейчас я вижу, что все, чем я занимался в те годы, способствовало изменению моих представлений о мире и,

конечно же, самым непосредственным образом влияло на мою духовность. Я вообще не мыслю свою жизнь без книг, но тогда мне пришлось ознакомиться с особенно большим объемом литературы по философии и истории, прежде всего, европейской культуры средневековья и Нового времени. Дальше я остановлюсь только на трудах тех мыслителей, которые не только сыграли наиболее важную роль в понимании основных отличий в мировоззрении и мышлении зодчих разных эпох, но и, как я сейчас понимаю, в значительной степени помогли мне разобраться в процессе эволюции представлений о добре и зле. Это «Обратная перспектива» П. Флоренского, «Эстетика Возрождения» А. Лосева и «Роза мира» Д. Андреева.

Противопоставление средневековой и ренессансной картин мира у П. Флоренского

С «Обратной перспективой» П. Флоренского я познакомился, когда собирал материал для своей диссертации. В то время мне важно было понять, как мыслили зодчие разных эпох и что предопределяло изменения в архитектурно-художественном мышлении при переходе от одной эпохи к другой. Эта работа привлекла мое внимание не потому, что в ней подвергается критике точка зрения, согласно которой привычная нашему глазу перспектива является единственно правильной формой изображения пространства, а потому, что здесь я обнаружил оригинальный сравнительный анализ средневекового и ренессансного художественного сознания.

В отличие от привычной нашему глазу «прямой перспективы», когда параллельные линии сходятся в точку на линии горизонта, в «обратной перспективе», присущей средневековой иконописи, все происходит с точностью до наоборот — параллельные прямые расходятся по мере удаления от глаза художника, и фигуры на переднем плане могут быть меньше, чем фигуры на более отдаленных планах. Как правило, это объяснялось наивным мировосприятием средневекового художника и его неумением адекватно передавать окружающее нас пространство. Флоренский опровергает эту точку зрения: «...в те исторические периоды художественного творчества, когда не наблюдается пользования перспективой,

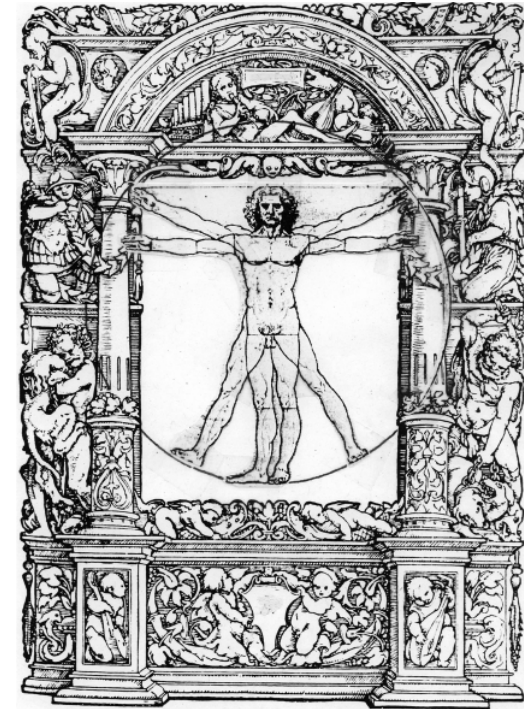
творцы (...) не «не умеют», а **не хотят** ею пользоваться или, точнее сказать, хотят пользоваться **иным** принципом изобразительности, нежели перспектива, а хотят так потому, что гений времени понимает и чувствует мир способом, имманентно включающим в себя и этот прием изобразительности. Напротив, в другие периоды забывают смысл и значение

неперспективной изобразительности, решительно утрачивают чутье к ней, потому что непонимание времени, сделавшись совсем иным, ведет к перспективной картине мира» (34, с. 55). Оценивая то или иное произведение изобразительного искусства, мы в большинстве случаев задаемся вопросом, похоже или не похоже. Но похоже на что? Конечно, на наше представление о том, как то, что изображено на картине, должно выглядеть на самом деле. При этом мы

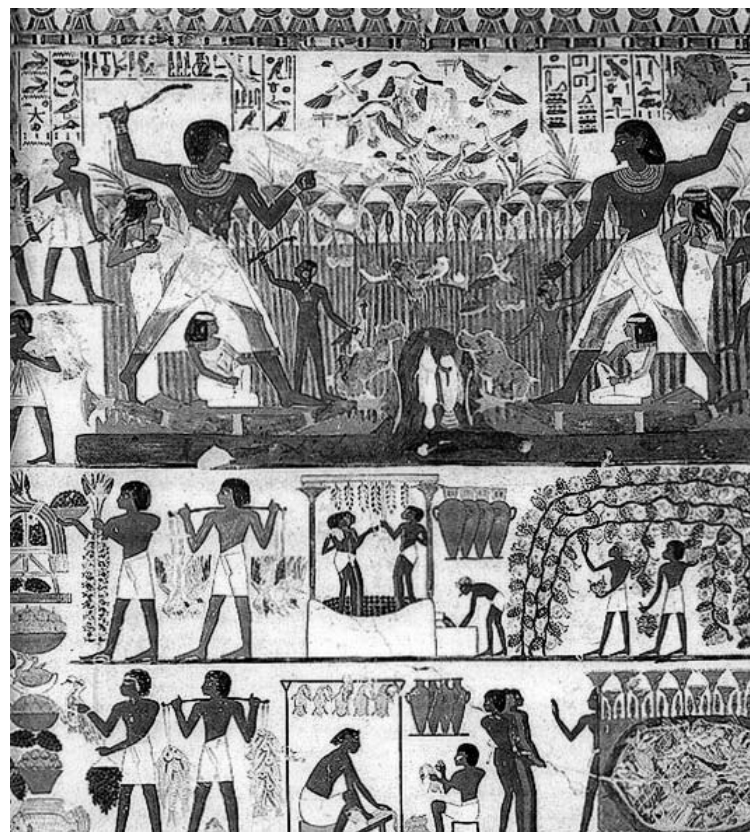
исходим из того, что художник должен похоже или адекватно отображать предметы и явления окружающего нас физического мира. То, что мы видим на средневековой иконе, не отвечает нашим представлениям, и, долго не задумываясь, мы заключаем, что создавший ее иконописец просто не умел рисовать. Но икона не призвана отображать окружающую нас материальную реальность. Назначение иконописи в изображении мира Божественного — иной действительности, живущей по своим законам. Очевидно, что изменение самого подхода к изображению пространства, которое мы наблюдаем при переходе от средневековья к эпохе Возрождения, свидетельствует о весьма серьезных изменениях, произошедших в художественном сознании.

То, что революционная перестройка, затронувшая все стороны жизни эпохи Возрождения, была вызвана появлением нового гуманистического мировоззрения, мне было известно и до ознакомления с этой работой. Я знал раньше и то, что ренессансный человек осознал себя как творческую личность, пересмотрел радикальным образом отношение к самому себе и провозгласил человека мерилем всего в этом мире. Мне настолько часто приходилось читать и слышать об этом, что, как любое клише, это утверждение не силь-

но привлекало мое внимание. У Флоренского я нашел совершенно неортодоксальный, не однозначно позитивный взгляд на эту эпоху, что и привлекло мое внимание к его работе. «Обратная перспектива» не просто пробудила мой интерес к различию средневекового и ренессансного видения и понимания пространства, но заставила задуматься, в силу чего этот переход вообще мог произойти, почему «гений времени» стал понимать и чувствовать мир принципиально по-другому. Я осознал, что разобраться в сути изменений, произошедших в эпоху Ренессанса, в том числе и в подходе к изображению пространства, можно только в том случае, если мы действительно поймем, в чем принципиальное отличие картины мира этого времени от средневековой картины мира.

В средневековом сознании Бог занимает центральное место. Именно такое видение мы находим в христианской иконописи той эпохи. Фигура Создателя, как правило, самая большая и располагается в центре изображения. Размеры остальных персонажей определяются степенью их близости к Богу в соответствии с их рангом в Божественной или не-

бесной иерархии. Человек, принадлежащий миру земному, по отношению к Богу, который есть центр мироздания, находится на самой дальней периферии. Все, что находится ближе к Всевышнему, безусловно обладает большей ценностью, что находит свое выражение в величине фигур на религиозных изображениях. Поэтому расхождение параллельных линий по мере их удаления от человека и приближения к Богу оказывается логически оправданным. Здесь все определяется не физическими законами распространения света и не устройством человеческого глаза, но ценностной иерархией мира Божественного. Именно эта иерархия в символическом виде должна передаваться в иконописи. Подобный подход

мы находим в древнеегипетском искусстве, которое вообще не знало трехмерного пространства. Все сюжеты египетской иконографии разворачиваются в двухмерном пространстве или на плоскости, подобно иероглифическому письму. Понимание этого искусства, так же как и понимание средневековой иконописи, возможно только при условии владения символикой изображения.

Принципиально иной подход мы находим в искусстве эпохи Возрождения. Ренессансные мастера овладели во всей полноте привычными нашему глазу приемами правильной перспективы. Параллельные линии на их картинах уже не разбегаются по мере удаления от переднего плана картины, а сходятся на горизонте. Изображение представляется нам более реалистичным. По своему подобию натуре оно приближается к современной фотографии. Столь радикальная трансформация восприятия пространства и способов его изображения была предопределена осознанием ренессансным человеком своих неограниченных творческих возможностей и серьезной корректировкой средневековой теоцентричной картины мира.

Если средневековый человек видит свое место на самых нижних уровнях картины мира, в центре которой находится Бог, то ренессансный человек осмелел до такой степени, что дерзнул не просто поставить себя на один уровень с Богом, но, по сути, занял его место. Он уже не смотрит на мир из дальней периферии, но гордо созерцает этот мир, находясь в самом его центре. Он больше не ощущает себя мельчайшей частицей греховной плоти, неспособной противостоять безжалостному року, но видит себя титаном, творящим судьбы мира. Достаточно взглянуть на божественную красоту земных женщин Боттичелли, Леонардо да Винчи и Рафаэля, атлетические тела пророков и сивилл Микеланджело. Это уже не бесполье, лишённые индивидуальности и каких бы то ни было проявлений интеллекта существа, а воплощения красоты, духовного и физического могущества человека. На полотнах мастеров Возрождения композиция строится уже не в строгом соответствии с представлением о Божественной иерархии, но согласно законам перспективы. Персонажи более высокого ранга, даже такие как Иисус Христос и Дева Мария, нередко рас-

полагаются на более дальних планах, в силу чего они значительно уступают по размеру фигурам иногда даже простых людей, но расположенных на переднем плане картины.

Казалось бы, какое отношение имеет различение принципов прямой и обратной перспективы к проблеме добра и зла? Действительно, сами по себе способы художественного изображения пространства никакого отношения к этой проблеме не имеют. Но мое внимание привлекли не столько сами эти способы, сколько данное автором обоснование того, что радикальное изменение в подходе к изображению пространства предопределяется революционными изменениями в мировоззрении при переходе от одной исторической эпохи к другой или сменой картины мира. Уже тогда я понимал, что смена картины мира, обуславливая изменения не только художественного мировосприятия, но и сознания и духовности общества в целом, прежде всего, касается пересмотра отношения человека к Богу и к тому, что есть добро и зло.

В полном соответствии с традиционными взглядами Флоренский видит причину радикальной трансформации художественного сознания эпохи в структурной перестройке картины мира, но делает совершенно другие выводы. Как и Д. Мережковский, он не разделяет точки зрения, согласно которой эпоха Возрождения является тем переломным

моментом, с которого начинается исключительно прогрессивный этап развития культуры человечества. Он полагает, что отказ от средневековых ценностей во многом предопределил последующую деградацию духовности: «Когда безусловность теоцентризма заподозривается и наряду с музыкой сфер звучит музыка земли (разумею землю в смысле самоутверждения человеческого «я»),

тогда начинается попытка поставить на место помутневших и затуманенных реальностей — подобия и призраки, на место теургии (божественное действие, чудо, — А. Я.) — иллюзионистское искусство...» (34, с. 59). Знаю, что далеко не все готовы согласиться с тем, что уровень духовности эпохи Возрождения ниже, чем во времена мрачного средневековья. В самом деле, как можно принять такое утверждение, если нам с детства прививали мысль об этом времени как об эпохе высочайшего взлета человеческого духа и полета творческой мысли, пришедшей на смену средневековому мракобесию, нечеловеческой жестокости и торжествующему невежеству? П. Флоренский, безусловно, не ставил перед собой задачу очернить и принизить значение тех, кого мы привыкли называть титанами Возрождения, или поставить клеймо бездуховности на произведениях великих художников только потому, что они овладели методом прямой перспективы. Как человек, получивший разностороннее образование, в том числе и физико-математическое, он был хорошо осведомлен о величайших достижениях этой эпохи. Но как человек глубоко

религиозный, он понимал, что, ставя во главу угла ценность мира физического и отводя познанию мира Божественного второстепенное значение, ренессансный человек закрывал тем самым путь к истинному знанию. Отдавая прерогативу духовному пути развития человечества, П. Флоренский не мог относиться к Возрождению как к исключительно прогрессивному явлению. Он считал, что расширение границ свободы воли ведет к высвобождению как светлых, так и темных сил. Мысли, высказанные в «Обратной перспективе», помогли мне осознать, что смена картины мира не только приводит к радикальному изменению художественного сознания, но и предопределяет трансформацию всех важнейших сторон жизни человека, в т. ч. отношения к добру и злу со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Изменение отношения к злу как обратная сторона ренессансного титанизма у А. Лосева

Задолго до того, как я начал заниматься научной работой, мне попалась автобиография выдающегося скульптора и ювелира Бенвенуто Челлини, которая считается одним из самых замечательных произведений литературы XVI века. Тогда в моей голове просто не укладывалось, как в этом выдающемся человеке могли уживаться большой художник и преступник. Позже, по мере более глубокого ознакомления с культурой и историей Возрождения, я все больше осознавал, что ренессансный человек относился к тому, что мы считаем преступлением, как к чему-то нормальному, вполне допустимому, если его совершение было нужным для достижения его целей. Все предельно ясно, когда речь идет о людях безнравственных, достойных всяческого презрения, но я не мог понять, почему личности, которых мы считаем носителями новой ренессансной культуры, позволяли себе творить зло и не считали при этом, что совершают тяжкий грех. Объяснение причин, вызвавших изменение отношения ренессансного человека к добру и злу, я нашел значительно позже у А. Лосева, в его «Эстетике Возрождения». С этой работой я связываю следующую ступень формирования моих представлений о добре и зле.

Из Ветхого Завета мы знаем, что Бог для достижения известных ему целей допускает не только убийство отдельных людей, но и уничтожение целых народов. Да что там народов! Вспомним миф о Всемирном потопе, когда гнев Божий распространился практически на все человечество. В то же время на скрижалях, переданных Богом Моисею и предназначенных для простых смертных, начертано: не убий, не укради — и другие строгие запреты. Нарушая любую из этих заповедей, человек преступает закон Божий, совершает преступление, творит зло и, конечно же, должен понести наказание в соответствии с тяжестью содеянного. Как гласит латинское изречение: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». Другими словами, простой смертный не может позволить себе то, что дозволено Богу. Очевидно, что в своем стремлении к свободе творчества ренессансный человек пересмотрел эту максиму. Он не только осознал свои неограниченные способности в сотворении красоты и познании мира, но и осознал свою свободу в достижении целей любыми средствами. Он присвоил себе право творить зло и тем самым поставил себя на одну ступень с Богом. Простой смертный забыл старую латинскую мудрость и возомнил себя Юпитером.

В главе «Обратная сторона титанизма» Лосев акцентирует внимание на том, что именно Возрождение, эпоха расцвета духовности и культуры, время таких титанов как Данте, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль и др., прославилось своими бытовыми типами коварства, вероломства, убийства из-за угла, невероятной мстительности и жестокости, авантюризма и разгула страстей. Он считал, что титаническая сила имела в эпоху Ренессанса и свою отрицательную сторону, свое вполне уродливое проявление, которое было связано «с принципиальным индивидуализмом, что не могло не приводить к стихии безграничного человеческого самоутверждения и, следовательно, к самооправданию в неимоверных страстях, пороках и совершенно беззастенчивых преступлениях. Пороки и преступления были во все эпохи человеческой истории, были они и в средние века. Но там люди грешили против своей совести и после совершения греха калялись в нем. В эпоху Ренессанса наступили другие

времена. Люди совершали самые дикие преступления и ни в какой мере в них не каялись, и поступали они так потому, что последним критерием для человеческого поведения считалась тогда сама же изолированно чувствующая себя личность» (20, с. 137—138). Эпоха Возрождения, как никакая другая эпоха, демонстрирует, что человеческая душа является полем битвы светлых и темных сил, осознаваемых нами как силы добра и зла. Поскольку человек в своем восхождении к Богу находится еще в начале своего пути, то осознание индивидуальной свободы предполагает не только высвобождение светлой творческой энергии, но и обратной ей негативной энергии темных сил. Лосев заставил меня впервые серьезно задуматься над соотношением и взаимодействием сил добра и зла в душе человека.

Позже я убедился в том, что мысли Лосева не просто теоретические умозаключения, имеющие отношение к временам давно минувшим, но вполне приложимы и к нашему времени. Это было на заре горбачевской перестройки. Я вместе с профессором Ю. Воробьевым, активным участником нашего методологического семинара, поджидал своего сына (а Воробьев своего внука) в холле детской теннисной школы. Разговор зашел о возможных последствиях проводимых в стране демократических реформ. Я высказал предположение, что в скором будущем страну захлестнет небывалый всплеск преступности и прольется много крови. На вопрос, какие у меня есть основания для такого прогноза, я, как хороший ученик, точно изложил лосевскую теорию, но уже как обратную сторону не ренессансного титанизма, а спекулятивной демократии. К сожалению, последующее развитие событий в стране полностью подтвердило мою правоту.

Критика представлений Д. Андреева о происхождении и природе зла

О том, как устроен мир, и о целях его создания, кто есть человек, кому и зачем он вообще нужен, я стал задумываться, когда уже мог обсуждать эти вопросы с сыном. Не считая Ветхого Завета, первой серьезной работой, в которой давались ответы на эти вопросы, стала для меня «Роза

мира» Д. Андреева. Эта книга была предметом обсуждений и горячих споров с Даниилом. Долгие и интересные нам обоим дискуссии побудили меня к более глубокому погружению в материал и, возможно, стали отправной точкой моего стремления если не разгадать, то хотя бы заглянуть за покров тайны происхождения Вселенной и человека.

Картина мира, данная автором, не имела ничего общего с научными концепциями и радикально отличалась, как мне тогда казалось, от известных мне религиозных представлений. Андреев рассматривает физическую Вселенную, Энроф в его терминологии, как один из слоев объемлющей разноматериальной системы, которую я называю Универсумом. Пространство этой модели населяется персонажами, принадлежащими противоборствующим лагерям: провиденциальным и демоническим силам. Позже я осознал, что аналогичное видение мы находим во всех религиозных концепциях мироздания. В каждой из них присутствуют иерархии светлых и темных сил, непримиримая борьба которых является ядерным содержанием истории Вселенной. Также не является откровением концепция предопределения судеб земного человечества и каждого отдельного человека высшими силами. Расхожим стало утверждение, что наши судьбы пишутся на небесах. Автор придает своей картине небывалую достоверность, вводя множество собственных имен и терминов, непривычных нашему уху. При этом Андреев утверждает, что все они являются не плодом его воображения, а доступными человеческому языку транскрипциями слов, настоящее звучание которых ему было дано услышать во время пребывания в иных мирах. Детальное описание обитателей этих миров также подается как результат непосредственного наблюдения.

Хотя у меня нет оснований для недоверия, но принять все это на веру тоже не просто. Сам я не обладаю подобным опытом, но мне приходилось встречаться с людьми, которые утверждали, что они лично общались с кем-то или чем-то, явно не принадлежащим нашему земному миру. Вспомним яркие картины ада из «Божественной комедии» Данте или весьма подробные, я бы сказал натуралистические, описания быта ангелов и демонов у Э. Сведенборга. Мой сын не

только рассказывал мне о своем личном опыте встреч и общения с такого рода существами, но и предлагал мне самому с его помощью пережить подобный опыт. Я не собираюсь обличать кого-либо во лжи или в несколько преувеличенном воображении, но если мы сравним описания иных миров, принадлежащие в том числе и личностям, которых принято считать посвященными, то увидим, что они не просто расходятся в деталях, но порой весьма противоречивы. В то же время я допускаю, что в отличие от мира физического, данного нам в ощущениях, иные миры в сознании разных людей могут отражаться весьма специфическим образом.

С точки зрения физики все люди обладают одинаковым механизмом зрения. В силу этого, независимо от этнических, культурных, образовательных отличий, мы одинаково ощущаем формы окружающего нас материального мира. Совсем по-другому обстоит дело с восприятием мира духовного, или Божественного, если мы вообще допускаем существование иноматериальных миров. В этом случае речь идет о совсем другой действительности, которая воспринимается не телесным, или физическим, а каким-то другим, я бы сказал, духовным зрением, когда информация, минуя глаз, попадает непосредственно в мозг человека. Как устроено такое зрение, я не знаю, но ни для кого не секрет, что мы способны видеть не только с помощью глаз. Я не буду говорить здесь о телепатии, предполагающей способность передавать мысли на расстоянии, о таких вещах, как предвидения, предсказания и пророчества. Очень небольшое число людей действительно может продемонстрировать владение этими способностями. Но состояние сна известно каждому человеку. Практически все люди видят сны, хотя глаза при этом закрыты. В большинстве снов мы видим привычные образы, которые накапливаются в нашей памяти. В этом случае зрительные образы продуцируются мозгом, продолжающим во сне по инерции продумывать те или иные ситуации нашей жизни. Бывают совершенно другие сны, когда мы видим нечто такое, что в состоянии бодрствования даже представить себе не можем. Я не знаю точно, с чем я сталкиваюсь в своих снах, но я знаю наверняка, что я это вижу, т. к., пробудившись, могу описать цвет, габариты предметов и персонажей, их

одежду, архитектурные детали зданий. Более того, иногда я вижу сны, которые не есть отображение моего прежнего жизненного опыта, но которые предупреждают меня о чем-то, что может меня ожидать в будущем. Возможно, что в подобных случаях мы считываем некоторую информацию, поступающую в мозг, минуя органы зрения. Осмыслить эту информацию человек может, только трансформируя ее или облекая в привычные зрительные образы. Это говорит о том, что одна и та же информация, будучи пропущенной через сознание разных людей, индивидуализируется или оформляется в те визуальные формы, которые имеются в их распоряжении. Если мы сравним картины разных мастеров с одним и тем же сюжетом, то увидим, что действие каждой из этих картин происходит в предметной среде той эпохи, в которой протекала жизнь ее создателя. Наглядным примером

могут послужить художественные изображения античных и библейских мифов, принадлежащие мастерам разных эпох. Интересную трактовку эпизода из жизни мифического героя Геракла дает Паоло Веронезе. Я долго стоял перед его картиной «Геракл на распутье» (Choice of Hercules), на которой изображен стройный юноша, выясняющий отношения с двумя девушками. Все персонажи одеты по итальянской моде XVI века. Что здесь происходит, я понял, только когда обнаружил табличку с названием картины. Оказывается, это могучий Геракл совершает выбор между Добродетелью и Пороком. Мастера готики наряжали своих персонажей в полном соответствии с модой их времени и погружали их в готическое архитектурное окружение. Ренессансные художники разворачивают мифологические сюжеты в соответствии с эстетическими предпочтениями своей эпохи. Классицизм стремится погрузить тех же героев в антураж, отвечающий его представлению об античности. Поэтому можно допустить, что посвященные действительно получали сходную информацию о мире Божественном, но в силу устройства человеческого мозга трансформировали ее в доступные их пониманию визуальные образы.

Допустим, что Д. Андрееву действительно было дано присутствовать в других мирах и лично наблюдать все то, что он описывает в своей книге. Является ли непосредственное наблюдение чего-то, находящегося за гранью привычной реальности, достаточным условием для получения истинного знания о наблюдаемом объекте или действительности? Знакомство с концепцией Андреева еще больше утвердило меня в мысли о том, что непосредственное наблюдение какого-либо таинственного явления само по себе не гарантирует, что наблюдатель понимает истинную суть данного явления и, соответственно, адекватно ее передает.

Когда кто-либо утверждает, что видел Бога и общался с ним, не спешите этому верить. Вполне возможно, что этот человек действительно видел нечто, не принадлежащее миру земному, но также велика вероятность того, что это был не Бог, а дьявол. Даже в обыденной жизни нередко случается, что мы видим совсем не действительную форму предмета, а то, что хотим видеть. Разве не испытывали вы разочаро-

вания, рассматривая себя на фотографиях? Как правило, в зеркале мы кажемся себе куда более привлекательными. Подобное ощущение мы переживаем, когда слышим свой голос, записанный с помощью магнитофона. Мне иногда кажется, что это голос не мой, а какого-то совсем не знакомого мне человека. И, конечно же, мы видим себя не совсем или совсем не такими, какими нас видят другие люди. Нам только кажется, что мы видим внешний мир таким, каков он есть, но на самом деле мы снимаем с него определенную проекцию, пропущенную через призму нашего сознания. Значительно сложнее обстоит дело, когда речь идет не о внешней форме, а о внутреннем содержании или об истинной природе воспринимаемого объекта.

Сталкиваясь с чем-то таким, что для нашего миропонимания и мироощущения является запредельным, мы видим только то, что мы можем видеть. Все остальное мы просто не можем распознать. Наше сознание работает как фильтр, пропуская только ту информацию, которую оно способно переработать в данный момент времени. Другими словами, смотря вовне, мы в значительной степени видим себя самих. Именно этим я могу объяснить сходство описаний ада и рая, данных людьми в рамках одной культуры и одной религии. В то же время, если мы сравним картины тех же ада и рая, авторами которых были люди, жившие в различные исторические эпохи, то увидим, что они существенно отличаются друг от друга. Безусловно, «Роза мира», как прообраз универсальной религии, снимающей извечные противоречия, раздирающие человечество на враждующие части, нашла отклик в моей душе, но безоговорочно принять представления Д. Андреева о мироустройстве, в частности о происхождении добра и зла, я не могу. Предлагаемая автором модель есть одно из многих описаний мироустройства. Как и другие известные концепции, она не должна рассматриваться как истина в конечной инстанции, но может и должна стать объектом анализа и критического разбора.

Представление Андреева о добре и зле полностью укладывается в рамки известной христианской мифологии. Начиная главу о происхождении зла с мифа о Люцифере, он отмечает, что событий метаистории нашей планеты, которые могли бы быть отражены в событиях этого мифа, на самом

деле не было. Они совершились некогда в плане вселенском в превышающих все категории нашего разума масштабах и впоследствии были переведены духовидцами древности в плоскость эпохальных человеческих понятий, отлились в миф о падении Люцифера. С этим утверждением я не могу не согласиться, но, как известно, миф о Люцифере имеет весьма позднее происхождение. Задолго до него в мифологии Шумера и Египта происхождение зла трактовалось принципиально иначе: добро и зло, так же как Инь и Ян (мужское и женское), рассматривались как два противоположных, но необходимых взаимоопределяющих начала, без которых само существование Вселенной было бы невозможным. Если опустить специфическую терминологию «Розы мира», данный миф в изложении Андреева практически не отличается от традиционных версий. Все они исходят из того, что в незапамятной глубине времен один из величайших духов, Люцифер, или Денница, отступил от своего Творца ради создания по собственному замыслу другой Вселенной. К нему примкнуло множество других духов (монад). Восставшие духи отвергли объединяющий принцип любви и стали руководствоваться противоположным разъединяющим принципом вражды и соперничества. Я умышленно упрощаю терминологию автора, чтобы облегчить понимание основного содержания. Темные духи — демоны — вторглись в наш мир, который с тех пор является ареной борьбы провиденциальных (добрых) и демонических (злых) сил. Последние принесли на Землю закон взаимопожирания, установили главенство закона смерти, закона возмездия и закона борьбы за существование. Андреев вводит понятие «гаввах», объясняющее, почему демоны столь заинтересованы в страданиях людей. Гаввах — это особое излучение страдания и боли, способное насыщать гигантские толпы демонов. Впивание гаввах увеличивает запас демонической мощи. Поэтому демоны, захватив наш мир, перестроили его таким образом, чтобы породить и умножить страдания людей. По Андрееву, демоны заинтересованы не столько в смерти живых существ Энрофа (нашего физического слоя) и в загробном страдании их душ, сколько именно в кровопролитиях. Кровавые жертвоприношения в некоторых древних культах питали собою

вовсе не богов, а демонов. Автор заключает свою историю захвата земного Энрофа отнюдь не оригинальным утверждением: все страдания, все зло — от дьявола. Бог есть Свет, и нет в нем никакой Тьмы.

По своей сути «вирусная» теория моего сына Даниила, о которой я рассказал выше, есть пересказ взглядов Д. Андреева на происхождение добра и зла. Если заменить демонические силы «вирусом зла», все остальное полностью совпадает. Юное сознание моего сына, свободное от напластований религиозных и философских концепций, как вакуум впитало в себя первую попавшуюся ему яркую картину мироздания. Совсем другой была моя реакция на книгу Андреева. Надо сказать, что тогда я еще не был знаком с религиозными доктринами, в частности с бахаизмом, утверждавшими идею единого Бога и единой религии для всех людей. В то время у меня не было четко оформленных представлений о природе возникновения и устройстве мира, кроме атеистической картины бытия, которая с детства закладывалась в наши головы. Тем не менее, я уже точно знал, что и научно-материалистическая, и христианская картины мира не отвечают моим духовным запросам.

В концепции Андреева я очень скоро разглядел вполне ортодоксальное основание, принаряженное витиеватой декорацией терминов, значительная часть которых позаимствована из других религиозных систем. Надо сказать, что Андреев не только не пытается отмежеваться от христианской доктрины, но и всячески подчеркивает свою принадлежность к христианству. В ряде случаев, употребляя тот или иной термин, он понимает под ним не совсем то или совсем не то содержание, которое изначально им обозначалось. Например, карму — одно из базовых понятий индуизма и буддизма, под которым понимается основной закон бытия, Андреев трактует как закон возмездия, учрежденный на земле злыми демоническими силами. Феномен смерти он также относит к проискам демонических сил, заинтересованных в умножении страданий и мук людских. С этим я никак не мог согласиться, так как уже тогда был убежден, что смерть является необходимой составляющей бытия физического мира. Поэтому утверждение о том, что в Энрофе существуют миры, свободные от смерти, я не могу рассматривать иначе,

как наивное заблуждение христианского мировоззрения. Земное человечество в его телесном воплощении изначально было сотворено с учетом его существования во времени и пространстве физического мира, в котором смерть есть не только зло и разрушение, но и, прежде всего, необходимое условие новой жизни. Кроме того, не надо забывать, что мы существуем в замкнутом земном пространстве и что наши возможности освоения других областей Вселенной пока еще весьма ограничены. Представьте себе, что было бы с нашим миром, если бы не было смерти: бессмертные старики заполнили бы всю планету и люди просто задушили бы друг друга, как рыбы, бесмерно размножившиеся в маленьком пруду.

Мое критическое отношение к концепции происхождения зла, изложенной в «Розе мира», было обусловлено не столько ее отличием от моих представлений (тогда они были еще в весьма зачаточном состоянии), сколько ее сходством с ортодоксальным христианским видением, от которого к тому времени я уже отказался.

Когда я познакомился с представлениями Д. Андреева о заражении земного мира злом, своя точка зрения на происхождение зла у меня еще не сложилась. Возможно, мое отношение к этому вопросу возникло как реакция на его концепцию. В то время я еще не знал почему, но меня совершенно не устраивало то, что в нарисованной им картине мы, люди, предстаем как марионетки, все действия и поступки которых предопределены целями и подчинены воле кукловода. Принять то, что моя свобода воли мало чем отличается от свободы воли курицы на птицеферме, я не мог. Ощущение себя как гавваха — пищи высших сил, неважно каких, светлых или темных, меня совершенно не устраивало. Да и сам кукловод выступает как существо, духовные цели которого замещаются установкой на физическое выживание. При этом он руководствуется в основном своими гастрономическими пристрастиями. Уже тогда я считал, что человек, прежде всего, есть душа или дух, который вынужден существовать в теле — материальной оболочке, необходимой для временного пребывания в физическом мире.¹ Для меня

¹ В то время я еще не разделял такие понятия, как «душа» и «дух», и употреблял эти слова в общепринятом их значении.

было ясно, что проблема добра и зла есть проблема бытия духа, которую нельзя сводить только к борьбе за выживание. Жизнь зверей также наполнена постоянной борьбой — они должны постоянно убивать, чтобы выжить и вырастить свое потомство. Но это не имеет никакого отношения к проблеме добра и зла, которая, как уже говорилось, актуальна только для человека. Именно поэтому центральным содержанием искусства (литературы, театра, живописи) является борьба добра и зла. Если это содержание отсутствует, то такое произведение искусства, с моей точки зрения, является бездуховным. Оно может определенным образом воздействовать на наши чувства, вызывая ту или иную физическую реакцию организма, подобно реакции на вкусную или дурную еду, но не вызывать волнения духа. Есть пища для тела, есть пища для ума и есть совершенно особая вещь — пища для духа.

Сейчас я могу сказать, что именно несогласие с взглядами Андреева помогло мне позднее осознать, что **добро и зло не являются чем-то абсолютным, существующим вне человека. Они есть не что иное, как проекция нашего сознания, нашего внутреннего мира на окружающую нас действительность.** Мы не зрители, отстраненно наблюдающие за противоборством сил добра и зла, разыгрываемом на внешней по отношению к нам сцене. Эта борьба происходит внутри нас, в душе каждого отдельного человека. В то время, когда я читал «Розу мира», эти мысли только зарождались. Значительно позже я нашел их подтверждение у Е. Блаватской, которая писала, что, согласно учению Будды, зло будет всегда, но оно существует не в самой материи, которая вечна, а только в создаваемых ею иллюзиях. Но что такое иллюзии и кто их порождает? Они есть не что иное, как отражение внешнего мира в нашем сознании, но не просто зеркальная его проекция, а видение событий и явлений этого мира, пропущенное через призму индивидуальных представлений о нем. Это значит, каждый из нас творит свою картину мира или свою иллюзию, и эта картина окрашена в цвета наших индивидуальных представлений, в том числе представлений о добре и зле. Мы не только творим свои иллюзии, но и действуем в соответствии с ними, совершая реально добрые или злые деяния. Это говорит о том, что зло в наш мир проникает

не извне, но изнутри нас самих. Е. Блаватская считала, что если бы человек взглянул внутрь самого себя, то очень скоро освободился бы от колец великой змеи — иллюзии. Это еще раз говорит о том, что для того, чтобы победить зло, мы должны не сражаться с дьяволом и демонами, но принять ответственность за все зло, совершаемое в мире, и победить зло внутри нас самих.

* * *

П. Флоренский, А. Лосев и Д. Андреев были теми авторами, которые оказали наибольшее воздействие на формирование моего понимания происхождения и природы добра и зла. «Обратная перспектива» Флоренского помогла мне осознать, что переход от одной исторической эпохи к другой предопределяется не только экономическими факторами, но и, прежде всего, изменениями, происходящими с сознанием и духовностью человека. Главной предпосылкой этого перехода является появление новых представлений о мироздании или новой картины мира. При этом происходит переосмысление отношения человека к Богу, в результате чего появляется новое видение человеком своего места и предназначения в структуре Вселенной и Универсума. Все эти процессы самым непосредственным образом связаны с радикальной трансформацией духовного мира, что, безусловно, предопределяет изменение отношения к добру и злу.

Лосев утвердил меня в мысли о том, что повышение уровня духовности не является прямым следствием экономического и научно-технического прогресса. Он показал, что раскрепощение воли человека не приводит однозначно к прогрессу в сфере духовности, но имеет свои положительные и отрицательные стороны. Обретение дополнительных степеней свободы не только является обязательным условием взлета творческой мысли, но и снимает с человека любые запреты, в том числе запрет творить зло. При этом высвобождаются не только добрые созидательные, но и злые разрушительные силы.

Благодаря «Розе мира» все известные мне концепции происхождения зла я разделил на «внешние» и «внутренние». К первым я отнес все те представления, согласно которым Бог,

породивший дьявола, несет полную ответственность за все мировое зло. Ко вторым — представления, в соответствии с которыми ответственность за зло возлагается на человека.

РАЗВИТИЕ

Слово «развитие» мы часто произносим в самых разных контекстах, мало задумываясь над его смыслом. Как правило, под развитием мы понимаем некоторые позитивные изменения, происходящие во времени с кем-то или чем-то. При этом мало кто отличает развитие от эволюции и прогресса. Выше я в самом общем виде изложил мое понимание процессов развития, становления и формирования. Тем не менее, прежде чем перейти собственно к содержанию данного раздела, мне важно ввести дополнительные характеристики процесса развития. Я не говорю, что именно мое представление является единственно верным.¹ Оно есть мой рабочий инструмент, и объяснение его устройства нужно только для того, чтобы облегчить читателю понимание моих собственных умопостроений.

В отличие от эволюции, которую я рассматриваю как естественный процесс постепенных количественных и качественных преобразований, о процессе развития имеет смысл говорить только тогда, когда можно зафиксировать два разновременных, качественно или структурно отличных состояния наблюдаемого объекта. Необходимость фо-

¹ Интересен в этой связи спор П. Успенского и Г. Гурджиева, ученика со своим учителем. По мнению Успенского, эволюция — это, во-первых, «независимый и всегда механический процесс»; во-вторых, эволюция исключает случайность, т. е. вмешательство в механические процессы новых факторов, изменяющих направление этого процесса. «Согласно идее эволюции все всегда движется в одном и том же направлении». В-третьих, у слова «эволюция» нет антитезиса, т. е. эволюция всегда прогрессивна (33, с. 26). Гурджиев же считал, что механической эволюции не бывает. Эволюция, по его мнению, это результат сознательной борьбы (32, с. 77, 79). Таким образом, с моей точки зрения, ученик и учитель отстаивают принципиально разные понимания слова «эволюция». Для Успенского эволюция — всегда естественный однонаправленный процесс. Гурджиев трактует эволюцию как результат искусственного целенаправленного воздействия на процесс извне, т. е., на мой взгляд, путает эволюцию с развитием.

кусировки внимания именно на качественных изменениях возникает тогда, когда у нас появляется цель искусственно преобразовать тот или иной объект. Именно поэтому период моей жизни, когда я не просто поставил перед собой задачи усовершенствования моих представлений о добре и зле, но осознал их как проблему радикальной трансформации своей духовности, я охарактеризовал как этап развития. То, о чем я здесь пишу, нельзя назвать мемуарами, т. е. описанием того, что уже случилось в моей жизни и скрылось за поворотом времени. Мои искания продолжаются и сегодня. Я просто свожу свои мысли в некоторую логическую последовательность, объясняющую продвижение к созданию моей концепции добра и зла.

Когда я говорю о развитии моих представлений о добре и зле, это не означает, что они становятся лучше или хуже. Я имею в виду только то, что они претерпевают принципиальные изменения. Показать это можно, только сравнив эти представления в начале и конце того отрезка моей жизни, который я описываю здесь как этап развития и который завершится, когда я поставлю точку в конце этой книги. Хотя у меня уже есть определенные наметки моего нового понимания, но работа не завершена, жизнь продолжается, и то, к чему я приду в конце книги, мне еще не известно. Поэтому я привожу здесь основные положения того понимания добра и зла, которое сложилось у меня на этапе формирования и которое можно рассматривать как **начальную** точку процесса целенаправленного развития моей духовности:

- Бог порождает все, в том числе добро и зло;
- человек, как образ и подобие Божье, заключает в себе как доброе, так и злое начало;
- добро и зло являются двумя необходимыми началами, без борьбы которых невозможно развитие Вселенной и Универсума.

Приступая к работе над этой книгой, я имел весьма слабое представление о многочисленных концепциях происхождения добра и зла. Но к этому времени мое сознание уже было «беременно» своими собственными мыслями и

в силу этого подготовлено к восприятию соответствующих знаний и представлений. С большинством трудов по этой теме я познакомился уже в процессе работы. Я как губка впитывал все, что имело отношение к интересующим меня вопросам. Сейчас я понимаю, что отсутствие специальной подготовки в этой области было важнейшей предпосылкой моего движения вперед. Относительная чистота моего сознания позволила мне избежать привязанности к той или иной из уже существующих точек зрения и самостоятельно прокладывать свой путь к истине. С самого начала я старался избежать не критического восприятия концепций других мыслителей. Поэтому активно расширять свой кругозор в этой области я стал только после того, как мое отношение к проблеме в общем виде уже сформировалось. Меня не смущало, когда после завершения того или иного раздела книги я нередко находил в трудах других авторов (некоторые из них жили за сотни и даже тысячи лет до меня) мысли, близкие к моим построениям. Я считал и считаю, что лучше самому сделать отчаянную попытку прорваться к истине, чем успокаивать себя тем, что все уже давно открыто более умными людьми. Тем более и они, как правило, открывали то, что уже было известно задолго до их появления на свет. В этом я убедился, когда сопоставлял концепции и представления о мироздании мыслителей разных эпох. По мере моего продвижения я все больше убеждался в правоте слов Д. Мережковского о том, что чем дальше в глубь веков, тем ярче свет истины. Достаточно вспомнить такие имена, как Галилей и Коперник, взгляды которых на устройство Солнечной системы были революционными для их времени, и сопоставить их со знаниями о космосе, которыми располагали древние египтяне или индейцы майя, создавшие календарь, который поражает современников своей точностью. Как я уже говорил, не надо думать о том, что мы творим и делаем открытия для того, чтобы благодетельствовать человечество, — в первую очередь мы развиваем самих себя. Потому, находя в работах других мыслителей положения, сходные с идеями, к которым я пришел самостоятельно, я не расстраиваюсь. Наоборот, это дает мне ощущение, что я нахожусь на правильном пути.

П. Успенский, С. Франк, С. Вивекананда, Зор Алеф о природе зла

Одной из первых концепций мироздания, с которой я познакомился после «Розы мира» Д. Андреева, была концепция П. Успенского, которую он изложил в 1914 году в своей книге «Новая модель Вселенной». В этом труде я нашел подтверждение моих мыслей о том, что «всё внутри человека, и нет ничего внешнего» (33, с. 151), а также о природе зла. Как писал Успенский: «Зло — одна из тех идей, что существуют в умах людей в фальсифицированной форме, в форме их собственных «псевдообразов». Вся наша жизнь окружена такими псевдообразами» (33, с. 137). Аналогичные взгляды на природу зла мы находим не только у философов-эзотериков, но и у таких христианских мыслителей, как С. Франк. Отвечая на вопрос о том, кто или что есть первоисточник зла — человеческая душа или порабащая ее внешняя сила, — он писал: «Демоническая сила (так же как и Бог) не есть реальность или инстанция, безусловно инородная человеческой душе и отчетливо стоящая вне ее. Мы имеем и здесь, напротив, некоторое нераздельное и неслиянное двуединство. Демоническая сила не только извне нападает на человеческую душу, но потенциально наличествует, как бы дремлет в глубине ее». И дальше: «Борьба между Богом и дьяволом происходит в глубине человеческой души, и душа есть при этом не только пассивное поле битвы, но и соучастник этой борьбы» (35, с. 369—370). Если Успенский осознает себя как философ эзотерического плана, то Франк, несмотря на его неканоничность, принадлежит к русской религиозно-философской традиции. Тем не менее, близость их взглядов на происхождение зла очевидна. Оба они жили и творили в одну эпоху, и их мировоззрение формировалось в одной культурной среде. Но подобное понимание природы добра и зла мы находим и у мыслителей, взгляды которых складывались в совсем иных исторических и социо-культурных условиях.

К ним, безусловно, относится Свами Вивекананда, живший в принципиально отличной социально-культурной атмосфере. Будучи последователем древнего учения веданты, он утверждал идею относительности и отрицал абсолюти-

зацию добра и зла, т. е. их независимую, или внешнюю по отношению к человеку, природу. Он считал: «...бессмысленно говорить о зле и о страданиях, ибо они не существуют вне нас. Если я недосыгаем для злости, я никогда не злюсь. Если я свободен от ненависти, я никогда не испытываю это чувство» (12, с. 33). Очевидно, что взгляды этого философа противоречат дуалистическим концепциям мироздания, исходящим из того, что мир был создан Богом Добра и Богом Зла и предполагающим изначальную греховность мира земного. Для него была самоочевидна абсурдность подобных концепций, представляющих добро и зло как обособленные сущности, вечно существующие каждая в своем качестве (12, с. 47). Он считал, что настоящий мир сам по себе ни добр, ни зол: каждый человек сотворяет свой мир для себя (13, с. 58).

Когда я познакомился с работами П. Успенского, С. Франка и С. Вивекананды, три четверти моей книги были уже написаны. Они мало повлияли на мое понимание природы Универсума и Вселенной, роли и места человека в системе мироздания, т. к. мои взгляды в их главных чертах к этому времени уже сложились. Тем не менее, я почувствовал, что я не одинок в своих исканиях, что мои представления укладываются в русло мощной традиции, истоки которой просматриваются в такой далекой древности, куда только способна прорваться моя фантазия. От ощущения своей сопричастности к движению мысли, представленному трудами этих замечательных философов, дух мой укрепился и на душе стало теплее.

Творчество всех этих мыслителей ограничивается периодом с середины XIX до середины XX века. Сейчас я уже знаю, что их взгляды появились не на пустом месте. Им предшествовала многовековая история теодицеи — непримиримого противостояния обвинителей Бога в создании зла и их оппонентов. Хотя я появился на свет, когда все они уже завершили свой жизненный путь или были близки к его концу, но именно их видение и понимание мироздания мне наиболее близко, возможно, потому, что мои культурные истоки находятся именно в этой эпохе. Возможно, и потому, что мысль не умирает вместе с ее творцами, она живет вечно,

и возможно, что в прежних своих жизнях я был одним из тех, кто стоял на тех же позициях. Я вижу себя последователем философских идей, утверждающих относительность и внутреннюю по отношению к человеку природу добра и зла, ощущаю, что эта линия человеческой мысли теперь проходит через меня.

Жизнь продолжается, и сегодня есть люди, более молодые, чем я, но которые идут по тому же пути. Может быть, только кажется, что они моложе меня, а на самом деле в их телах живут духи, которые старше и мудрее меня. Именно такое ощущение возникало, когда я читал книгу Зора Алефа (Анатолия Руденко). Несмотря на то что он всего на один год старше моего сына, то, что ему удалось достичь, поражает воображение. Когда я впервые прочел его «Ответы непосвященному», ему было не более двадцати шести лет. Спектр затрагиваемых им вопросов невероятно велик, чему вполне соответствуют обширные знания, которые демонстрирует этот совсем еще молодой человек. По прочтении его книги у меня появилась мысль, что все это грандиозная мистификация и что на самом деле за этим именем скрывается целая система, включающая в себя научно-исследовательский институт, издательский дом, мощный блок финансовой поддержки и т. д. Так это или нет, для меня не столь важно. Важно содержание, тот дух, та энергетика, которую я ощутил, читая его книгу.

Когда познакомился с точкой зрения Зора Алефа на происхождение зла и его представлениями о Сатане, мне показалось, что кто-то подслушал мои мысли. Суть его концепции зла заключается в том, что Сатана рождается в нашей душе: «Сатана есть Человек, совершающий грех, отождествивший себя с грехом, а в широком смысле — весь комплекс зла, когда-либо рожденный человеческими душами на Земле» (18, с. 304). В соответствии с моим разделением концепций происхождения добра и зла на «внешние» и «внутренние», представления Зора Алефа принадлежат ко второй группе. Он так же, как и П. Успенский, С. Франк и С. Вивекананда, исходит из того, что мир сам по себе не злой и не добрый и что видение его как поля битвы потусторонних сил добра и сил зла является порождением человеческого сознания.

Многие идеи этого молодого человека можно обнаружить в высказываниях мыслителей, творивших в разные исторические эпохи. Но это видно мне, человеку, который специально интересуется этими вопросами. Для большинства людей слова Зора Алефа проливают новый свет на веру в Бога и устройство мироздания, в частности на природу добра и зла. Он заставляет людей задуматься, зачем существует мир и зачем они сами живут в этом мире. Можно по-разному относиться к его книгам и его мировоззрению, но они, безусловно, обладают особой энергетикой, раскачивающей мышление обывателя, рискнувшего заглянуть в них, и заставляющей взглянуть на самого себя и окружающий мир другими глазами.

Возможна ли окончательная победа над злом?

А. Амфитеатров, Дж. Б. Рассел, Е. Рерих

Приступая к работе над этой книгой, я даже не подозревал, что уделю столько внимания теме добра и зла. Более того, я вообще не знал, что буду этим заниматься. Неудивительно поэтому, что с работами по этой проблеме я познакомился довольно поздно. Сейчас я знаю, что за тысячелетия, со времени появления письменности, накопился огромный массив информации в этой области. Я уверен, что если бы я раньше был знаком хотя бы с небольшой его частью, это, безусловно, ограничило бы свободу моей мысли и, возможно, вообще отбило бы у меня желание погрузиться в данный предмет. Но моя память явно не была перегружена подобными сведениями, что и объясняет мою смелость и непреодолимое стремление во что бы то ни стало докопаться до истины. Именно поэтому к тому времени, когда я приступил к освоению материала по истории вопроса, у меня уже сложилось свое собственное понимание, которое позволило мне критически относиться к концепциям других авторов.

Первым трудом по истории представлений о происхождении зла была книга А. Амфитеатрова «Дьявол в быту, легенде и в литературе средних веков», написанная в 1912 году. Начав читать ее и по привычке заглянув на последние страницы, я сразу понял, что вряд ли смогу принять все положения автора. Несмотря на то что Амфитеатров вырос в семье

священника и получил религиозное образование, он, как и многие представители интеллигенции, разделял прогрессивные идеи своего времени. Поэтому для него, как и для значительной части представителей его круга, мировоззрением, с которым он связывал прорыв к научному знанию и к светлому будущему человечества, являлся материализм. Я же, наоборот, шел от навязанного мне материалистического мировоззрения как единственно верной философской системы, через осознание его несостоятельности по отношению ко всему, что относится к сфере метафизики как сфере духа, к вере в разумное начало мира, вере в Бога.

В своей схеме развития религий Амфитеатров исходит из того, что процесс эволюции любой из них происходит по аналогии с эволюцией биологических видов в соответствии с учением Дарвина — от простого к сложному. Он полагает, что то, что более совершенные религии развились из первобытно грубых, есть общеизвестный факт. Но этой точки зрения придерживались совсем не все его современники. Как уже отмечалось, я разделяю точку зрения Д. Мережковского, который считал, что древние религии, в частности религия Древнего Египта, в основе своей имели более сложные по сравнению с современными картины мироустройства. По Амфитеатрову, отдельные религии эволюционируют как замкнутые системы, мало подверженные внешним воздействиям со стороны других религий. Но, как известно, христианство родилось из иудаизма, который в свою очередь сформировался под сильным влиянием других довольно развитых религиозных систем, прежде всего религий и культур Египта, Месопотамии, Ханаана и Греции. А вопрос, откуда идут корни, например, египетской религии, и сейчас является предметом бурных дискуссий ученых мужей. Тезис о том, что картины мира христианства и ислама представляют собой более совершенные модели мироздания, с моей точки зрения, является более чем сомнительным.

Разделяя главные идеи, охватившие умы либерально-демократической интеллигенции его времени, Амфитеатров свято верил во всеохватывающую мощь научного знания. Он считал, что вера в дьявола, демонизм были «неотделимой частью цельного порядка вещей и идей, сложного и

могущественного режима, определяющего собой церковную цивилизацию средних веков» (1, с. 788). И он был, безусловно, прав в том, что средневековые искажили дух раннего христианства и что «никогда на Земле не было столько речи о Сатане и не боялись его столько, как в искупленном христианском человечестве, после победы Христа над вечным врагом» (1, с. 528). Но он, так же как и отцы церкви, веровавшие в скорую и окончательную победу над Сатаной, несколько поспешил со своим прогнозом уничтожения зла с переходом к новой, более прогрессивной форме общественного устройства.

Само понятие эволюции для него созвучно понятию прогресса: «Закон эволюции, управляющий всеми бытиями, движет также и Сатаной» (1, с. 513). Но дьявол и его воинство существует только в суевериях людей. Поэтому, по мере, как он считал, роста нравственности в результате прогрессивного развития общества вера в дьявола-мучителя исчезает (1, с. 789). «Царство страха сменяется царством разума. Правления деспотические сменяются правлениями либеральными. Впереди брезжит заря социалистического строя (...) Великому этическому деспоту, бесу, нечего делать в их условиях, и он исчезает, как король старого режима, бежавший от восставшего народа в бесповоротное и бесславное изгнание» (1, с. 790). Как известно, жизнь очень скоро опровергла эти оптимистические прогнозы. Социальные катаклизмы привели к небывалому всплеску насилия и, я бы сказал, торжеству Сатаны в первой половине просвещенного XX века. К сожалению, а может быть, к счастью для него, Амфитеатров не дожил до ужасов Второй мировой войны, унесшей десятки миллионов жизней, и не смог лично убедиться в крахе своих прогрессистских убеждений. Да и сейчас, в начале третьего тысячелетия, что-то не видно зари светлой эры человечества, свободной от власти Князя тьмы.

Вместе с тем некоторые мысли этого автора вполне созвучны моим представлениям. Совершенно очевидным для меня является положение об относительности добра и зла, хорошо проиллюстрированное примером из бушменской морали: я украд барана — это хорошо, и дух, который помог мне украсть, — добрый дух; у меня украли барана — это

худо, и дух, который помог вору воровать, — злой дух (1, с. 515). Когда я читал эти строки, я уже догадывался, что Бог не является создателем Зла, впрочем, как и создателем Добра. Поэтому тезис Амфитеатрова о том, что «он (Сатана. — А. Я.) не низвергся с неба, но взвился выпрыг из бездны человеческого духа» (1, с. 513), я принял безоговорочно. Я также согласен с положением о том, что церковь извратила представления о дьяволе с целью запугать народ и держать его в страхе. Но я не могу принять тезис о том, что все представления о Сатане можно преодолеть за счет прогресса научного знания, изменения социального положения к лучшему и просвещения народных масс. Я не согласен с тем, что дело, начатое Христом, закончила цивилизация, которая победила и навсегда искупила мир от дьявола. Подход Амфитеатрова, в основе которого лежит материалистическое мировоззрение и эволюционно-прогрессистское представление о развитии человеческого общества, не позволяет вскрыть истинные корни происхождения зла. Он убеждает нас, что дьявол уже побежден, но мы, живущие в третьем тысячелетии от Рождества Христова, знаем, что это утверждение весьма далеко от истины и в силу этого само работает на дьявола. Очень заманчиво свести проблему зла в нашем мире к проблеме суеверий, но, к сожалению, борьба с ними сама по себе не гарантирует поражения темных сил и окончательного искоренения зла. Более того, как это было в послереволюционной России, эта борьба привела к витку страшного насилия, когда искоренялось религиозное мировоззрение, разрушались церкви, расстреливали священнослужителей и, что особенно страшно, разрушалась культура и самосознание народа. Как писала Е. Рерих, невежды смеются над существованием Сатаны, и тем самым они подтверждают правильность сказанного одним тонким мыслителем: «Победа дьявола в том, что он сумел внушить людям, что он не существует» (27, с. 149).

Наиболее полным исследованием происхождения и развития представлений о добре и зле, с которым я познакомился вскоре после книги А. Амфитеатрова, стала работа Дж. Б. Рассела «Князь тьмы. Добро и зло в истории челове-

чества». Как указывается в аннотации, автор отдал не менее двадцати лет своей жизни разъяснению проблемы существования добра и зла. В своей книге он добросовестно собрал и проанализировал огромный материал, представив противоборствующие и взаимоисключающие концепции зла и дьявола как самого могущественного его символа. Рассел убедительно показал, что хотя свои демоны есть во всех религиях, само понятие о настоящем дьяволе, как о некоторой личности, являющейся воплощением радикального зла, появляется довольно поздно (26, с. 14). Скорее всего, он не был знаком с трудом Амфитеатрова. Но если бы они столкнулись в дискуссии по данному вопросу, то это были бы два непримиримых оппонента. В отличие от Амфитеатрова, свято верившего, что эпоха зла подходит к своему концу, Рассел настаивает на существовании радикального зла и утверждает, что и сегодня нам угрожает его полная победа. Если Амфитеатров, безусловно, отрицал личностное начало дьявола, Рассел критикует скептиков, не признающих дьявола как личность и настаивающих на том, что он есть не более, чем проекция человеческих категорий на некоторый образ который мы сами изобрели (26, с. 414). Он считает, что все утверждения того, что причины существования человеческого зла лежат исключительно в природе человека, бессмысленны (26, с. 443). В то же время он соглашается с Ф. Достоевским, глубоко верившим в Бога и в трансцендентную природу зла, в том, что дом дьявола не в аду, но в человеческой душе (26, с. 399). В заключении к своей книге Рассел пишет: «Разумеется, в каждом из нас есть зло, однако совокупность всего человеческого зла не может объяснить Освенцим, не говоря уже о возможном уничтожении всей планеты. Скорее всего, такое зло как количественно, так и качественно находится на совершенно другой ступени: это уже не зло отдельной личности, но трансперсональное зло, **возможно происходящее из коллективного бессознательного** (выделено мной. — А.Я.). А может быть, оно является по-настоящему трансцендентным — некоторой сущностью, которая присутствует не только внутри человеческого сознания, но и помимо него» (26, с. 443).

Дж. Б. Рассел не ставит последнюю точку в истории теодицеи. Он не отрицает, что полем битвы добра и зла является душа человека, но вопрос о том, исходит ли все зло от человека, т. е. имеет внутреннюю по отношению к человеку природу, или оно существует как независимое трансцендентное начало и проникает в наши души извне, Рассел оставляет открытым. Тем самым он, по сути, возвращается к исходной точке теодицеи, давая возможность каждому из нас определить, какой из уже существующих доктрин или концепций отдать свое предпочтение.

Вскоре после «Князя тьмы» Рассела мне попала книга Е. Рерих «Сакральное знание. Агни-Йога о человеке, космосе, жизни». Яркие образы Древней Руси и наполненные духом таинственности пейзажи Гималаев кисти ее мужа, Николая Рериха, мне были знакомы с детства, но о творчестве самой Е. Рерих я узнал совсем недавно. Просмотрев первые страницы, вводящие в проблематику добра и зла, я сразу понял, что могу отнести ее к кругу близких мне по духу мыслителей. Так же как она, я считаю, что Сатана не является личностью и что представление о Сатане как о равномошной Богу силе есть порождение ограниченного мышления, очеловечивающего Высший разум. Ее утверждение, что «в Мире Высшей Реальности или Бытия зла как такового не существует» и что бытие мира проявленного (физического) определяется противоположными парами, такими как свет и тьма, дух и материя, добро и зло и т. д., также созвучны моему пониманию. «Действие противоположностей производит гармонию, подобно центробежной и центростремительной силам, которые, будучи взаимозависящими, необходимы друг другу, чтобы обе могли существовать. Если бы одна остановилась, действие другой немедленно стало бы разрушительным». Свое вступление к разделу «Князь мира сего» она завершает словами: «Когда мы осознаем, что понятия зла и добра в их космическом понимании относительны, то, конечно, существование Сатаны как фокуса самодовлеющего зла в космическом представлении и размахе должно само собой отпасть или опровергнуться». Создается впечатление, что здесь философ эзотерического плана Е. Рерих разделяет точку зрения

апологета научно-технического прогресса А. Амфитеатрова, что представить себе довольно трудно. Мои подозрения рассеялись сразу же после знакомства с содержанием следующего параграфа «Падший ангел», где она, как мне показалось, противоречит сама себе: «Но также несомненно, что облик Сатаны, как падшего Ангела и хозяина нашей Земли (...) существует и, увы, он очень активен» (27, с. 147). Судите сами: с одной стороны, она опровергает существование Сатаны, с другой стороны, на той же странице утверждает, что он, дьявол, существует и активно действует.

Далее она дает свою трактовку легенды о Люцифере, объясняющую этимологию (происхождение) этого имени. Е. Рерих, на мой взгляд, совершенно справедливо отмечает, что миф о том, что Сатана погубил человечество, дав людям познание добра и зла, является невежественным и крайне опасным убеждением. Только владея этим даром, человек может стать подобием Божьим. Поэтому он мог быть дан только Силами Света, что объясняет имя Люцифер, или Светоносец, имя того, кто передал людям этот дар — способность распознавать добро и зло. Такая трактовка полностью соответствует моим представлениям, которые были изложены выше в разделе «Виновата ли Ева?». В таком понимании Люцифер, которого отождествляют с Сатаной, выступает как «совокупность тех высших духов, которые вместе с падшим Ангелом принесли человечеству свет разума и бессмертия» (27, с. 149—150). Надо понимать так, что тогда падший Ангел еще не был падшим, т. е. дьяволом в привычном нам понимании. Таким образом, Е. Рерих утверждает, с одной стороны, что высший дух, который впоследствии стал падшим Ангелом — Сатаной, существовал еще до создания человека; с другой — что падение одного из высших духов началось с первых времен существования Атлантиды, т. е. когда уже прошла существенная часть истории человечества.

Я, конечно, осознаю ограниченность своих мыслительных способностей и возможное несовершенство моей логики, но приходится пользоваться тем, что есть. Поэтому, при всем моем уважении к автору, я вижу ряд логических нестыковок в его рассуждениях. Допускаю, что эти нестыковки есть результат моих, возможно ошибочных, логических по-

строений. Как я уже отмечал, противоречие можно усмотреть в ее, на первый взгляд, взаимоисключающих положениях: с одной стороны, она утверждает, что существование Сатаны должно отпасть само собой, а с другой — настаивает на том, что облик Сатаны существует и очень активен. Казалось бы, совершенно ясный парадокс. Но, приложив некоторые мыслительные усилия, я пришел к выводу, что никакого противоречия здесь нет, если предположить, что под «обликом Сатаны» понимается совокупное представление о нем, т. е. некоторый его образ, порожденный сознанием человека и закрепленный им в мифах и легендах. При этом Сатана, как некоторая сущность, изначально принадлежащая высшей действительности, может и не существовать, но представление о нем, его образ или его облик, присутствует в человеческой культуре, является определенной ее реальностью.

При такой трактовке возникает еще одно противоречие: если облик Сатаны порожден сознанием человека, как тогда быть с Люцифером-Сатаной, который, как уже говорилось, существовал до сотворения человека и, возможно, до сотворения Вселенной. Полагая, что Люцифер пришел на Землю вместе с другими высшими духами, Е. Рерих признает, что он имеет неземное происхождение, т. е. не является порождением человеческого сознания. Речь здесь идет о Люцифере как о действительно существующем высшем духе, созданном Богом еще до сотворения человека. Создается впечатление, что Е. Рерих сама не до конца разобралась в этом вопросе. С одной стороны, она четко разводит Сатану и Люцифера, как существа, имеющие разную природу. С другой — смешивает их, объединяя общей генетической линией (27, с. 150—151). Выход из описанной выше антиномии я вижу только в понимании Люцифера и Сатаны как сущностей, имеющих совершенно разную природу. Люцифер не является падшим Ангелом и демоном зла. Он относится к высшим силам, принадлежащим Божественной иерархии, обеспечивающим бытие и развитие мира. Сатана также не упал с небес. Будучи порожден человеком, он есть демон зла и, как уже говорилось, воспарил ввысь из глубин человеческой души.

Картина происхождения и взаимодействия высших сил, в частности Люцифера и Сатаны, данная Е. Рерих, не явля-

ется однозначной. Она полна неясностей и противоречий и в силу этого дает простор для дальнейших размышлений.

* * *

Отмечая внутренние противоречия во взглядах различных мыслителей на добро и зло и их происхождение, я вполне допускаю, что я сам еще не настолько подготовлен или мои представления еще не настолько развиты, чтобы до конца понять всю глубину их мысли. Осознание этого заставляет меня критически относиться к собственным представлениям и, что еще важнее, к тому, как я мыслю, или к методам моего мышления. Так, например, еще недавно я полагал, что Ф. Достоевский вступал в противоречие с самим собой, когда, с одной стороны, утверждал, что дом дьявола не в аду, но в душе человека, а с другой — верил в существование метафизического зла (26, с. 399). Более последовательным мне казался материализм З. Фрейда, который не верил в существование метафизического зла, полагая, что дьявол является не чем иным, как персонификацией подавленных бессознательных влечений (26, с. 393), т. е. порождается человеческим сознанием.

Сейчас, когда я продвинулся в своем понимании природы добра и зла, я уже не вижу непреодолимого противоречия во взглядах Достоевского и непроходимой пропасти между его мистицизмом и материализмом Фрейда. Как это нередко бывает, цитируя тех или иных авторов, мы подгоняем их высказывания под нужный нам в данное время смысловой контекст. Поэтому вполне возможно, что я несколько упрощаю здесь представления этих мыслителей, выделяя в них только те содержания, которые совпадают с моим собственным пониманием. Как известно, в ряде случаев их взгляды претерпевали радикальные изменения. И это нормально, так как все они были, безусловно, творцами, а действительно творческой может считаться только та личность, которая на протяжении своей жизни развивает свое миропонимание, или творит сама себя. Мои представления о мире и, конечно же, о природе добра и зла также изменяются, и это позволяет мне усматривать творческие задатки и в себе самом. Если раньше я утверждал, что принимаю существование дьявола

как метафизической, внешней по отношению к человеку силы, то позднее я существенно скорректировал свое понимание. Сегодня наиболее приемлемой для меня является точка зрения Эрнеста Джонса, одного из главных учеников Фрейда, который считал, что дьявол является метафизическим существом, на которого спроецирована враждебность всего христианского общества (26, с. 393). Такое понимание природы зла, с моей точки зрения, снимает как внутреннее противоречие во взглядах Достоевского на природу зла, так и противоречие между ними и концепцией Фрейда.

Если раньше я полагал, что Бог порождает все в этом мире, в том числе добро и зло, то сейчас я исхожу из того, что эти понятия вообще не могут рассматриваться в контексте понятия Бога. Столь радикальная трансформация моих представлений позволяет мне говорить не просто о совершенствовании своих представлений, но о серьезном шаге в развитии моей духовности.

Я хорошо понимаю, что все мои умозаключения не являются истиной в последней инстанции. Они представляют собой как бы моментальный снимок отдельных состояний моего продвижения по пути к истине. Что есть истина, доподлинно известно только одному Творцу. Это говорит о том, что истину познать до конца невозможно. Для меня важно не столько достижение абсолютного знания как некоторого конечного результата, сколько движение к нему, движение по пути самосовершенствования и развития своего духа.

ГЛАВА 9

МОЯ КОНЦЕПЦИЯ ДОБРА И ЗЛА

«Мои мысли — не ваши мысли, ни ваши пути — пути Мои, говорит Господь. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших».

(Исайя, 55: 8—9)

Осмысление собственного понимания природы добра и зла позволило мне глубже погрузиться в материал и осознать себя вовлеченным в мощный поток человеческой мысли, направленной на проникновение в тайны бытия, в т. ч. в великую тайну добра и зла. Если в начале пути мне были близки мысли Оригена (185—254 гг.), утверждавшего, что все, включая добро и зло, исходит от Бога, то по мере своего продвижения я все больше склонялся к представлениям Псевдо-Дионисия (около 500 г.) и Эриугены (820—877 гг.), которые отрицали происхождение зла от Бога и считали, что нет иерархии зла, которая отражала бы иерархию небесную (26, с. 179). Я также разделяю взгляды Августина (354—430 гг.), который большую часть своей жизни был уверен в том, что страдания и несчастья даны нам Богом, чтобы научить нас мудрости, и что зло не от Бога, но творится человеческими руками. Я чувствую духовную близость к Фоме Аквинскому (1225—1274 гг.), исходившего из невозможности существования абсолютно благого космоса и полагавшего, что Бог не желает зла, но допускает его как вынужденную плату за существование космоса (26, с. 230). Хотя все они были христианскими теологами, но корни их учений уходят в глубокую древность, во времена создания Ветхого Завета, античной философии и еще дальше — в представления древних египтян о природе бытия.

Преодолевая барьеры времени и пространства, я переносюсь в миры, сотворенные силой разума великих мыслителей прошлых эпох. Что-то в их концепциях находит отклик в моей душе, что-то для меня совершенно неприемлемо. Их картины мира окружают меня как множество зеркал, в

которых я вижу отражение своих мыслей, своего духа. Все они созданы теми, кто видел свое предназначение в поиске ответа на вопрос о смысле существования Универсума и Вселенной, о смысле бытия и предназначения человека. В одних зеркалах это отражение близко к привычному ощущению самого себя. Они как бы приглашают меня войти, и я спокойно проникаю в их зазеркалье. Другие отражают нечто беспокойное и малопривлекательное, в чем я с трудом узнаю свои черты. Эти миры отталкивают меня, для них я чужой. Тем не менее, мне важно увидеть себя в разных зеркалах, как в тех, которые представляют собой созвучные мне картины мира, так и в тех, за которыми скрыты миры не совсем дружественные или даже враждебные. Я не стремлюсь найти наиболее подходящий мне мир и удобно в нем обосноваться, так как знаю, что истина не есть вещь, хранимая за семью печатями, найдя которую мы без особых усилий станем всемогущими. Не может быть настоящего понимания, проникновения в суть вещей, если ты используешь уже готовые, добытые кем-то знания. Путь к истине каждый должен пройти сам, так, как это делали великие мыслители прошлого. Поэтому я не могу удовлетвориться поиском того единственного зеркала, в котором смогу отразиться наилучшим образом. Свое зеркало я должен создать сам. Именно такое понимание заставило меня сотворить свою концепцию добра и зла.

* * *

Все многообразие известных мне подходов к проблеме добра и зла можно свести к следующим основным концепциям:

1. Бог творит как добро, так и зло. Бог является Творцом всего сущего в этом мире и, следовательно, несет полную ответственность за все, что в нем происходит, в том числе за все мировое зло.

2. Бог творит только добро, но он допускает ошибки. Одной из таких ошибок является падший ангел, Сатана, который во всем противостоит всеблагому Богу. Он является Властелином Зла. Между Богом и Сатаной идет постоянная

борьба, результат которой предreshen — Зло будет побеждено и исчезнет навсегда.

3. Бог есть Абсолют и в силу этого не может ошибаться. Все созданное им есть благо. Зло является испытанием, которое люди должны преодолевать на своем пути к Свету — Богу, и в силу этого зло само по себе является благом.

4. Понятия добра и зла в принципе не соотносимы с понятием Бога. Добро и зло являются сущностями, которые могут рассматриваться только в рамках бытия человека. Дьявол-Сатана не есть ошибка творения, а является порождением человеческого духа и сознания.

В обозримом прошлом эти концепции не сменяли последовательно друг друга, но существовали одновременно. Апологеты различных точек зрения на происхождение добра и зла далеко не всегда мирно дискутировали. Как правило, эти дискуссии переходили в непримиримую борьбу, в результате чего были пролиты реки крови. Тем не менее, несмотря на то что в определенную эпоху доминировала только одна из этих концепций, полностью искоренить другие не удавалось никогда. Безусловно, не все жившие в тот или иной период обладали свободой доступа к информации, которой мы располагаем в наши дни. Но, как в прежние времена, так и сегодня, совсем не все стремятся получить эту свободу. Подавляющее большинство, не желая утруждать себя самостоятельным мышлением, довольствуется теми представлениями, которые для данного места и времени являются господствующими и считаются общепринятыми. Тем не менее, всегда были люди, которые знали о существовании различных точек зрения на происхождение добра и зла и которые были обременены даром мышления. Эти немногие, блуждая в лесу многочисленных доктрин и убеждений, петляя в дебрях противоречий, мучительно искали свой нелегкий путь к истине. Некоторые, как, например, Августин, не прекращали поисков и на протяжении своей жизни радикальным образом изменяли свои взгляды. В различные периоды своей жизни Августин давал разные ответы на вопрос, почему Творец допускает существование зла. Основную часть своей жизни он выражал убежденно оптимистичес-

кий взгляд на проблему, полагая, что страдания и несчастья посланы милостью Божьей, чтобы научить нас мудрости, смирению и доброте, обретение которых необходимо нам для того, чтобы помочь Богу построить христианское царство. С возрастом он изменил свои взгляды. Он пришел к выводу, что космос неизлечим, что в мире, насквозь пронизанном злом, не может быть создано общество людей, несущее внутри себя добро. Муки людей теперь понимались им не столько как наставление, сколько как наказание, прелюдия к адскому страданию. Взгляд Августина, неотрывно смотрящий на страдания и смерть, стал столь темным и мрачным, что Питер Браун, его биограф, говорит о «страшной силе, с которой он вонзил проблему существования зла в самое сердце христианства» (26, с. 159—160).

Примером таких исканий может послужить творчество Омара Хайяма, великого ученого, философа и поэта, жившего почти тысячу лет назад. Свои размышления о происхождении зла он выразил в одном из своих четверостиший:

Наполнил зернами бессмертный ловчий сети,
И дичь попала в них, польстясь на зерна эти.
Он эту дичь назвал людьми и на нее
Взвалил вину за зло, что сам творит на свете.

Здесь он не столько отвечает на вопрос, кто отвечает за все зло, творимое в мире, сколько ставит ряд других вопросов и провоцирует тем самым мышление читателя. Кого назвал поэт «бессмертным ловчим», творящим зло? Может быть, речь здесь идет о дьяволе? Как известно, зло является его епархией. Но дьявол не скрывает этого, и ему незачем взваливать свою вину на человека. Если это не он, тогда этим ловчим может быть только Бог, который создал человека и дал ему имя. В этом случае Хайям не только возлагает на Бога вину за творение зла, но и упрекает его в коварном перекладывании этой вины на людей. Возникает вопрос: зачем это нужно Богу? Ведь упрекать кого-то в том, что сделал сам, можно только в случае страха перед возможным наказанием. Но кого может бояться Бог? Сама по себе такая постановка вопроса отрицает представление о Боге как о всемогущем

Создателя Вселенной. Скорее всего, такие мысли говорят о безбожии автора или, по крайней мере, о неприятии им тезиса о непогрешимости Творца. Следующее рубаи говорит о том, что Хайям и не пытался это скрывать:

Владыкой рая ли я вылеплен, иль ада,
Не знаю я, но знать мне это и не надо:
Мой ангел, и вино, и лютия здесь, со мной.
А для тебя они загробная награда.

В первом стихе, где он говорит о некотором ловчем, взвалившем на людей вину за зло, которое сам творит на свете, проявляется вера Омара Хайяма во внешнюю природу зла. Но в этом же поэтическом цикле он утверждает обратное, а именно, что все, в том числе и зло, исходит от человека:

«Ад и рай — в небесах», — утверждают ханжи.
Я, в себя заглянув, убедился во лжи:
Ад и рай — не круги во дворце мироздания.
Ад и рай — это две половинки души.

Так каким же образом зло проникает в наш мир, извне или изнутри? Хотя Хайям в своих стихах приводит разные точки зрения на этот вопрос, анализ его творчества позволяет сделать вывод о том, что он склоняется все-таки к тому, что добро и зло порождаются в нашей душе, следовательно, имеют внутреннюю по отношению к человеку природу. Если допустить, что эти весьма противоречивые мысли появились примерно в одно время, то можно предположить, что их автор был большим путаником. В это трудно поверить, зная, что Омар Хайям был не только поэтом, ценителем женской красоты и любителем хорошего вина, но и большим философом. Я полагаю, что приведенные выше рубаи свидетельствуют скорее о напряженном поиске истины, желании разобраться в тайнах мироздания, найти ответ на вопрос о происхождении зла.

В эволюции своих представлений о мироздании я также могу обозначить различные ступени: от ортодоксального атеизма к вере в разумное начало Вселенной, от понимания Бога как творца добра и зла к представлениям о том, что эти

сущности порождаются в душе человека и имеют отношение только к миру людей.

* * *

Как уже было сказано, я не претендую на оригинальность моих представлений о природе добра и зла. Более того, я уверен, что практически все, к чему я пришел в результате многолетних рассуждений, уже было когда-то кем-то высказано и написано. Я также не настаиваю на истинности моих взглядов и ни в коем случае не хочу их никому навязывать. Я знаю, что буду и дальше идти по пути развития своего видения и понимания природы мироздания и вполне допускаю, что в будущем мои нынешние представления могут претерпеть определенные изменения. Дальше я привожу несколько тезисов, которые, на мой взгляд, схватывают главное содержание моей концепции.

Тезис 1. БОГ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ТВОРЦОМ ДОБРА И ЗЛА

Я вполне отдаю себе отчет в уязвимости этого утверждения. Будучи Творцом Вселенной, Бог конечно же является Создателем всего в ней сущего и несет ответственность за все в ней происходящее. Тем не менее, мы совершаем серьезную ошибку, когда думаем, что можем понимать мысли и цели Творца, предполагая при этом, что он мыслит подобно нам, оперируя доступными нам категориями и понятиями. Даже в нашей жизни мы нередко сталкиваемся с тем, что то, что сегодня воспринимается безусловно как зло, направленное против нас, завтра может оказаться величайшим благом. Простейший пример — человек из-за нерасторопности таксиста опаздывает на самолет, но вскоре выясняется, что этот самолет разбился и задержка спасла ему жизнь. Я вспоминаю, сколько горечи и обиды я испытал в начале своей иммигрантской жизни, когда дважды терял место работы. Но прошло совсем немного времени, и я уже благодарил Бога за то, что это случилось, т. к. именно эти увольнения оказались важным стимулом моего продвижения на более

высокооплачиваемую и престижную работу. Такие примеры можно приводить бесконечно. Пути Господни неисповедимы. Это значит, что мы далеко не всегда можем осознать логику событий и правильно оценить их.

В то же время нельзя отрицать, что зло присутствует в нашем мире. Прежде чем обвинять кого-то в его существовании, как минимум надо разобраться в том, что мы понимаем под злом. Согласно Зору Алефу, зло есть всякий акт неоправданного разрушения. Если согласиться с этим, злом является разрушение дерева вследствие попадания в него молнии. С точки зрения дерева (если бы оно могло мыслить), это разрушение неоправданно, но есть ли это зло? Совершила ли молния злодеяние, если у нее не было намерения причинить вред ни именно этому дереву, ни какому-либо другому? Этот вопрос можно отнести к любому стихийному бедствию. Множество людей погибло при извержении вулканов. Но можно ли обвинять в этом вулканы? Что было бы с Землей, со всеми людьми, если бы не было этих извержений и вулканов вообще? Наша планета просто взорвалась бы, как перегретый котел, в котором пар, не находя выхода и сметая все на своем пути, с огромной силой рвется наружу. Другой пример: автомобиль занесло на мокрой дороге, погиб пешеход. Можно ли считать, что водитель совершил зло, если он не нарушил правил движения, не был в состоянии алкогольного опьянения и вообще известен как очень добрый и со всех точек зрения положительный член общества? Я бы сказал, что нельзя, поскольку в этой ситуации имел место несчастный случай. Другое дело, если мы можем указать на виновника, который сознательно запланировал и совершил убийство пешехода. С моей точки зрения, злом является не результат и даже не действие, приведшее к нему, но злой умысел, который предшествовал этому действию. Более того, злые мысли сами по себе являются злом. Действие, повлекшее за собой негативные последствия для других людей, но в основе которого нет злого умысла, не может квалифицироваться как зло. Молния, наводнение, извержение вулкана, скользкая дорога могут убить, но говорить во всех этих случаях о зле было бы неправильно. Конечно, за всем этим можно усмотреть наличие высших или потусторонних

сил, которые использовали различные стихийные бедствия как орудие или средство достижения своих целей. Но, как уже говорилось, нам не дано проникнуть в соображения Высшего разума. Я не могу допустить, что высшие силы, даже самого низкого ранга, могут опуститься до мелочных разборок с конкретными людьми. Именно поэтому моя концепция противостоит всем концепциям внешнего метафизического зла, допускающим коммуналные отношения между богами и простыми смертными. Я исхожу из того, что **зло есть мысль, обусловившая преднамеренное (определенным образом оправданное) разрушение, причинение вреда другим существам.** Если мы хотим бороться со злом, то должны бороться со злыми мыслями, искоренять условия, их порождающие. И конечно же, в первую очередь мы должны бороться со своими собственными злыми мыслями.

Бог всемогущ, и нет сил, ему равных. Бог никого не боится, Бог никому не завидует, Бог ни с кем не соперничает. Бог самодостаточен. Если Бог разрушает что-то во Вселенной, то это предопределяется логикой процесса ее развития и есть необходимый момент творения. Мы не всегда способны это понять, но это всегда так. Сама концепция Бога как Абсолюта не допускает мысли о том, что Бог может творить зло. По тем же основаниям Бог не творит добро в земном понимании этого слова. Если зло есть преднамеренное разрушение, то добро есть преднамеренное созидание, осознанное желание помочь кому-то, сотворить нечто полезное, хорошее, приятное. Бог не совершает ничего просто из желания кому-то сделать что-то хорошее или плохое. Мир — это есть Бог. Постоянно творя мир, Бог реализует исключительно цели собственного развития, цели творения самого себя. Цели Бога для нас непостижимы, но это цели творения, цели, благие по отношению к Вселенной в целом. Главный закон Вселенной — это закон высшей целесообразности, ставящий в соответствие все, что в ней и с ней происходит, с целями творения. Все, что Бог предпринимает ради своего творения, есть благо, но по отношению к этому благу наше понятие добра неприложимо. Поэтому хотя Бог и отвечает за все, что происходит в мире, тем не менее, он не творит зло и он не творит добро.

Тезис 2.

ТЬМА НЕ ЕСТЬ ЗЛО, СВЕТ НЕ ЕСТЬ ДОБРО

Как сказано в Ветхом Завете, в начале всего было создание света, но до света была тьма: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы» (6, Бытие, 1—4). Здесь речь идет о том, что основой всего является свет, но также говорится и о том, что свет был отделен от тьмы, тем самым утверждается, что тьма существовала до света. Но время, как одно из условий существования материального мира, также было создано Богом, который сам пребывает в вечности. Поэтому в сознании Бога до создания Вселенной не было ни до, ни после и тьма не могла предшествовать свету. Все было создано словом Божиим или мыслью Творца. Тьма и свет есть категориальная пара, присущая Божьей мысли, инструмент творения, свободный от любых моральных смыслов. Читая Священное Писание дальше, мы узнаем, что назвал Бог свет днем, а тьму назвал ночью. Человеку необходим день для трудов праведных, но также необходима ночь для отдыха. Есть дела, которые мы творим днем, когда светло, и есть дела, которые мы предпочитаем делать ночью, в темное время. Но при чем тут добро и зло? Не все, что человек делает днем, есть добро, и совсем не все, что происходит в ночное время, есть зло. Я уже не говорю о таких замечательных вещах, как утро и вечер, которые можно трактовать как время взаимопроникновения света и тьмы: утро есть рождение света из тьмы, а вечер есть не только умирание света уходящего дня, но и надежда на рождение света дня завтрашнего. Свет и тьма друг без друга существовать не могут. Зачем нужен свет, если он не освещает тьму? И зачем нужна тьма, если она не беременна идеей света? Беспросветная тьма есть небытие. Свет есть первоначальное и вечное (в том смысле, что Бог и есть свет) энергетическое начало бытия Вселенной. Тьма есть противоположное начало, среда, вне которой обсуждение самого понятия «свет» теряет всякий смысл. Бог как Абсолют есть все, и ничего нет вне Бога. Бог есть свет, и Бог есть тьма. Но из этого не следует, что Бог есть добро и Бог есть зло. Тьма и свет являются основой бытия всего сущего и в силу этого не могут отождествляться с такими понятиями, как «добро» и «зло».

Тезис 3.

ХАОС НЕ ЕСТЬ ЗЛО, ПОРЯДОК НЕ ЕСТЬ ДОБРО

Понятие хаоса привлекло мое внимание после разговора с сыном. На мой вопрос, что есть зло, Даниил не колеблясь ответил: «Зло — это хаос, взятый в его противопоставлении порядку-гармонии, понимаемому как добро». Я позволил себе не согласиться с этим утверждением. Желание донести до сына мое понимание этого вопроса заставило меня включить эту часть текста в мою концепцию, за что я ему весьма благодарен.

Существует два основных понимания хаоса. Первое объединяет все представления о нем как о том, что дало начало организованному космосу. Второе исходит из представления о хаосе как о непостижимом зле, угрожающем самому бытию Вселенной. Каждое из этих пониманий определяется позицией, с которой носитель определенного взгляда размышляет о нем. Можно охарактеризовать эти позиции как «внешнюю» и «внутреннюю». Во внешней позиции, я бы назвал ее надчеловеческой, мыслитель, размышляющий о таком объекте, как космос, Вселенная, полагает себя вовне по отношению к данному объекту. Находясь в этой позиции, мыслитель отвлекается от всего человеческого — земного, временного, от всего, что замкнуто границами физической Вселенной как мира организованной материи. Взгляд из этой позиции породил во многом схожие мифы творения космоса, которые мы находим в самых разных культурах. Согласно древнеегипетской концепции, хаос — это предвечный океан Нун, существующий до сотворения и после сотворения мира, окружавший мир как вечный источник силы и обновления (40, с. 509). Античная мысль выдвигала на первый план творческие и животворные моменты этого понятия. Платон понимал хаос как место разделения стихий, как принцип непрерывного и бесконечного становления тела. Очень близкое понимание мы находим в китайской мифологии и ведической картине мира (23, т. 2, с. 579—582). Совершенно другой взгляд мы обнаруживаем у мыслителей, которые смотрят на мир из другой, внутренней по отношению к нему позиции. Я бы охарактеризовал его как земной,

или человеческий, взгляд. В этом случае, размышляя о таких вещах, как космос, хаос и т. п., человек не может оторваться от земли, не может освободиться от пространственно-временных рамок, сковывающих свободный полет мысли, не может вырваться из плена страхов, обусловленных его земным существованием. Из этой внутренней позиции хаос представляется как некоторая жуткая, недоступная пониманию стихия, угрожающая упорядоченному космосу. Все мифы, порожденные в этой позиции, в основе своей имеют видение хаоса уже после формирования космоса. Вселенная понимается при этом как некоторый организованный центр, за пределами которого находится хаос. Чем дальше от центра, тем меньше степень организации, тем большее влияние хаоса. Периферия Вселенной трактуется как остаток хаоса. «С остатками хаоса на земле связан ужас, страх, порождаемый тьмой, ночью, бесформенностью, отсутствием надежных границ между человеком и царством хаоса (...) Царство смерти, с которым связан страх, нередко описывается как своего рода хаос» (23, т. 2, с. 582).

Таким образом, в зависимости от позиции, которую занимает мыслитель или философ, хаос рассматривается в двух смысловых контекстах:

1. Из внешней по отношению к упорядоченному космосу позиции хаос предстает как начальная точка, как первоначальная среда, когда чистая потенция, чистая возможность порождает нечто упорядоченное, оформленное, как колыбель космоса.

2. Из внутренней позиции хаос видится как разрушительное начало, стремящееся уничтожить, превратить в ничто и поглотить уже нечто созданное, организованное, структурированное. Такое видение со всей необходимостью приводит к осознанию хаоса как выражения мирового зла.

Но даже взятый в смысле разрушения хаос совсем не обязательно должен рассматриваться как зло. Разрушение может быть конструктивным, если оно предполагает освобождение, расчистку необходимого пространства для последующего созидания. Разве Творец, сутью которого является созидание, не устроил Всемирный потоп, чтобы стереть с

лица земли, как говорится в Библии, погрязшее в грехах человечество и освободить место для нового, более правильного человечества? Что было бы с нашей планетой, если бы на ней ничего не разрушалось, не утилизировалось, старое не уступало бы место новому, прошлое — будущему. В то же время порядок, организованность, структурированность не всегда есть добро. Можно привести массу примеров, когда порядок является сдерживающим началом по отношению к творческой, созидательной активности. Я уже не говорю о том новом порядке, который пытались навязать нацисты человечеству в годы Второй мировой войны. Чистая организация, структура сама по себе есть вещь совершенно нейтральная по отношению к таким понятиям, как «добро» и «зло». Все зависит от того, каким материалом заполнена эта структура и какими целями и ценностями определяются ее функционирование и развитие. Понимание хаоса как зла и порядка как добра носит чисто ситуативный характер. В одних случаях разрушение, дисгармония являются злом, в других — благом, добром. Все зависит от исходной интенции — намерений того персонажа, который стоит за тем или иным действием, результатом которого может быть хаос или гармония.

С космогонической точки зрения хаос, как чистая потенция, как бесформенность, чистая незавершенность, готовность ко всему (35, с. 365), есть необходимое условие возникновения упорядоченного космоса. Исходя из концепции Бога-Абсолюта невозможно допустить, что хаос имеет независимое от Бога существование или что хаос предшествовал Богу. За всем стоит Бог, в том числе и за предвечным хаосом. Ничего не было раньше Бога. Ничего не будет после него. Представить хаос как некоторое злое начало — это то же самое, что обвинить Бога в исходной злонамеренности. Хаос и порядок, так же как свет и тьма, взятые вне конкретного ситуативного контекста, есть понятия, свободные от каких-либо оценочных характеристик и моральных смыслов. Эти понятия являются чистыми идеями, необходимыми Богу для создания материальной Вселенной и обеспечения ее жизнедеятельности. Взятые сами по себе понятия «хаос» и «порядок» не могут однозначно отождествляться с добром и злом.

Тезис 4.

ЗЛО И ДОБРО СУЩЕСТВУЮТ ТОЛЬКО В МИРЕ ЛЮДЕЙ.
ЧЕЛОВЕК ПОРОЖДАЕТ И ОТВЕЧАЕТ ЗА ВСЕ МИРОВОЕ
ЗЛО

История теодицеи, непримиримой борьбы различных точек зрения на природу зла, исчисляется тысячелетиями и продолжается по сей день. Утверждая, что такие понятия, как добро и зло, специфичны только для человека, я не испытываю иллюзий в том, что моя концепция может стать завершающим аккордом в симфонии этого великого противостояния. Многие выдающиеся мыслители разделяют противоположную точку зрения, будучи убежденными сторонниками внешней по отношению к материальной Вселенной природы зла. К ним относится и весьма почитаемый мною Дмитрий Мережковский. Он ощущал себя сторонником метафизического добра, ведущим непримиримую борьбу с метафизическим злом, выражением которого для него был большевизм (21, с. 6). Принимая в целом его подход к анализу истории культуры и религии, я принципиально расхожусь с ним в понимании природы добра и зла.

Судьбу Мережковского можно сравнить с жизненными перипетиями Блаженного Августина. Оба они жили на переломе эпох: первый — во времена крушения Российской империи и утверждения царства большевизма, второй был современником и очевидцем гибели античного мира. Испытав шок от пережитых ужасов и будучи непосредственными участниками кровавых событий, жестокость которых невозможно было оправдать никакой логикой исторического процесса, они не могли допустить мысли о том, что ни с чем не соизмеримое количество зла может быть исторгнуто из глубин человеческой души. Всеподавляющие масштабы зла они соотносили только с высшими внеземными силами. Так же как Августин, который под давлением обстоятельств радикальным образом изменил свой взгляд на природу зла, Мережковский пришел к выводу, что столь великое зло, как большевизм, могло иметь только метафизическую, неземную природу — корень зла не на Земле, а на небе (21, с. 91). Существование радикального или метафизического

зла не вызывает сомнения и у Джеффри Бартона Рассела. Он полагает, что радикальное зло глобально выражает себя в геноциде, терроризме и подготовке к ядерной войне; в индивидуальном же аспекте оно проявляется в актах бесчувственности и жестокости. В завершающей части «Князя тьмы» он пишет: «Радикальное зло существовало всегда, но теперь нам угрожает полная его победа» (26, с. 439—440). Я понимаю, почему он так считает, но мысль эту принять не могу, так же как и противоположное утверждение о возможности полной победы добра над злом. Единственная возможность искоренить зло на Земле — вернуть человека в рай или лишить человека свободы воли. Но в этом случае человек перестанет быть человеком.

Трудно сказать, что произошло бы со мной и как трансформировались бы мои взгляды, если бы я сам пережил подобные тяготы. К счастью, Бог миловал — мне не пришлось лично пережить ту степень страданий, которая выпала на долю Дмитрия Мережковского, Блаженного Августина и огромного множества невинных, ставших жертвами безудержного стремления человека властвовать над себе подобными, жертвами человеческого эгоизма, жадности и жестокосердия. Не знаю, что мне еще предстоит пережить в этой жизни, но сегодня я остаюсь твердым в своем представлении о земной природе добра и зла. Человек создан по образу и подобию Божьему. В силу этого он есть венец творения материальной Вселенной. Его душа способна одарить этот мир безграничным добром, но и несет в себе угрозу безмерного зла. Есть только один путь уменьшить количество мирового зла — перестать искать виновного среди существ внеземного происхождения и полностью признать свою ответственность за все творящееся в мире зло. Как говорил Фома Аквинский: «Мы должны молиться, как если бы все зависело от Бога; мы должны действовать, как если бы все зависело от нас» (35, с. 332).

Как известно, библейская история зла на Земле начинается с описания первородного греха. Необходимым условием совершения греха, писал С. Франк, является его осознанность как чего-то, от чего мы обязаны воздержаться и при

совершении чего мы сознаем нашу вину. Возникает вопрос: был ли первородный грех грехом, если до того как Адам и Ева отведали запретный плод, они понятия не имели о том, что есть добро и зло? По известной версии, дьявол в виде змея-искусителя подтолкнул Еву отведать плод с дерева познания. Она, в свою очередь, уговорила Адама составить ей компанию. Бог, узнав о том, что люди нарушили его запрет, страшно разгневался. Испугался Адам, спрятался за спину жены своей и сказал, что это она дала ему вкусить от дерева. Когда Бог перенес свой гнев на Еву, она тут же свалила всю вину за содеянное на змея. Кто же совершил грех: дьявол-змея или наши прародители? Если бы Адам и Ева не поддались уговорам змея, не отведали бы от запретного дерева, они до сих пор пребывали бы в раю в своем блаженном неведении. Но тогда бы не было и человечества. Очевидно, что познание добра и зла являлось необходимым условием сотворения человека как существа, принципиально отличного от всех остальных живых тварей, наделенного в значительно большей степени свободой воли и в силу этого способного грешить. Поэтому змей, спровоцировав ситуацию первородного греха, на самом деле играл важную роль, отведенную ему в сотворении человека. В данной ситуации грех не в том, что люди осмелились нарушить запрет Божий. До этого события они не ведали о том, что такие вещи, как добро и зло, вообще существуют, а значит, и не могли грешить. Зло-грех начинается только после того, как они вкусили плод и уже сознательно могли выбирать между добром и злом. С этой точки зрения первый грех совершил Адам, который, зная уже, что есть зло и что есть грех, тем не менее побоялся, как настоящий мужчина, взять вину на себя и указал на Еву. Затем согрешила Ева, когда попыталась свалить всю вину на змея. Таким образом, предыстория земного человечества, история борьбы добра и зла начинается с перекладывания своей вины на кого-то другого, по сути, с предательства.

У Бога не может быть злонамеренности по отношению к человечеству. В свою очередь, люди по-разному могут относиться к Богу, но они не могут причинить зло Богу. Все зло, как и добро, заложено в природе человека и совершается в мире людей, т. е. имеет внутреннюю по отношению к челове-

ку природу. Совершая зло, человек берет грех на свою душу, тем самым осложняя свое продвижение на пути к Богу. Но людям по разным причинам удобнее считать, что в их бедах виновен кто-то другой. Поэтому они предпочитают версию внешнего метафизического врага — дьявола.

Тезис 5.

ЗЛО И ДОБРО ЯВЛЯЮТСЯ ЧАСТЬЮ МЕХАНИЗМА РАЗВИТИЯ ВСЕЛЕННОЙ И УНИВЕРСУМА

В отличие от предыдущих тезисов, в которых я изложил свой взгляд на природу и происхождение добра и зла, здесь я затрагиваю вопрос об их месте и роли в системе мироздания. Если раньше я отвечал на вопрос, кто порождает добро и зло, то здесь я даю свой ответ на вопрос, зачем вообще нужны эти сущности.

Как уже отмечалось, понятия добра и зла актуальны только для человека, бытие которого протекает в мире физического космоса. Этот мир есть создание Творца и в то же время есть часть его самого. Я понимаю известное высказывание Эйнштейна «Бог не играет в кости» в том смысле, что Бог не ошибается, не рискует, и поэтому в его творении не может быть ничего случайного. Мысль о том, что Бог мог избрать и другие варианты устройства Вселенной или создать мир, в котором не было бы места злу (а значит, и добру), представляется мне ошибочной. Мир, в котором мы живем, был задуман и сотворен таким, каким он был нужен Богу, в полном соответствии с необходимостью и внутренней логикой его собственного развития. В силу этого Бог создает человека по своему образу и подобию, наделяет человека свободой воли и способностью к творчеству, тем самым отграничив его от всех остальных живых существ. Если принять эту точку зрения, то становится очевидным, что ситуация «первородного греха» была необходимым звеном творения. Без познания добра и зла сотворение человека не могло бы случиться в принципе. Тем не менее, вопросы, чем была вызвана необходимость сотворения человека и почему Бог изгнал его из рая, мира вечного покоя и умиротворения, и обрек его на бытие в мире вечной битвы добра и зла, требуют дополнительного разъяснения.

В основе моих логических построений лежит мысль о том, что все, что творит Бог, он делает исключительно для своего собственного блага. Но что есть благо для Бога? Благо здесь надо понимать не в смысле добра, а в смысле соответствия творения замыслу Творца. Под творением принято понимать материальный мир, или физическую Вселенную. Также принято считать, что дух Божий пронизывает весь космос, присутствует в каждой его мельчайшей частице. Вселенная находится в Боге, а Бог находится во Вселенной. Творение мира есть творение Богом самого себя. Развивая свое творение — Вселенную, Бог развивает себя, ее Творца. Поэтому благом для Бога является то, что соответствует целям его собственного развития. Но о каком развитии может идти речь, если мы говорим о Боге как об Абсолюте, который по понятию есть предельная истина, верхняя степень совершенства? Здесь надо вспомнить о том, что Бог есть Творец. Можете ли вы представить себе творца, который пребывает в полном умиротворении достигнутым, который уже все сотворил и которому ничего больше не надо? Откуда возьмется импульс творчества, необходимым условием которого является неудовлетворенность достигнутым, постоянное стремление к совершенству? Откуда возьмется сама идея творения? Православный философ С. Франк считал, что Бог не есть, как думал Аристотель и вслед за ним Фома Аквинский, абсолютно завершенное и в этом смысле неподвижное бытие. Бог есть сущая свобода — свобода как вечное самосовершенствование и самотворчество, как абсолютный творческий динамизм (35, с. 364). В этой же связи католический философ Пьер Тейяр де Шарден писал: представление о том, что Творение уже давно завершено, является заблуждением. Оно продолжается с новой силой, именно его завершению служим мы даже самой грубой работой наших рук (29, с. 30). Оба этих мыслителя, несмотря на то что принадлежали к различным ветвям христианства, были согласны в том, что Бог создал Вселенную как необходимый механизм собственного развития.

Понятие «развитие» предполагает переход некоторого объекта в качественно другое его состояние, что, в свою очередь, предполагает наличие пространственно-временных

отношений. Говоря о развитии Бога, мы сталкиваемся с непреодолимым, на первый взгляд, противоречием. С одной стороны, Бог есть предельное совершенство, он бессмертен и пребывает в вечности. Такое понимание само по себе, казалось бы, исключает всякую мысль о его развитии. В самом деле, какое состояние можно считать более совершенным и более развитым, чем состояние предельного совершенства? С другой стороны, Бог есть Творец, а такие понятия, как «творчество» и «творец», не могут быть осмысленны вне контекста развития. Преодолеть это противоречие можно, только допустив, что Бог совмещает в себе несовместимое: вечность и время, совершенство и развитие. Такое допущение позволяет сделать вывод о том, что создание материального мира, живущего по законам времени и пространства, необходимо Богу для обеспечения Его собственных потребностей, прежде всего возможности творить, без чего бытие Бога вообще теряет всякий смысл. Как писал Тейяр де Шарден, Бог не может существовать вне мира вокруг себя (29, с. 519).

Такая трактовка позволяет, на мой взгляд, проникнуть в суть понятия Божественной троицы, свободную от специфики отдельных религиозных доктрин. Общеизвестно, что Троица является выражением понимания Бога, представленного тремя его разными ипостасями. Расхождения существуют в трактовке этих ипостасей. Если принять за основу положение о том, что, творя организованный космос, Бог творит сам себя, то за покровом тайны просвечивается истинное содержание. **Первая ипостась** изображает сущность Бога-Творца как Абсолюта, пребывающего в вечности. **Вторая ипостась** есть Бог, пребывающий в своем творении, или дух Божий, разлитый по Вселенной. **Третья ипостась** — это творческий дух. Она является выражением Бога, пребывающего в процессе вечного творения, и связывает Творца с его Творением.

Сверхзадачей Творения является создание условий и возможности движения, совершенствования и развития духа Божьего. Именно с этой целью создается человек, который необходим Богу как материальный носитель Божьего духа. «И создал Господь Бог человека из праха земного, и

вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (6, Бытие, 2—7). Человек нужен не только как сосуд, способный нести искру духа Божьего в условиях материального мира, но и как существо, обеспечивающее движение и развитие этого духа. Поэтому, как это описывается в Ветхом Завете, процесс создания человека намного сложнее и принципиально отличается от сотворения всех остальных живых существ. Бог последовательно проводит человека через ряд ситуаций, задачей каждой из которых является формирование определенного качества, без которого развитие человека и, соответственно, духа Божьего невозможно в принципе. При внимательном чтении Священного Писания нетрудно увидеть, что Господь специально сценирует и организует эти ситуации. Здесь важно обратить внимание на то, что в Ветхом Завете особо выделены всего **три мифа**

или три ступени сотворения и формирования человека. Это собственно сотворение человека и два мифа, относящихся к его формированию: миф о первородном грехе и миф о Каине и Авеле. Далее идет уже описание рода человеческого, и все последующие библейские мифы относятся к его истории.

Первый миф описывает ситуацию создания человека как одну из многих тварей Божьих. Но уже здесь человек наделяется особыми правами, ставящими его над всеми земными существами и над всею Землею. Но этот процесс не заканчивается созданием «человекоформы» и ее оживлением. Как уже говорилось, важнейшим качеством человека является способность к творчеству, т. е. к саморазвитию. Развитие невозможно вне процесса творчества, который обязательно предполагает наличие у творца свободы воли, свободы выбора. Чтобы реализовать эту свободу, необходимо иметь альтернативы, которые не позволяют человеку уклониться от выбора. Но нельзя сделать сознательный выбор без представления о предмете выбора. Именно поэтому в процессе создания человека Бог провоцирует следующую ситуацию познания добра и зла как предельных полюсов, удерживающих все поле духовности человека. Понятно, что в раю, где разыгрывалась эта сцена, добра и зла нет и быть не может. Целью передачи человеку знания о добре и зле могла быть только спланированная подготовка его к бытию в условиях материального, земного мира со всеми его катаклизмами, болезнями и смертью, где существует множество вещей, осложняющих человеку жизнь и заставляющих его постоянно вести борьбу за существование. И сказал Господь Адаму: «В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты, и в прах возвратишься» (6, Бытие, 3—19).

В ситуации первородного греха, описанной во **втором мифе**, человек еще ничего не выбирает. Он только получает информацию о таких вещах, как добро и зло. Поэтому в процессе творения человека была предусмотрена еще одна важнейшая ступень — **ситуация выбора** между добром и злом. Эта ситуация описана в библейском мифе об убийстве Каином своего родного брата Авеля. Тот, кто записывал этот **третий миф**, завершающий сотворение человека, спе-

циально наводит нас на мысль о том, что ситуация эта была искусственно подстроена. Когда Каин затаил обиду за то, что Господь принял дары Авеля, но пренебрег его дарами, Бог сказал: «Отчего поникло лицо твое? если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит, он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» (6, Бытие, 4—6, 7). Эти слова говорят о том, что Господь знал, что должна произойти трагедия, и предупредил Каина об этом. Слова о господстве над грехом следует понимать так, что, когда Каин окажется перед выбором, совершить грех или не делать этого, он будет свободен в своем выборе между добром и злом. Что делает Каин, услышав эти слова? Гонит ли он от себя злые мысли? Нет, он выбирает путь греха — идет и убивает своего единокровного брата. Бог, конечно, выражает свой праведный гнев: «...и ныне прокляты ты от земли (...) она не станет давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле» (6, Бытие, 4—11, 12). Но когда Каин осознал свою вину и предположил, что теперь всякий, кто его встретит, будет иметь право убить

его, Бог не подтвердил этого. Более того, он сказал, что всякому, кто убьет Каина, отомстится всемеро. Следует ли это понимать как проявление милосердия к братоубийце? Не думаю. Это лишь должно навести читателя на мысль, что задача этого мифа отнюдь не в его моральном содержании, не в том, чтобы указать на то, что убийство — это грех. Здесь понятие греха увязывается с обязательным свободным выбором между добром и злом. Если миф о первородном грехе описывает ситуацию передачи человеку знания о добре и зле, то главный смысл мифа о Каине и Авеле заключается в том, чтобы обозначить **следующую важнейшую ступень в сотворении человека — ситуацию осознанного выбора между добром и злом. Здесь впервые человек проявляется как существо, наделенное Богом свободой воли.**

В трех приведенных библейских мифах раскрывается содержание слов Создателя «сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему». Целью создания человека было не просто создание материальной формы как внешнего подобия Божьего совершенства, но сотворение существа,

обладающего таким уровнем свободы воли и такой степенью духовной мощи, чтобы обеспечить ядерную потенцию Бога к вечному развитию. Сотворение человека, с моей точки зрения, следует рассматривать в контексте сотворения механизма движения и совершенствования духа Божьего, механизма развития самого Бога. В этом процессе я выделяю три ключевых момента, описанных в трех библейских мифах, предшествующих описанию истории рода человеческого. Это миф о сотворении человека, миф о грехопадении и миф о Каине и Авеле. Первый миф повествует о сотворении человека как формы-носителя духа Божьего в условиях материального мира. Во втором мифе описывается ситуация познания добра и зла как подготовка человека к реалиям земной жизни, но не просто к борьбе за существование, которую ведут все земные твари, но к борьбе, обремененной моралью и муками совести. В третьем мифе человек наделяется свободой воли и ставится в конкретные условия выбора между добром и злом. Только связав эти три мифа как описание трех ступеней сотворения человека, я смог для себя дать ответы на вопросы о предназначении человека в системе Универсума и о смысле существования добра и зла.

Любые материальные сущности, мельчайшие частицы и сложнейшие образования, все, что мы можем себе помыслить, не имеет самостоятельного, независимого бытия. Все включено в какие-то объемлющие системы, все с чем-то взаимодействует и имеет свое предназначение в системе мироздания. Самая мелкая тварь, самый мелкий атом для чего-то нужны, кем-то или чем-то потребляются, участвуют в процессах обмена и преобразования энергии. То же можно сказать и о духовных сущностях, таких как любовь и ненависть, милосердие и жестокость, добро и зло. Все существующее является осмысленной и необходимой частью механизма развития Бога-Творца. Все рождается и все умирает в Боге, для того чтобы родиться вновь. Если убрать добро и зло из мира, исчезнет свобода выбора. Без свободы выбора не может быть совершенствования и развития. Вне концепции развития само существование человека теряет всякий смысл и в конце концов разрушается исходный замысел Творения — разрушается механизм развития Бога.

Это говорит о том, что вся система мироздания рухнет, если из нее изъять человека. Но человек есть образ и подобие Божье только до тех пор, пока у него есть свобода воли, которая, в свою очередь, предполагает осознанный выбор между добром и злом.

Только теперь, завершая работу над этой книгой, я начинаю понимать мысль Д. Мережковского о том, что человек Богу помогает воскреснуть.

ЧЕЛОВЕК

Я есть молекула твоя,
Мельчайший атом мирозданья.
Я — квант в структуре бытия,
Я — порожденье твоего сознания.

Ты воплощаешься во мне,
Как океан великий в капле незаметной,
Твой вечный дух мой освещает путь —
Идея бесконечности в материи конечной.

Я есть дитя Божественного света,
Пронзившего глубины первозданной темноты,
Я есть источник зла — Звезда рассвета,
Я есть тепло и радость доброты.

Я образ и подобие твое,
Тебя в себе я призван отразить.
Весь мир, весь космос беспредельный
Способен я любовью одарить.

Я, как и ты, миров творец,
Величья духа твоего зеркало.
Я есть материи конец,
Я есть бессмертия начало.

Май 2002 — май 2009
Нью-Йорк

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Амфитеатров А.* Дьявол в быту, легенде и литературе средних веков // Орлов М. История отношений человека и дьявола. — М., 2003.
2. *Андреев Д.* Роза мира. — М., 1999.
3. *Бейч К.* Круги жизней. Реинкарнация и паутина жизни. — М., 2003.
4. *Бердяев Н.* Спасение и творчество // Смысл творчества. Опыт оправдания человека. — М., 2003.
5. *Бердяев Н.* Дух и реальность. — М., 2003.
6. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Российское библейское общество, 2001.
7. *Блаватская Е.* Голос безмолвия. Избранные статьи. — М., 2001.
8. *Блаватская Е.* Тайная доктрина. Пробуждение космоса. — М., 2003.
9. *Блаватская Е.* Теософский словарь. — М., 2003.
10. *Бунин И.* Ночь. — В кн. Книга Екклесиаста. — М., 2000.
11. *Бьювел Р., Джилберт Э.* Секреты пирамид. Созвездие Ориона и фараоны Египта. — М., 2000.
12. *Вивекананда С.* Джнана-йога. — Харьков, 2004.
13. *Вивекананда С.* Карма-йога. Бхакти-йога. — Харьков, 2004.
14. *Гурджиев Г.* Беседы Вельзевула со своим внуком. — М., 2003.
15. *Гуревич А.* Избранные труды. В 2 т. — М.; СПб., 1999.
16. *Донини А.* У истоков христианства. — М., 1989.
17. Древний секрет источника молодости. — К.; М.; СПб., 2004.
18. *Зор Алеф.* Ответы непосвященному. В 2 т. — М., 2004.
19. Книга Екклесиаста. — М., 2000.
20. *Лосев А.* Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения. — М., 1998.
21. *Мережковский Д.* Тайна Запада. Атлантида — Европа. — М., 2007.
22. *Мережковский Д.* Тайна трех. Египет — Вавилон. — М., 2001.
23. Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2 т. — М., 1987.
24. *Печенкин А.* Изумрудная скрижаль Гермеса. — М., 2004.
25. *Picknett L., Prince C.* The Templar Revelation. Secret Guardians of the True Identity of Crist. — N.Y., 1998.
26. *Рассел Дж.-Б.* Князь тьмы. — СПб., 2002.
27. *Рерих Е.* Сакральное знание. Агни-йога о человеке, космосе, жизни. — М., 2005.
28. *Roob A.* The Hermetic Museum: Alchemy & Mysticism. — Tashen, 2001.
29. *Тейяр де Шарден Пьер.* Феномен человека. — М., 2002.
30. *Толстой Л.* Исповедь // Книга Екклесиаста. — М., 2000.
31. *Толстой Л.* В чем моя вера // Книга Екклесиаста. — М., 2000.
32. *Успенский П.* В поисках чудесного. — М., 2002.
33. *Успенский П.* Новая модель Вселенной. — М., 1999.
34. *Флоренский П.* Обратная перспектива. В кн. Имена. — М.; Харьков, 1998.
35. *Франк С.* С нами Бог. — М., 2003.
36. *Фрейзер Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. В 2 т., Т. 1. — М., 2001.
37. *Фрек Т., Ганди П.* Иисус и падшая богиня. — М., 2006.
38. *Хейзинга Й.* Осень средневековья. — М., 1998.
39. *Холл М.* Энциклопедическое изложение масонской, герметической и розенкрейцеровской символической философии. — М., 1997.
40. Энциклопедия. Символы, знаки, эмблемы. — М., 2004.

СОДЕРЖАНИЕ

Растут ли проблемы на деревьях?	4
<i>Глава 1. МОЯ ВЕРА</i>	8
Как я дошел до жизни такой?	8
Что есть вера?	11
Еще немного о вере	14
Кто сильнее — человек-творец или Бог?	16
Кому и зачем все это было нужно?	17
<i>Глава 2. КАК Я ПОЗНАЮ МОЙ МИР</i>	20
Вечерний разговор с Даниилом	22
Рефлексия разговора с сыном	23
Два способа познания мира: «внешний взор» и «внутренний взор». (Продолжение рефлексии разговора с сыном)	26
<i>Глава 3. ДУША И СОЗНАНИЕ</i>	37
Человек = Душа + Сознание	40
Есть ли душа у животных?	44
Что думают об этом «посвященные»? И является ли их знание истинным?	46
Чем человек отличается от животного?	54
Воспитание души	62
Душа и тело	62
Воспитание человека и животного. Принципиальные отличия	75
<i>Глава 4. ТВОРЧЕСТВО</i>	84
Что такое творчество?	84
«Ветер творчества». Лирическое, но важное отступление	84
Творчество — иллюзия или реальность	85
Творчество — всегда преодоление самого себя	86

Макрокосм и микрокосм. Подобен ли человек-творец Богу?	92
Смерть и воскресение Бога — тайный код творчества и бытия	97
Зачем нужны мифы?	97
Почему именно миф об умирании и воскресении Бога?	101
Дж. Д. Фрэзер: подчинение мира богов миру людей	105
П. Успенский: смерть есть рождение	109
«Тайна трех» Д. Мережковского	110
С. Франк и Н. Бердяев: творчество как путь к спасению	116

<i>Глава 5. ДУХ, ДУША И СОЗНАНИЕ</i>	119
Человек = Дух + Душа + Сознание	121
Почему человек использует только 5% потенциала мозга?	126
Дух — энергия творчества	130
Вдохновение	131
Одухотворение и духовность	134
Бог-Творец и человек-творец	137
Три уровня природы человека	139

<i>Глава 6. ДОБРО И ЗЛО</i>	152
Что есть добро и что есть зло?	154
Может ли существовать мир без зла?	156
Возвращаясь к Екклесиасту: царь Соломон о добре и зле	158
Столкновение миров: можно ли заразить злом?	163
Что лучше: оптимизм или пессимизм?	175

<i>Глава 7. ПОИСК ВИНОВНОГО</i>	180
Теодицея и «вирусная» теория Даниила	180
Кто же виновен?	193
Апология женщины	196
Виновата ли Ева? (Был ли первородный грех грехом?)	221
Виноват ли дьявол?	228
Кто он, подстрекатель или утренняя звезда?	228
Сатана — божество или ошибка творения?	231

<i>Глава 8. КАК ИЗМЕНЯЛИСЬ МОИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДОБРЕ И ЗЛЕ</i>	236
Добро и зло как ядерное содержание духовности	238
Становление, формирование и развитие моего понимания добра и зла. Структура главы	239
Становление	241
Формирование	249

Противопоставление средневековой и ренессансной картин мира у П. Флоренского.....	253
Изменение отношения к злу как обратная сторона ренессансного титанизма у А. Лосева	261
Критика представлений Д. Андреева о происхождении и природе зла	263
Развитие.....	274
П. Успенский, С. Франк, С. Вивекананда, Зор Алеф о природе зла ...	277
Возможна ли окончательная победа над злом? А. Амфитеатров, Дж. Б. Рассел, Е. Рерих	280
<i>Глава 9. МОЯ КОНЦЕПЦИЯ ДОБРА И ЗЛА</i>	290
Список литературы	314